

Секция II.

История и предыстория русского языка

Административная лексика XVIII века в мемуарной прозе Г. Р. Державина

Г. И. Багрянцева

Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

mosin55@bk.ru

Административно-правовая сфера, административная лексика, отраслевая лексика, мемуарная проза, тематическая группа лексики

Summary. This report describes the use of XVIII century memoir administrative vocabulary by the example of “Notes” by G. R. Derzhavin. The administrative vocabulary in the “Notes” is presented by three thematic groups: document names, names of the establishments, their departments and officials.

Важным этапом в истории русского литературного языка является XVIII век. В это время существенным изменениям подвергается лексическая система русского языка. Изменения в лексической системе происходят прежде всего в Петровскую эпоху, когда осуществляются реформы во многих сферах жизни русского общества. Реформы способствовали появлению как новых терминосистем, так и совершенствованию терминологий, сложившихся в предыдущие периоды.

В результате начатых Петром I и продолжившихся в последующие царствования преобразований центральной и местной власти значительно изменяется и обновляется административная лексика. Причем многие понятия административно-правовой сферы начинают обозначаться заимствованными из западноевропейских языков словами. Состав административной лексики пополняется на протяжении всего столетия.

Указанные пласт отраслевой лексики представлен а первую очередь в административно-юридических текстах, к которым в XVIII веке принадлежали жалованные грамоты, именные и сенатские указы, положения, регламенты, уставы, учреждения и другие.

Однако наряду с указанными жанрами делового стиля рассматриваемой эпохи административная лексика встречается (иногда в большом количестве) в произведениях мемуарной прозы, написанных видными государственными деятелями екатерининского времени. Среди них особенно следует отметить мемуары Гавриила Романовича Державина, который был знатным вельможей в последние десятилетия царствования императрицы.

После увольнения с военной службы в феврале 1777 года Державин начинает свою гражданскую службу в августе того же года с чина экзекутора в первом департаменте Сената, а завершает государственную деятельность в 1803 году министром юстиции в правительстве Александра I. За 25 лет службы Г. Р. Державин занимал различные должности, в том числе был губернатором Олонецкой и Тамбовской губерний, статс-секретарем Екатерины II, сенатором, президентом коммерц-коллегии, министром.

Все этапы карьерного роста подробно отражены литератором в его «Записках из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», написанных им в 1812–1813 годах. Несмотря на то, что мемуары созданы Державиным в начале XIX века, он употребляет в них лексику, характерную для административно-правовой сферы второй половины предыдущего столетия.

Административная лексика в «Записках» Г. Р. Державина представлена тремя тематическими группами, а именно: названиями учреждений и их отделов, названиями документов и названиями должностных лиц. Самой многочисленной среди них является вторая группа, в состав которой входит более семидесяти наименований. В числе данных наименований встречаются два слова, обозначающие родовые понятия — это *бумага*, употребляемое в значении «деловое письменное сообщение, документ», и *документ*. При этом первое наименование является у Державина более употребительным.

В мемуарах писателя встречаются главным образом названия документов, появившихся в XVIII веке. Из наимено-

ваний документов, употреблявшихся в предшествующую эпоху, следует отметить *грамоту*, *книгу*, *крепость* и *наказ*. Слово *грамота* входит также в качестве стержневого в составное наименование *дворянская грамота* (документ появился в XVIII веке). Составные же наименования *закладная грамота* и *подорожная грамота* Г. Р. Державин по сложившейся традиции употребляет без стержневого слова, просто как *закладная* и *подорожная*.

Слово *книга* является стержневым в наименованиях *бухгалтерская книга*, *записная книга*, *купеческая книга*, *приходная книга*, *расходная книга*, которые также встречаются на страницах мемуаров в качестве названий соответствующих документов описываемого периода русской истории.

Из наименований законодательных актов XVIII века, употребленных писателем и государственным деятелем в его «Записках», можно назвать как однословные: *регламент*, *указ*, *устав*, *учреждение*, так и составные: *генеральный регламент*, *дворянская грамота*, *апелляционный указ*, *государев указ*, *именной указ*, *сенатский указ* и другие.

Кроме того, Г. Р. Державин употребляет названия многих документов, обращавшихся в служебной переписке второй половины XVIII века. Среди них есть также однословные и составные. Например, *доклад* и *сенатский доклад*, *донесение* и *губернаторское донесение*, *мемория* и *сенатская мемория*.

Государственная деятельность Державина была настолько многосторонней, что в его «Записках» встречаются даже названия дипломатических документов, примером которых является *трактат*. А наряду с дипломатическими писатель упоминает просительные документы. Их можно отнести к деловым бумагам описываемой эпохи. Самый распространенный документ такого жанра назывался *прошением*, исконно русским по происхождению словом. Один раз писатель употребляет даже составное наименование с этим словом *уничжительное прошение*.

К деловым бумагам второй половины XVIII века относится и *протокол*. Документ с таким названием появился в Петровскую эпоху. Как и многие другие названия документальных текстов описываемого времени, оно было заимствованным.

Довольно многочисленной по своему составу является вторая тематическая группа, представленная названиями учреждений и их отделов (около семидесяти наименований). Все эти учреждения возникли в России в результате реформы центральной и местной системы власти. Из старых названий Г. Р. Державин употребляет только составное наименование *приказная изба*, поскольку в деревнях еще сохранялись подобные властные структуры. Названия остальных учреждений относятся к XVIII веку. Самым употребительным из них в «Записках» является *сенат*, посредством этого слова назывался главный орган власти в стране. Подавляющее большинство слов, входящих в эту тематическую группу, являются заимствованиями из европейских языков (латинского, немецкого, французского). Например, *архив*, *банк*, *биржа*, *департамент*, *канцелярия*, *коллегия*, *контора*, *магистрат*, *синод*, *экспедиция* и другие. В мемуарах Державина встречаются также слова данной группы, которые обозначают родовые понятия. К ним относятся *правительство* и составное наименование *присутственные*

места. По отношению к первому гиперониму гипонимами являются названия всех коллегий, упоминаемых писателем, а именно: *военная коллегия, вотчинная коллегия, иностранная коллегия, камер-коллегия, коммерц-коллегия, ревизион-коллегия*.

Большинство названий учреждений и их отделов, упомянутых в «Записках» Державина, являются по своей структуре составными: *ассигнационный банк, дворянский банк, коммерческий банк, воеводская канцелярия, губернская канцелярия, провиантская канцелярия, тайная канцелярия*.

Написание предлогов и приставок *въ, съ, къ* в белозерских деловых текстах XVII в.

И. В. Бегунц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ibeg04@mail.ru

Историческая диалектология, диалектная фонетика, написания, предлоги и приставки

Summary. Research on the history of Russian accents and dialects is based on the evidence of Old Russian manuscripts that reflect local phonetic features. Yet, certain cases found in manuscripts are hard to interpret, e. g. prefixes and prepositions *въ, съ, къ*, which can be spelt in various ways. In the abstract, two non-standard ways of spelling are considered, with *ы* and *и*. The former is likely to indicate local accent, whereas the latter can be treated in terms of spelling analogy.

Основным источником исторической диалектологии служат тексты, созданные на различных территориях распространения русского языка в прошлые века и отражающие особенности местных говоров. Изучение таких памятников позволяет реконструировать звуковой строй русских диалектов в определенную эпоху и проследить эволюцию диалектных черт во времени. В то же время, интерпретация орфограмм представляет собой достаточно сложный процесс, непременно включающий в себя сопоставление исследуемых памятников с текстами аналогичного типа, происходящих с других территорий; установление нормативности тех или иных написаний и их релевантности для воссоздания фонетической системы говора; сравнение результатов с данными описательной диалектологии. Для каждого типа написаний степень показательности устанавливается в отдельности, и в некоторых случаях интерпретация орфограммы проблематична.

К таким неоднозначным примерам можно отнести написания в предлогах и приставках *въ, съ* и *къ* перед следующим *ј*, обнаруженные в скорописных деловых текстах XVII в., а именно в отказных книгах по Белозерскому уезду (РГАДА, фонд 1209, оп. 2, №№ 12769, 12761, общий объем 2100 листов). Всего в текстах представлено четыре варианта написаний для данной позиции.

1. Наиболее распространенный стандартный вариант с *Ѣ* (обобщенным знаком для букв редуцированных *ѣ* и *ѥ*): *ѣѣ его окладѣ, ѣѣ их оклады, ѣѣ иѣ двореѣ*. Отметим, что формы личного местоимения 3 л. мн. ч., вероятнее всего, произносились в белозерском говоре с начальным *ј*-: *јими, јих*. На это указывают экспедиционные записи XX в., фиксирующие архаический слой говора, а также тот факт, что именно перед этими формами в исследованных текстах не наблюдается изменение *и > ы* после губных и переднеязычных (типа *в ыныѣ, в ыюле, с ѣѣго, с ѣѣсакоѣ*), ср. интерпретацию аналогичных примеров в деловых текстах XVII в. [2: 38], [6: 38].

2. Менее распространенный вариант с проясненным гласным *о*: *во его окладѣ*.

3. Написания с буквой *ы*: *з братом сы Якункои, ыы их оклады, ыыѣѣжому иноземцу, нововыѣѣжому иноземцу* (из контекста следует, что речь идет о приехавших иноземцах, получивших землю в Белозерском уезде).

4. Написания с буквой *и*: *си Екмком, з братом си Яковом, си Ермолкои; ви его оклад (27х), ви их оклады, ви Юрьево поместие, ви Еремеево поместие; ки его поместию (3х), ки ево старои даче (2х)*.

Варианты (1) и (2) нормативны и представляют небольшой интерес для диалектной фонетики. Варианты (3) и (4), напротив, требуют специального комментария.

Написания с буквой *ы* в рассматриваемой позиции встречаются в письменных памятниках нечасто. Аналогичные примеры перед следующим *и* имеются в смоленских деловых текстах начала XVII в. (*ыы Иваикова места Веселова в ыызменинячье*) и трактуются как отражение характерного для смоленских говоров предлога *ыы* 'в' [2: 191]. Анализу многочисленных примеров с предлогами и приставками *ыы, сы* и *кы* в фольклорных записях, отражающих акающие юж-

но- и западнорусские говоры, посвящена статья [1]. Л. Л. Васильев предположил, что предлоги и приставки *ыы, сы, кы* перед следующим *и* развивались во всех наречиях древнерусского языка фонетическим путем, однако продолжили свое существование в этом положении лишь с той части говоров, где сохранились древние сочетания с *ы* (*слепы, мыю*) [1: 253]. В описаниях белозерских говоров XX в. нет указаний на произношение [ы] в этой позиции, однако в соседних онежских говорах, также относящихся к севернорусским межзональным и характеризующихся взаимоналожением ареалов нескольких диалектных зон, в т. ч. западной, отмечается произношение типа *молодый* [4: 118]. Таким образом, возможно и даже вероятно фонетическое объяснение написаний с *ы* в белозерских текстах XVII в. — не исключено также, что они отражают явление, исчезнувшее впоследствии в диалекте.

Четвертый тип написаний, с буквой *и*, видимо, должен трактоваться иначе. Он представлен в древнерусской письменности крайне скудно: в деловых текстах XVI–XVII вв. такие случаи не отмечены. Что касается более ранних памятников, то, пожалуй, сходным явлением можно считать эффект замены «немого» *ь* на *и* в новгородских берестяных грамотах: *възмитъ* 'возьмите', *овиса* 'овса', однако в целом для грамот такие написания малохарактерны [3: 35]. Такого рода примеры имеются в украинских грамотах XIV–XV вв., в большинстве случаев единичные; последовательно данный эффект проявляется лишь в староукраинской грамоте 1393 г., где буква *ь* вообще не употребляется, а ее функции (обозначение мягкости согласного) выполняет буква *и*: *пишети* 'пишет', *наишу печати* и пр. [5: 268]. Следует, однако, отметить, что в белозерских текстах написания типа *ви его* наблюдаются исключительно перед следующим *ј*, т. е. говорить об общем эффекте замены «немого» *ь* на *и* не приходится. Вероятно, объяснение таких написаний может быть также графическим, но связанным с обозначением на письме рефлексов слабых напряженных редуцированных. В исследованных текстах в равной степени встречаются написания с *ь* и с *и* перед *ј* в таких словах, как *имение / именье, поместие / поместье* и пр. Не исключено, что возможность записи последовательности -С'ј- через *и* проявилась и в написаниях предлогов и приставок перед следующим *ј*.

Литература

1. Васильев Л. Л. К характеристике сильно-акающих говоров // РФВ. 1907. № 3–4. С. 241–262.
2. Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
3. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
4. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
5. Молдован А. М. Пять новонайденных украинских грамот конца XIV — начала XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 261–276.
6. Хрымова М. Б. Отражение изменения *и > ы* в орфографии рукописей XVII в. // История русского языка. Вып. 2. Среднерусский период. Л., 1982.

Семантическая история генетически соотносительных коррелятов в русском языке

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

bekasova@mail.ru

Проблема генетической основы русского литературного языка

Summary. The semantic history of genetical correlations in the Russian language. This article sums up the main results of the genetic language organization study which makes it possible to explain the diversity in preslavonic groups of reflexes as well as their role in the system of the Russian language.

Способность русского языка к присвоению инославянских элементов сообразно особенностям его системы и страт определила специфику в том числе и русского литературного языка, которое отмечено многими исследователями как «сожительство», «культурные преемства и наследия», «радиация», «прививка» (Н. С. Трубецкой), «двумерность (a two-dimensional languages)» (Б. О. Унбегаун), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В. В. Виноградов), «амальгама» (Г. О. Винокур), «сплав», «трансплантация», «импортирование», «инкрустирование» (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский).

Особенно наглядны в этом отношении механизмы взаимодействия и отбора восточнославянских и южнославянских по происхождению элементов на материале важной для атрибуции природы русского литературного языка группы слов, содержащих генетически неоднородные рефлексы праславянских сочетаний. История семантических и словообразовательных потенций коррелятов типа *нужда* — *нужа*, *град* — *город*, *вращати* — *ворочати* свидетельствует о своеобразии их семантической истории, определяющей современный облик гетерогенности русского литературного языка.

С момента столкновения восточнославянской и южнославянской языковых стихий действие семантического фактора было предопределено возможностью появления соотносительных лексем, что в свою очередь обуславливало наличие или отсутствие корреляций, нуждающихся в семантической или стилистической дифференциации. Однако число таких корреляций в отдельных группах праславянских рефлексов было различным.

Отсутствие запретов на вхождение неполногласия в русский язык и реализация полногласных / неполногласных сочетаний, как правило, в корне, где в основном концентрируется семантическая и стилистическая маркированность слова, стали причиной возникновения соотносительных пар и дифференциации членов, а вследствие этого их достаточно хорошей сохранности в современном русском литературном языке, например: *ворота* — *врата*, *голос* — *глас*, *голова* — *глава*, *золото* — *злато*, *краткий* — *короткий*, *молод* — *млад*, *норов* — *нрав*, *порожений* — *праздний*, *порох* — *прах*, *сторона* — *страна*, *холод* — *хлад* и др.

К группе лексем с полногласием / неполногласием примыкает группа «отдельных слов», которые в результате своей «отдельности» обладали высокой степенью дублетности в древнерусских текстах. Однако если часть коррелятов распалась по грамматическим причинам (*вижь* — *виждь*, *лечи* — *леци*), то другие корреляты претерпели семантические преобразования в связи с укреплением с середины XVIII в. позиций южнославянского по происхождению рефлекса *dj. Данный процесс распада пар можно назвать семантической «рокировкой», в результате которой нередко сохраняется член в южнославянском облике с семантической структурой и формо- и словообразовательными возможностями исконного коррелята.

Для лексем с рефлексами *tj и — особенно — *dj становление подобной соотносительности было значительно затруднено и по фонетическим и по морфологическим причинам, поэтому нуждающихся в разграничении пар было немного и их распад характеризовался специфическими чертами, обусловленными вхождением основной массы оппозитов в систему образований с полной парадигмой морфонологических чередований, где определяющей становилась зависимость от того, что было свойственно другим однородным лексемам или однотипным формо- и словообразовательным моделям. Поэтому такие лексем практически не испытали на себе действие семантического фактора, так как позиционное размежевание не содействовало сохране-

нию или появлению морфонологических дублетов. Немногочисленные пары типа *утвержати* — *утверждати*, *рожение* — *рождение* распадаются в пользу образований, в которых реализация рефлексов соответствует основным закономерностям употребления гетерогенных альтернантов — формо- и словообразовательному расподоблению морфонологических дублетов и тождеству генетической альтернативы всех однокоренных образований. При этом часть генетически и морфемно разживавшихся образований сохраняют следы своего былого употребления в сакральных текстах, например: *просвещать* — *просвечивать*, *насаждать* — *насаживать* и под.

На первый взгляд, различия указанных групп лексем укладываются в типичное русло, особенно в тех случаях, когда один из оппозитов характерен для сакральных текстов: слова с южнославянскими по происхождению альтернантами чаще всего выражают абстрактные и переносные значения. Однако анализ показывает, что данное утверждение по отношению к приведенному списку требует существенной корректировки. Во-первых, семантический «зазор» между генетически соотносительными коррелятами весьма невелик, более того, имеются все основания утверждать, что в семантической структуре слов больше тождества, чем различий. Во-вторых, тексты древнерусского периода одновременно характеризуются предпочтительностью употребления южнославянского по происхождению рефлекса *tj при преимуществе восточнославянского по происхождению рефлекса *dj и разнообразию полногласных и неполногласных соответствий, что дает основание утверждать наличие принципа генетического разнообразия у древнерусских книжников. В-третьих, яркая семантическая дифференциация коррелятов в системных образованиях с рефлексами *dj, *tj — чаще всего явление исключительное, о чем, в частности, свидетельствует творчество неистового пророка Аввакума. Выдающийся мастера слова употребляет исконный альтернант только в случаях, когда речь идет о рождении «рыб, гадов, и вся ныряющая и плавающая»: *тако и зверие... комарне от тины ся ражающе...* Ав. II, 200, *ови ся ражают птицами, ови янца несуть* Ав. II, 201 и под. Альтернант *жд* характеризует лексемы в прямом и переносном значениях применительно к человеку или богу: *Аще вином упивается — у таковых рождаются плешаты* Ав. II, 544, *в нем же <православии> рожден Ав. II, 325, Близ меня отравя в люди рождаются, а мне молчать?* Ав., I, 209, *Бына своего единородного рождаема от жены* Ав. II, 299 и под. В сочинениях Аввакума такие корреляты также несут большую смысловую нагрузку в обосновании правильности веры «старолюбцев» и их борьбы против реформ Никона. Так, разный смысл вкладывается «огнепальным пророком» в характеристику действий, с одной стороны, «никониан окаянных» и бывших ревнителей древнего благочестия, а с другой — всех остальных людей, в том числе заблуждающихся или отступивших от Бога, ср.: *Самый Дух Святый оскорбляют и досаждают, паче, нежели оный разоритель трупезы* Ав. II, 565, *не досажай волею мне* Ав. II, 367 — *волхвы, звездочетцы, алмашники токмо господу досаждают...* *Увы о них, бедных!* Ав. II., 681, *а еще кто не богоборец, и не еретик досаждает ти, такового любить подобает* *господни заповеди* Ав. II, 493, *и за противные и досаждающие тебе молися* Ав. II, 798 и др.

Неоднозначность судьбы разных групп рефлексов на русской почве показывает действие различных механизмов включения унаследованных южнославянских по происхождению элементов, их взаимодействия с исконными соответствиями и отбора по законам принимающего языка, что обогащает его морфонологические, словообразовательные, семантические и стилистические возможности.

Эволюция слоговых плавных в Северной Славии

Д. Д. Беляев

Тульская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ / Тульский государственный педагогический университет
beltula@tula.net

Праславянские диалекты, слоговые плавные, формирование, расщепление, механизм

Summary. The author analyses the systemic factors and mechanism of formation of syllabic liquids in Common Slavic and of their splitting in Northern Slavic. The competition of alternative evolutionary trajectories is at center of attention.

1. Одной из ранних стадий оптимизации конца слога в ходе развития праславянского слогового сингармонизма стало преобразование сочетаний «гласный + плавный». В середине слова синтагматическое притяжение регулярно формировало слоговые сонанты: VL → L̥. От гласных фонем они унаследовали сингармоническое варьирование по ряду (недизность → передний; дизность, нейтральность → передний). Но вокальные ДП испытали трансфонологизацию: 1) широкий : узкий раствор → долгота : краткость, откуда, в результате отталкивания, 2) долгота : краткость → акут : отсутствие акута.

Анлаутная позиция имела 2 степени свободы. На севере Славии здесь победило синтагматическое отталкивание — метатеза, сохранившая различие долгих / кратких гласных фонем: *ālnīī : *āldīī → др.-рус. ланьа — лодьа, пол. łani — łódź, чеш., слов. laň — loď. На юге (включая протосреднесловацкие говоры) слоговые сонанты формировались и в анлауте, а пробы метатезы оставили следы в ст.-слав. ра / об-, ра / оз-, ю.-слав. loboda и др.

2. Разрешение противоречий, обострившихся в системе вокализма после монофтонгизации дифтонгов, привело к трансфонологизации праславянской количественной корреляции в ДП подъема (и вторично огубленности):

ŷlī : ŷlī → ŷlī : ыль; ālle : ālle → allā : αlle; a : α(lle) → a : o(lle); ь(ль) : α(lle) → ь(ль) : o(lle).

Оппозиции слоговых плавных, не обладавших ДП ширины раствора, не могли участвовать в общем процессе. Их эволюционными реакциями становились: 1) синтагматическое расщепление оппозиций; 2) их отталкивание и расхождение / притяжение и совпадение.

Механизм расщепления характеризовался следующими параметрами:

а) количество выделяемых вокальных сегментов (краткость → 1; долгота → 2);

б) их позиция относительно сонанта (краткость → препозиция / постпозиция; долгота → циркумпозиция);

в) наличие / отсутствие их фонологизации (а при наличии — характер фонологизации).

3. Вокальные сегменты, выделявшиеся из долгих сонантов в Северной Славии (в отличие от предшествующего этапа, уже без чеш.-слов. ареала), были относительно свободны в своем развитии. Их фонологизация ориентировалась на наиболее динамичную зону (средний / средне-верхний подъем). Но выделение 2 сегментов вступало с просодической целостностью слога в противоречие, разрешавшееся двумя путями:

1) Синтагматическое притяжение, сохранение односложности рефлекса —

{CəLα} / {CαLə} → CLo, {CəLe} / {CeLə} → CLe (запад, лехит. и луж. ареалы).

2) Синтагматическое отталкивание, расщепление рефлекса на два слога —

{Cə}{Lα} / {Cα}{Lə} → CoLo, {Cə}{Le} / {Ce}{Lə} → CeLe (вост.-слав. ареалы).

(При этом на всей территории Северной Славии в той или иной степени проявляется бемольность латерального сонанта: происходит отверждение содержащих его мягких слогов — особенно широко в полабском и восточнославянских языках.)

4. Выбор пути зависел от протекания кризиса слогового сингармонизма. Его основное проявление — межслоговое взаимодействие — в Западной Славии стало источником контракции: $\text{CV}_1\text{V}_2 \rightarrow \text{CV}_2$ (поглощение нейтральных слогов с нулевым консонантом, породившее сочетания типа C'ā, Cē, т. е. разложение дизных и недизных слогов). А в Восточной Славии полем межслоговых взаимодействий оставалась модификация качества целостных слогов, и разложение сингармонизма было относительно медленным и плавным. Отсюда вытекали различия в характере акцентной эволюции.

1) На западе конвергенция стяженных долгих гласных с продуктами новоакутового и компенсаторного удлинения восстановила количественную корреляцию, несовместимую

с фонологизованным динамическим акцентом. Фиксированное автоматическое ударение стимулировало обобщение одного из вариантов рефлексии (открытого слога). Препозитивный сегмент выпал, как всякий слабый редуцированный, оставив косвенные следы: др.-пол. we proch, ze błota, н.-луж. prog. Но в неоптимальном сочетании **pr** он фонологизовался (синтагматическое полногласие): пол. porów, словин. pierzost (альтернатива — диссимилиация по месту образования: пол. диал. mrzost).

2) На востоке динамическое ударение фонологизовалось и, став активным средством организации грамматических парадигм, поддержало интеграцию вариантов расщепления, т. е. фонологизацию обоих призвуков (первое полногласие). Регулярные рефлексы — *oro, ep'e, olo* (ŷ × ŷ). Но отверждение мягких слогов корректировалось ассимилятивными факторами: *селезенька, целенькь — щеломь*. А диссимилиативный механизм создавал возможность нестандартной фонологизации: рус. *полынья*, диал. *скорынья, голымя, шобыля*.

5. Вокальные сегменты, выделявшиеся из кратких сонантов, как правило, занимали препозицию. На западе это было прежде всего результатом отталкивания от рефлексов долгих оппозиций: $\text{əLo} : \text{əL} / \text{Lə} \rightarrow \text{Lo} : \text{əL}; \text{əLe} : \text{əL} / \text{Lə} \rightarrow \text{Le} : \text{əL}$. На востоке, в связи с длительной нестабильностью таких рефлексов, — от исконных сочетаний **Льль**. Однако инерция сингармонизма порождала здесь импульс к открытию **əL** путем вставки дополнительных призвуков: **Льль** : **əL** / **Lə** → **Льль** : **əLə**. Впоследствии они либо выпадали, либо фонологизовались путем конвергенции с рефлексами долгих плавных (второе полногласие, особенно интенсивное в консервативных сев.-зап. говорах).

6. Фонологизация вокальных сегментов регулировалась парадигматическими (мягкостная корреляция согласных), синтагматическими (соседние [C]) и экспрессивными факторами. При этом в лехит. и н.-луж. возможна победа постпозитивного гласного.

Пол. 'ir' : $\text{ar} / (\text{P}, \text{K}+) \text{ur} / \text{yr}$: sirzp (→ sierp) : targ; murzeć / диал. murzeć / murzeć; karcz «пень» — kurz «судорога»; 'il' : $\text{ol} / (\text{P}, \text{K}+) \text{el} / (\text{T}+) \text{lu}$: wilk : połk (→ pułk), żofna, belt, welna, kiełb; długi.

Н.-луж. 'er' : $\text{ar} / \text{yr} / (\text{P}, \text{K}+) \text{ur}, \text{or}; \text{'el}' : \text{ol} / (\text{P}+) \text{al} / (\text{K}+) \text{el} / (\text{T}+) \text{lu}$.

Наиболее симметричен в.-луж. процесс: $\text{ə}(\text{+L}) \times \text{ɥ}(\text{+C}) \rightarrow \text{ɥ}(\text{+C}') \times \text{'ə}(\text{+L}') \times \text{ɥ} \rightarrow \text{o} : \text{'e}$.

Вост.-слав. $\text{oL} / (\text{P}, \text{K}+) \text{uL}, \text{yL}, \text{aLl}' \text{eL}$: боркати / буркати, рус. диал. хоркать / хыркать / харкать; корбмысло; сёрп, чёрньё, верёвка; рус. диал. гольчить / гальчить; хлынуть / хьлнуть; мольня / мольня / мольня; долгъё; чёлнь. Отверждение слогов с латеральным сонантом на этот раз прошло регулярно. Более того, спорадически проявлялась и менее интенсивная бемольность вибранта: рус. диал. доржать, ворбвина, блр. доргаць.

7. В периферийных зонах представлены нестандартные эволюционные траектории, обусловленные интенсивным отверждением слогов со слоговым латеральным, усиленным неустойчивостью блока, и акцентной спецификой. На сев.-зап. периферии лехитского ареала (полаб., кашуб.-словин. говоры) автоматическое ударение не стало фиксированным, и конкуренция результатов расщепления слоговых плавных затянулась вплоть до падения редуцированных. Итогом стали несимметричные конвергенции:

$\text{orα} / \text{orα} \times \text{ər} / \text{rə} \rightarrow \text{ar}$: полаб. gord, korvo, hornā — borz; словин. garc, karva, xarna — bärzē;

$\text{olα} / \text{olα} \times \text{lə} \rightarrow \text{lā}$: полаб. glāvā, mlāt — blāxā, slādzā.

На сев.-зап. периферии восточнославянского ареала (новг.-псков. говоры) тормозилась фонологизация автономного ударения. Это также продлило конкуренцию результатов расщепления, создав условия для альтернативных конвергентных процессов:

$\text{əLα} / \text{αLə} \times \text{əL} / \text{Lə} (\times \text{Lьль}) \rightarrow \text{Lo}, \text{Le}$: *срочька* (НБГ XII в.), диал. *бленье, брезнец* (о.-рус. *оглоушить, отрёбье*) — *мловила* (НБГ XII в.), диал. *мрба, ослоп* (о.-рус. *бревно, кропаты*).

Актуализация концепта *пространство* в сибирской летописи (на материале Есиповской летописи XVII века)

А. Г. Бессонова, М. А. Харламова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

brizzko@mail.ru

Сибирская летопись, пространство, топонимика

Summary. My report describes concept of space in the Siberian chronicle XVII century by Savva Esipov. Upon further text analysis, we can realise in which case and what for author had used different toponyms.

Пространство, наряду со временем, является, как известно, основным атрибутом материи, основной формой бытия. Как отмечает А. Я. Гуревич, не случайно пространство не только дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, пространственным сферам [2: 87].

Существенно то, что язык описывает уже «обжитое» пространство, языковое пространство собирается как антропоцентричная система. Идею антропоцентричности языка в наше время можно считать общепризнанной. Ю. Д. Апресян пишет, что: «...для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» [1: 44].

В тексте Есиповской летописи происходит так называемое «присвоение субъектом пространства». Ярче всего в летописи это проявляется на уровне топонимов. Все пространственные номинации в тексте памятника связаны друг с другом и с человеком. Автор исследуемой летописи не ставит себе целью описать географические названия, он упоминает их всякий раз, когда возникает необходимость рассказать о каком-либо значимом факте:

1. О месте расселения народов по Сибирской земле.

Первая река в Сибирскую землю изыде, глаголемая Тура. По сей же реке жителство имеют людие, рекомии возглицы, глаголют же своим языком, поклоняются же идолом. В сию же реку Туру паки река вниде Тагил, еще же вниде река Ница; и совокупишася три реки во един сонм, да еще и совокупишася, но имянуетьца Тура старейшества ради. Оттоле же иде река Тура внутрь Сибирския земли; по ней же живут тотаровя. Река же Тура вниде в реку, глаголемую Тобол; Тобол же река вниде в реку, глаголемую Иртыш. Сия же река Иртыш вниде своим устием в великую реку, глаголемую Обь. По сих же реках жителства имеют мнози языци: тотаровя, колмыки, мугалы, Пегаля орда и остяки, самоедь и прочая языци [3: 44–45];

Царь же Чингис собрав воинство много и вооружено и отпусти его по реце Иртышу, идеже живяху чюдь [3: 46];

А около Ленского города живут ясачные люди, словут якуты, веры и грамоты нет, хлеб не родитца, язык свой, а скота много [3: 77].

2. Номинации топонимов обнаруживаем при упоминании сибирских царей и князей:

Река, глаголемая Ишим, вниде устием своим в реку Иртыш, иже прежде именовал. На сей же реце Ишиме бе царь Моаметова закону именем Он. И воста на него его же державы от простых людей имянем Чингис;

Изыде же князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда град, и нарече его Чингиден; ныне же на сем месте град Тюмень [3: 46];

По сем Ядеров сын Мамет казанского царя уби Упака и град свой Чингиден разруши, и отиде оттуду внутрь Сибирския земли, и постави себе град на реке Иртыше, и назва

его град Сибирь...И оттоле пресеся царство на реце Ишиме [3: 47];

3. Рассказ о движении Ермака и его дружины по Сибири и взятии и основании ими городов и острогов сопровождается описанием географии этих мест:

В лета 7089, при державе благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца, приидоша сии воины с Волги в Сибирь, Идоша же в Сибирь Чюсовою рекою и приидоша на реку Тагил, и плыша Тагилом и Турую, и доплыша до реки Тавды [3: 51];

Ермак же не со многими воинскими людьми поиде на стречю их, поганых, по реке Иртышу в стругах. Дошедше до реки Вагая, бухарцов не обреете и паки шед по Вагаю вверх до места, иже зовомо Атбаш, и не обреете, и от того возвратися [3: 63];

4. Безусловно, значительная роль отведена местам сражений казаков с татарами, где также представлены летописцем названия сибирских мест:

Слышав же царь Кучюм пришествие русских воин и мужество их и храбрость, и о сем оскробися зело. Сам же повеле засеку учинити подле реку Иртыш под Чювашевым... Меметкул же с вои своими доиде до некоего урочища, иже Бобасан река имянуем. Бысть же ту брань велия, и побиха поганые множество, на бежение поганые устремишася. Паки ж казацы поплыша в стругах своих по реке Тоболу. Тотаровя же начаша стреляти из-за горы на струги их [3: 52];

Царь же Кучюм, виде своих падение, изыди со многими людьми на высокое место на горе, рекомей Чювашеве... Казацы же поидоша по Иртышу вверх и взяша городок Атик мурза, седиша в нем [3: 53].

Проанализировав текст летописи, мы увидели, в каком масштабе автор представляет себе пространство Сибири. Местные топонимы (гидронимы и урбонимы) помогают летописцу подлинно и исторически достоверно воспроизвести и описать те или иные события, связанные с походом Ермака в Сибирь. Пространство в летописи членится поразному. С одной стороны, летописец демонстрирует нам бескрайние просторы Сибири, показывает его в динамике, когда ведет нас маршрутом Ермака и его дружины. С другой стороны, пространство оказывается постоянным и циклическим, в том случае, когда описываются народности, проживающие по берегам какой-либо реки. Автор членит пространство на города, остроги, улусы.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
2. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1997.
3. Полное собрание русских летописей // Полное собрание русских летописей. Том 36. Часть 1. Группа Есиповской летописи. М., 1983.

Язык договоров Руси с греками X в. в свете византийского дипломатического этикета

М. В. Бибииков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

mbibikov@mail.ru

Греческий язык, перевод, древнерусский текст, договоры, дипломатический этикет, терминология

Summary. The language of the Russian-Greek treaties of the 10thC in context of Byzantine diplomatic rite. The paper deals with the problem of understanding of the texts of Medieval Russian treaties with Byzantium, survived in the text of Russian Primary Chronicle. Without taking into account the reconstructed Greek diplomatic realities the text of the treaties cannot be interpreted.

Доклад посвящен анализу реконструированного текста дипломатических клаузул русско-византийских договоров

X в., сохранных только в древнерусских переводах в составе «Повести временных лет». Без учета греческих языко-

вых и дипломатических реалий существующий текст договоров не может быть корректно интерпретирован

Исходя из переводного характера текстов русско-византийских договоров, исследователи неоднократно предпринимали попытки «реконструировать» оригинал актов и определить их словесные формулы и термины на греческом языке.

Это прежде всего касается клаузул договора. Так, Н. А. Лавровский сопоставлял заключение договора Олега «святого единосущною трицею, единого истинного бога нашего» с заглавием послания к королю (αἰξ) франков, воспроизведенным Константином Багрянородным в «Книге церемоний»: ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ἑνὸς καὶ μόνου καὶ ἀληθινοῦ θεοῦ ἡμῶν. Начало же этого договора «суть, яко понеже мы ся имали... По первому убо слову» сопоставимо с началом послания персидского царя Хосрова к византийскому василевсу, воспроизведенным Феофилактом Симокатой: καὶ ἔστι λαβεῖν τὴν τῶν πραγμάτων ἀκολουθίαν τοῖς ἡμετέροις αἰήμασιν συμφωνούσαν. ἐπεὶ τοίνυν... и т. д.

Формула перехода к изложению существа дела — после общей мысли о цели посольства и изложения его причины — также схожи: «многожды право, судихомъ» и δεῖν ὀθήμεν (послание Юстиниана к V Вселенскому собору, известное из Скилицы).

Начальную дипломатическую формулу «равнодругому свещанию» Н. А. Лавровский в свое время совершенно верно интерпретировал как кальку с греческого ἴσον συμβολαίου (или συμβολῆς). Гречизмами являются и выражения «бывшаго при царе Романе, и Константине, и Стефане. Христолюбивых владык» или «бывшаго при Святославе, велицем князе Русем и при Свенадльое», отражающие византийскую конструкцию πρὸς с дательным падежом.

Ряд конструкций и выражений русского текста договоров «реконструируется» в их греческом облике следующим образом. «Аще ли кто отъ людей царства нашего, ли от города нашего, или от инех городъ, ускочит челядин наш к вам...» могло быть εἰ δὲ τις ἀπ' ἀνθρώπων τῆς ἡμετέρας βασιλείας ἢ ἀπὸ τῆς ἡμετέρας πόλεως, ἢ ἀπ' ἄλλων πόλεων ἀποδησῆι δοῦλος ἡμῶν πρὸς ὑμᾶς... Формула «Яже многими к Василиеву оклеветана» может отражать οἱ πολλὰ πρὸς βασιλείου διαβληθέντες, а «на удержание и на извещение от многих лет межю христианы и Русью бывшую любовь» — εἰς τὸ ἐπέχειν τε καὶ ἐπαγγέλλειν ἀπὸ πολλῶν χρόνων μεταξύ χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥώσ γενομένην ἀγάπην или εἰς τὸ

φυλάσσειν μεθ' ὑμῶν Ῥωμαίων ὁμολογία καὶ ἀπογραφὴ μεθ' ὄρκου ἐπαγγελλομένην ἀγάπην. «Иже суть под рукою его сущих Руси» и «иже от Бога суща» представляет выражение τῶν ὑπὸ χεῖρα αὐτοῦ ὄντων Ῥώσ и οἱ ἀπὸ θεοῦ ὄντες.

И. Сорлен справедливо отмечает, что обратный перевод Н. А. Лавровского ориентировался на греческий язык классической древности, в то время как тексту договоров должен соответствовать средневековый греческий, причем, язык актов. В итоге, представляет опыт обратного перевода договора 911 г. на греческий язык, учитывая византийские реалии.

Ἡμεῖς ἀπὸ τῆς φυλῆς τῶν Ῥώσ... ἀποσταλέντες παρὰ Ὀλέγκ μεγάλου ἄρχοντος ἄρχοντος Ῥωσίας καὶ παρὰ πάντων τῶν ὄντων ὑπὸ τὴν χεῖρα αὐτοῦ λαμπροτάτων καὶ μεγάλων ἀρχόντων καὶ μεγάλων βοιγιάρων αὐτοῦ, πρὸς ὑμᾶς Λέοντα, Ἀλέξανδρον καὶ Κωνσταντῖνου, μεγάλους ἐν θεῷ αὐτοκράτορας καὶ βασιλεῖς Ῥωμαίων, εἰς τὸ φυλάξει καὶ δηλώσαι τὴν πρὸ χρόνων ἀναμέσον χριστιανῶν καὶ Ῥώσ γεγонуῖαν ἀγάπην. Βουλῆ (θελήσει) καὶ προστάξει (προτροπῆ) τοῦ μεγάλου ἡμῶν ἄρχοντος καὶ πάντων τῶν ὑπὸ χεῖρα αὐτοῦ ὄντων Ῥώσ.

Ἡ ἡμετέρα λαμπρότης πλέον τῶν ἄλλων ἐθέλψα φυλάξει ἐν θεῷ καὶ δηλώσαι (φανερῶσαι) τὴν τοι αὐτὴν ἀγάπην γεγонуῖαν ἀναμέσον χριστιανῶν καὶ Ῥώσ πολλάκις δίκαιον ἐκρίναμεν, οὐ μόνον ἀπλῶ λόγῳ (ἀλλὰ) καὶ γραφῆ καὶ ὄρκῳ στερεῶ ὀμνύουσα ἐπὶ τοῖς ἐμοῖς ὄπλοῖς τὴν τοιαύτην ἀγάπην βεβαιῶσαι καὶ δηλώσαι κατὰ τὴν πίστιν καὶ τὸν νόμον ἡμῶν.

Ἵνα δὲ τὸ ἀσφαλὲς καὶ ἀδιάσειστον ἦ μέσον ὑμῶν χριστιανῶν καὶ Ῥωσίας, τὴν γεγонуῖαν εἰρήνην πεποιήκαμεν γραφῆ Ἰωάννου (ἐν) δυοῖ χαρτίοις: τοῦ βασιλέως ὑμῶν καὶ οἰκεία αὐτοῦ χεῖρι προκειμένον τοῦ τιμίου σταυροῦ καὶ (ἐν ὀνόματι) τῆς ἁγίας καὶ ἀδιαίρετου τριάδος τοῦ μόνου καὶ ἀληθινοῦ θεοῦ ὑμῶν πρὸς τὸ βεβαιωθῆναι καὶ ἐπιδοθῆναι τοῖς ἀποκρισιarioῖς ἡμῶν.

Ἡμεῖς δὲ ὀμώσαμεν τῷ θεοσθηρῶ καὶ θεοπροβλήτῳ βασιλεῖ ὑμῶν κατὰ νόμον καὶ ἔθος τοῦ ἡμετέρου ἔθνους, τοῦ μὴ παραβιάζειν ἡμᾶς ἢ ἕτερον τινα τῆς χώρας ἡμῶν τὰ τεθέντα κεφάλαια τῆς εἰρήνης καὶ ἀγάπης: τοιαύτην γραφὴν ἐπεδώκαμεν τῇ βασιλείᾳ ὑμῶν εἰς τὸ στέργειν ἀμφοτέρους ἐμμένειν τῇ τοιαύτῃ συμφωνίᾳ καὶ εἰς τὸ διαφυλάξει καὶ δηλώσαι τὴν μεταξύ ἡμῶν γεγонуῖαν εἰρήνην, μηνὶ Σεπτεμβρίῳ β', ἰνδικτιῶνος ιε', ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου ἑξακισχιλιοστῷ τετρακοσιοστῷ καὶ εἰκοστῷ.

Отражение категории двойственного числа в Реймском Евангелии

Э. И. Биккинина

Гранадский университет

elvirabikkinina@gmail.com

Реймское Евангелие, двойственное число, XI век

Summary. The usage of dual forms in ancient Slavonic texts may be of a great value for manuscripts dating. In the Reims Gospel, being compared with other Ancient Slavonic and Old Russian texts, this category is reflected constantly and may indicate the early Reims Gospel composition (XIth century). Moreover, the manuscript reflects some peculiar curious cases of dual forms with proper names which may also evidence the ancient origins of this text or its protograph.

Употребление двойственного числа по памятникам может быть очень показательным при определении древности текста. Двойственное число, в целом, довольно строго сохранялось в раннем древнерусском языке. Исследование этой категории в Реймском Евангелии привело к следующим результатам.

1. Двойственное число в Реймском Евангелии сохранено очень последовательно в разных его типах: количественно-предметное дв. ч. (4 примера), конгруэнтное (согласовательное) дв. ч. (23 примера), счетно-количественное дв. ч. (4 примера). Лишь в двух случаях наблюдаем множественное число на месте двойственного, вероятно, связанное с удаленностью слова, передающего двойственность (обе замены приходятся на Мт. XI, 2–11 и последовательно проведены также в Остромировом Евангелии): *тѣмъ же исходащемъ (два ѿ оученикъ его) нача ис галти. народомъ. о нанѣ* (PE, 16a, 7–20).

2. Древнерусские окончания аориста 3 лица двойственного числа (*ста* вместо *сте*) в Реймском Евангелии встречаются 9 раз. Их появление может отражать «совпадение форм 3-го и 2-го лица, обычное для глагола в формах про-

шедшего времени, и, вероятно, является типичным русизмом древнерусского языка» [3: 326]. В Реймском Евангелии они являются вполне обоснованными как в памятнике, имеющем древнерусские истоки. Примеры подобного типа встречаются уже в Остромировом Евангелии.

3. Обращает на себя внимание и окончание *-сте* для 2 лица двойственного числа, отражающее, вероятно, похожее явление совпадения форм 2-го и 3-го лица: *не вѣсте* (9a, 20–1).

4. В «антропонимических текстах» [1: 9] памяти месяце-слова Реймского Евангелия в *конструкциях с двумя именами* наряду с формами единственного и множественного числа встречаем несколько примеров, в которых так или иначе может быть отражено двойственное число. В них часто сложно судить о том, использовано ли двойственное число или обычное для этой рукописи сочетание формы родительного и дательного падежей (что, возможно, объяснимо своеобразной контаминацией значений и сочетаемости слов *пам(т)* и *сг(р)а(с)*, а также синкретизмом слов во фразе) [5: 117–123].

4.1. Об использовании формы *божественного двандва*, пожалуй, можно с уверенностью говорить лишь в одном слу-

чае: **М(с)ЦА тго: и: сьньмь стхъ англъ миханлу и гаврилу** (1в, 7–9).

4.2. В РЕ встречаются три *нейтральные формы синтаксической дуальности*, например:

ДП дв. ч. + (РП ед. ч. — РП ед. ч.):

па(м) стма безмъздъник(о)ма коузьмы и дьмьана (1а, 13–14).

В этом примере, помимо обобщающего слова в двойственном числе, видим сочетание дательного и родительного падежей. Сравним в Остромировом Евангелии: **патъ стьма безмъздъникама козмъ и дамниану** (281d) [6].

Множественное число вместо двойственного в составе репродуктивной формулы в тексте памяти месящеслова Реймского Евангелия встречается один раз: **М(с)ЦА тго: и: сьньмь стхъ англъ миханлу и гаврилу** (1в, 7–9). Известно, что в антропонимических текстах, имевших одинаковую структуру, «ряды из двух и более имен оказывались в тождественных контекстах, что и могло вызывать спорадические примеры текстово-речевого смешения дуального упот-

ребления с плюральным» [1: 61]. Примеры этому встречаются уже в самых ранних текстах (Ассеманиево Евангелие, Остромирово Евангелие) [1: 61].

Таким образом, двойственное число в Реймском Евангелии употреблено очень последовательно во всем месящеслове во всех грамматических категориях, что еще раз свидетельствует в пользу древности этой рукописи.

Литература

1. Жолобов О. Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997.
2. Жуковская Л. П. Реймское Евангелие. История его изучения и текст. Предварительные публикации. Вып. 114. М., 1978.
3. Колосов В. В. История русского языка. СПб.; М., 2005.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.
5. *Bikkinina Elvira*. Конструкции с двумя именами в тексте памяти месящеслова Реймского Евангелия // *Cuadernos de rusística española*. № 4. Granada, 2008. P. 117–123.
6. URL: <http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus>.

Родовая вариантность имен существительных в Нерчинских памятниках деловой письменности XVII–XVIII вв.

Ю. В. Биктимирова

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита)

pravo_chita@mail.ru

Колебания в системе форм категории рода существительных, узус деловой письменности, процессы варьирования

Summary. The article is devoted to the problem of the gender of nouns in Nerchinsk businesslike memoirs in the 17th–18th centuries.

В свете исследований последних десятилетий по истории русского языка XVII–XVIII вв. актуальным становится выявление и описание частных грамматических процессов, которые в ходе языковой эволюции послужили импульсом нормирования русского национального языка. Один из таких процессов — колебание в категории рода имени существительного (варьирование форм) — получил отражение в памятниках Нерчинской деловой письменности XVII–XVIII вв.

Нерчинские памятники деловой письменности фиксируют трехчленную систему категории рода существительных с формирующимися морфологическими признаками. Исторические изменения древнерусской системы склонения имен существительных, живая речь писцов, обращенность к нормам церковнославянских образцовых текстов — все это привело к появлению колебаний в категории рода, отражаемую памятниками.

Процессы варьирования охватывали как личные, так и неличные существительные. Среди личных существительных специфическое отношение к роду обнаруживается у **названий лиц мужского пола**. Эти существительные, относясь к мужскому синтаксическому роду, могли оформляться по любому морфологическому роду: мужскому (тогъ *отьць*), женскому (тогъ *староста*) или среднему (тогъ *Ивашко*).

Нерчинские памятники деловой письменности XVII–XVIII вв. фиксируют случаи совпадения оформления **мужского синтаксического и мужского морфологического рода**: «...би^н челом великому Г^дрю в Ыга^нцы^нско^м сынишко мо^у Васка ...» [РГАДА ф. 1142, д. 98, л. 31, 1701 г.].

В исследуемых памятниках встречаются случаи оформления названий лиц мужского пола, по **среднему морфологическому роду**. Это существительные на *-ко* (*Ивашко, сынишко*) и нейтральные собственные имена на *-ло* (*Михайло*): «К се^н грамо^тке вмѣсто Тро^иана Иванова по его веленью служило^у чѣвкъ / Власко Сергѣев //» [РГАДА ф. 1142 / 1, д. 15, л. 5, 1679–1681 гг.]; «...имяны новоприбо^рным казако^м... Кирило Пано^в... Шумило Леонтье^в...» [РГАДА, ф. 1142, д. 9, л. 5, 1676 г.]; «С подлинной читалъ повы^тчикъ Михаило Лоскутовъ» [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 2973, л. 404 об.].

Между тем эти же имена мужского рода имеют варианты и с окончанием *-а*: «...запи^с писал я Ми^тка Комаро^в...» [РГАДА, ф. 1142, д. 2, л. 10, 1670 г.]; «...запи^с писа^т в нерчинско^м остроге по^няче^н Де^мка Явано^в...» [РГАДА, ф. 1142, д. 2, л. 14, 1670 г.].

Наблюдается столкновение двух вариантов оформления существительных мужского рода в одном контексте: «...видели^{де} у не^и / во в пазухе два соболя нерчи^нско^м служило^у чѣвкъ Ер^мо^н / ка Проко^ве^в да а^нбаз^нско^м каза^к Игна^нш^нко да

промы^шленные люди Алешка да Явашко...» [РГАДА, ф. 1142, оп. 1 д. 8, л. 3, 1675 г.]; «Того * числа служило^у чѣвкъ Ер^милко Про / ко^вевъ да промы^шленные люди Явашко / Дор^оа^е Олешка Явано^в допрашиваны...» [РГАДА, ф. 1142, оп. 1 д. 8, л. 4, 1675 г.].

Нарицательные существительные на *-ко* (*крестьянишко, сынишко*), производные от слов мужского рода с нулевой флексией, изменяются и согласуются с определениями в косвенных падежах по общей модели **мужского-среднего морфологического рода**: «...вели великий Г^дрь ево Ма^рка Ызыта^нцы^нска взя^т в Нерчи^нскъ в то^и мое^н по^тговорно^н девкъ и в сно^чно^м животъ и в бою и в ѡвѣ^те сынишка моего Ва^кки к до^росу...» [РГАДА ф. 1142, д. 98, л. 32, 1701 г.].

Названия лиц мужского пола на *-а* (*воевода, староста, слуга*) в памятниках Нерчинской деловой письменности встречаются согласованные с прилагательным в форме мужского и женского рода: «...с вашимъ воеводою...» [РГАДА, ф. 214, стб. 508, л. 191, 165 г.]; «...бывшеи староста Николаи Никитинъ принель и росписался» [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 2973, л. 49 об.]. Прилагательное *бывшеи* имеет окончание, равное окончанию женского рода ср. *свѣжеи земли*.

В склонение существительных на *-а* входили, кроме существительных женского рода, существительные мужского рода (*староста, батюшка*) и существительные общего рода (*пьяница*). В исследуемый период наблюдается распространенность существительных мужского рода на *-а* и вариантность в оформлении названий лиц мужского пола: с окончанием *-а* в Им. п. ед. ч. и с нулевым окончанием.

В памятнике 1656 г. «Челобитная в сибирский приказ служилых людей с жалобой на протоппа Аввакума» встречаются две формы: *роснон* — *роснопа*: «...по вашему ука^зу посла^т и^с Тобо^вка / в Доу^пскую землю роспо^нъ что бы^т протопыть / Авваку^м...» [РГАДА ф. 214, стб. 508, л. 191, 1656 г.]; «и о^н ро^по / па // свои^м же воровьски^и умысло^м хотя на^т холопе^н ваши^х Гсдрв^нх ссори^т...» [РГАДА ф. 214, стб. 508, л. 191–192, 1656 г.]. Вариантность родовых форм *роснон* — *роснопа* наблюдается и в косвенных падежах: «...Оѡнасеи Филиппови^н велъль ему вору ро^с / попу учинить наказа^те...» [РГАДА ф. 214, стб. 508, л. 191, 1656 г.]; «...ему вору роспопе / А^ввакуму по ваше^м Гсдръ ука^зу давано / наказа^те...» [РГАДА ф. 214, стб. 508, л. 192, 1656 г.].

В Нерчинских памятниках колебания в родовой оформленности и синтаксическом роде наблюдаются у производных существительных, имеющих суффиксы субъективной оценки со значениями уменьшительности, уничижительности, увеличительности (*пападышко, поп Иванище, раскомачишко*). Часто этому подвержены неодушевленные суще-

ствительные (*домишко, боронишко*), у которых отсутствует мотивированность значения грамматического рода.

Документ 1762 г. «Купчая крепость о продаже Варварой Степановой своего дворенка селенгинскому посадскому Ивану Коробову» отражает сомнения писца относительно родовой принадлежности слова *дворенко*: «...продала... дворенко ветхое / которои состоит в пригороде Удинску...» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 59, л. 84 об.-85, 1762 г.]; «...ро^оственника^м наши^м до того дворе^н / ка дела неть...» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 59, л. 84 об.-85, 1762 г.]; «...не о^бявленное наше / дворенко...» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 59, л. 84 об.-85, 1762 г.]; «...и во^н тебе коробову пре^пписа^ным моимъ дворе^нко^м...» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 59, л. 84 об.-85, 1762 г.].

Так называемый процесс устранения среднего рода, который был распространен в языке XVII века, фиксируется региональными памятниками письменности. Нерчинские памятники деловой письменности дают примеры этого специфического морфологического процесса: «...для варения

лутчаго мыла...» [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 2968, л. 9, 1795 г.]. В этом случае родовая характеристика существительного сконцентрирована в прилагательном, а вследствие этого и прилагательное с безударным окончанием немужского рода оознается как выразитель категории женского рода.

Таким образом, в Нерчинских памятниках деловой письменности XVII–XVIII вв. можно констатировать вариантность родовых форм ряда имен существительных, которая отражает колебания в роде. В дальнейшем процесс варьирования сменился процессом унификации. Убывание вариантов происходило в результате выравнивания соответствий синтаксического и морфологического родов: вытеснились формы существительных со значением лица мужского рода на *-о*, уменьшилась активность форм со значением лица мужского рода на *-а*. До настоящего времени неодушевленным производным существительным с суффиксами субъективной оценки присуща вариантность родовых форм при употреблении в некодифицированной речи.

Имена с нулевым суффиксом (-∅) в Славяно-латинском лексиконе XVII в. Епифания Славинецкого

А. И. Бовсуновская

Казанский государственный университет
bowari@yandex.ru, iraa.ksu@mail.ru

Славянские двуязычные лексиконы, историческое словообразование, нулевая суффиксация, суффиксальная синонимия, латинский язык

Summary. The article deals with the structural and semantic features of names of zero suffixation. The research is based on the material of the Epiphany Slavivetsky Slavonic-Latin lexicon of the XVIIth century. The specific ways of reflection of word-buildings relations in the sphere of these names in the period in question are analyzed on the base of Latin equivalents.

XVII век как эпоха в истории развития русского языка характеризуется рядом особенностей. Это время ознаменовано процессами нормообразования во многих сферах языка: лексической, морфологической, стилистической. Свое завершение эти процессы получают в XVIII веке, поэтому памятники предыдущего столетия, а в особенности лексикографические источники являют собой прекрасное свидетельство происходивших в языке изменений. Особую роль в этой связи играют дву- и многоязычные лексиконы, создававшиеся в это время украинскими книжниками Памвой Берындой, Епифанием Славинецким, Федором Поликарповым (нач. XVIII в.) и др.

Епифаний Славинецкий — преподаватель Киево-Могилянской академии, ученый, монах, знаток церковнославянского, украинского, латинского, древнегреческого языков, лексикограф и переводчик — в середине XVII века приглашается в Москву для перевода греческой Библии на церковнославянский язык. В это же время он создает словари, предназначенные для изучения латинского языка — оплота европейской учености и католического богослужения, — «Лексикон латинский», «Лексикон славяно-латинский», «Лексикон греко-славяно-латинский». Эти памятники имеют несомненную ценность для лингвистического исследования, поскольку представляют материал неблизкородственных языков, результат их взаимодействия в сознании составителя и взаимовлияния при составлении им словаря. Объектом анализа в нашем исследовании будет памятник 1642 г.: «Лексикон славяно-латинский» (далее — Лексикон).

Предмет исследования — суффиксально-нулевые образования, вошедшие в реестр Лексикона. Задачи исследования: на основании сопоставления с латинским материалом источника охарактеризовать структурные и семантические особенности имен данного словообразовательного типа в исследуемый период.

Нулевая суффиксация — это наиболее древний способ образования имен в славянских языках, имеющий соответствия и в других индоевропейских языках. Он отражает древнейшие глагольно-именные словообразовательные отношения. Под именами нулевой суффиксации мы понимаем отглагольные и отаггективные образования, противопоставленные в словообразовательной парадигме образованиям с материально выраженными формантами (*широкий — ширь, ширина; изменить — изменение, измена* и т. п.).

Рассмотрев представленные в Лексиконе имен нулевой суффиксации, мы можем отметить следующее:

1) имена данного словообразовательного типа менее многочисленны в сравнении, например, с именами на *-ние*, что

обуславливается славяно-книжной спецификой лексики памятника;

2) имена нулевой суффиксации в Лексиконе иллюстрируют такие исторические явления, распространенные в этой группе существительных, как родовой параллелизм (одновременное бытование обоих элементов пары в языке обусловлено их семантическими различиями: *искѹса златнаа* — «проба золота» — *искѹсь* — «опыт, проверка, искушение», *вграда* «забор, ограда, изгородь» — *вградъ* «вертоград, сад, огород», *ядъ* «ядовитое выделение, яд; ядовитость; зелье, отравка» — *ядь* «пища, еда, корм; нечто съедобное; пропитание»), суффиксальная синонимия и др. Наиболее обширно представлена синонимия *∅ / -ние* (*досада* — *досаждение, мечь* — *мщение, повреда* — *повреждение, прелесть* — *прелещение* и др.). Соотношение имен нулевого образования по роду показывает преобладание имен мужского рода в сфере *nomina abstracta* и имен женского рода — в *nomina concreta*. Последнее, вероятно, обусловлено обилием лексем украинского происхождения в словаре, к которым принадлежит большая часть данных образований (*nomina concreta* женского рода);

3) латинские соответствия имен данного типа в большинстве случаев представляют собой отглагольные суффиксальные образования (*вѹдъ* *eror*, *erratum* (← *eror*); *гнусь* *auersatio* (← *averto*), *топотъ* *crepitus* (← *crepito*), *наѹка* *praescriptio* (← *praescipio*), *подлога* *subiectum* (← *subjicio*), *распра* *litigium* (← *litigo*)), однако словообразовательные связи славянских имен отражаются непоследовательно или вовсе не отражаются. Это связано, как представляется, во-первых, с неоднозначностью глагольно-именных отношений в сфере суффиксально-нулевых имен в рассматриваемый период, вследствие чего выявление их на основании лексикографического (тем более, латинского) материала затруднительно; во-вторых, с переводческо-учебной направленностью словаря, не предполагающей систематического отражения славянских языковых отношений;

4) среди представленных *nomina abstracta* с нулевым суффиксом доминируют образования от префиксальных глаголов (*въ-*: *възоръ, входъ; до-*: *дозоръ, досада; за-*: *завада, завертъ, заводъ, завой, зарокъ, заслуга; из-*: *извергъ, извѣтъ, измѣна, искѹтъ; на-*: *нарокъ, насада, нагорода; па-*: *паѹка; по-*: *повѣда, повлока, поводъ, похоронъ* и др.), в которых наиболее сильны словообразовательные связи с глаголом и более ярко, чем в именах от беспрефиксных глаголов (*слѹхъ, скрежетъ, срамъ, ставъ, страхъ, топотъ, трѹдъ, трѹсь* и др.), выражается семантика *nomina abstracta*;

5) структура суффиксально-нулевых имен вариативно отражается в латинских эквивалентах, в частности, в одних примерах славянские образования морфемно последовательно передаются в латинских эквивалентах (*предлогъ праepositio*), в других лексикограф пренебрегает структур-

ной точностью, не сохраняя морфемного облика славянских имен либо, напротив, добавляя отсутствующие элементы (префиксы). Это явление характеризует специфику переводческой манеры Славинецкого, переносимую им и в лексикографическую сферу.

Семантика древнерусских устойчивых сравнений (на материале «Девгениева деяния»)

К. М. Богрова

ГОУ ВПО «Владимирский государственный гуманитарный университет»

ksbogrova@pochta.ru

Устойчивое сравнение, синкретичное значение, уподобление, семантическая модель

Summary. The report is devoted to semantics of old russian steady comparisons on a material "Devgeniev's acts".

Устойчивое сравнение является минимальной лексической единицей древнерусского текста, которая указывает на денотат, уподобляемый другому, и выражает синкретичное значение «узואльно закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов» [4, 50]. Сравнение включает в себя следующие элементы: предмет сравнения (то, что сравнивается), образ сравнения (то, с чем сравнивается), основание сравнения (признак, по которому сравнивается), а также формальный показатель — союзы **яко, аки, якоже**, например: **лице** (предмет сравнения) **же его... рүмяно** (основание сравнения), **яко червецъ** (образ сравнения) [3, 44]; **Бысть же Девгениевъ конь** (предмет сравнения) **в'блъ** (основание сравнения), **яко голубъ** (образ сравнения) [3, 46]. Устойчивые сравнения восходят к двум источникам: народно-литературному (...[Девгений] **яко соколь млады; яко скоры соколь; яко левъ; яко орель; яко дюже соколъ** [3]) и книжно-славянскому (...[братья] **гнаша их передъ совою, яко добрый пастчухъ овца...** [3: 30]).

Вслед за В. В. Колесовым мы выделяем следующие семантические модели устойчивых сравнений:

1) *одушевленное-одушевленное*: одушевленный предмет сравнения уподобляется одушевленному образу сравнения, например, человеку приписываются свойства животных: **И то слово изрекъ, и подпреса копиемъ, и скочи чрезъ реку, яко дюжи соколъ...** [3: 62];

2) *одушевленное-неодушевленное*: одушевленный предмет сравнения уподобляется неодушевленному образу сравне-

ния: **...и црва ми сердечное коренне и цнзе мя, яко бездүшнүю трость** [3: 30];

3) *неодушевленное-неодушевленное*: неодушевленный предмет сравнения уподобляется неодушевленному признаку сравнения: **Во источницѣ во томъ свети, а вода яко свеща светится** [3: 46].

Следует отметить, что в отличие от современного сравнения, которое представляет собой сопоставление предметов или явлений преимущественно по внешним признакам (*здоровый как бык* — 'об очень здоровом, крупном и сильном человеке'), древнерусское сравнение — это уподобление внутренней сущности предмета и образа сравнения. По мнению Д. С. Лихачева, автор древнерусского текста не стремится конкретно представить себе объекты сравнения [2: 177]. Например: **И повеле Девгений д'внице преклонитися к севѣ, и яко орель исхити прекраснүю стратиговнү, и посади ю на гриве ц борзого своего фара** [3: 52]. В данном случае для автора важны внутренние качества Девгения «быстрота и ловкость», а не внешнее сходство.

Литература

1. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб, 2002.
2. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979.
3. Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. III. С. 28–65.
4. Пименова М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.

История русского делового языка XI–XIX вв. (материалы к библиографическому указателю исследований, изданных в России с 1976 по 2009 гг.)

О. В. Боярская

ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

bojarskayaov@yandex.ru

Библиографическая систематизация, современное лингвистическое источниковедение России, русский деловой язык XI–XIX вв.

Summary. Attempt thematically is made to systematize bibliographic materials on history of Russian business language XI–XIX centuries and the linguistic analysis of monuments the writings published in Russia with 1976 for 2009.

В русистике конца XX — начала XXI века интенсивно развиваются новые направления лингвистическое источниковедение и историческое лингвокраеведение: активно изучается язык региональных памятников письменности, транслитерируются и издаются наиболее ценные из них (скорописные документы российского делопроизводства). Но результаты исследований за этот период библиографически не систематизировались. Последний выпуск библиографического указателя литературы, изданной в СССР, «Славянское языкознание» включает литературу, опубликованную до 1976 г. Литература по названным направлениям, выпущенная после 1975 г., тематической библиографической систематизации не получила, поэтому осложнилась работа научных школ и направлений с источниками: поиск и подбор литературы, данных об исследованиях, их проблематике.

В 2004 г. членами научно-исследовательской лаборатории «Проблемы лингвокраеведения на Южном Урале» Челябинского государственного университета (руководитель д-р филол. наук, профессор Л. А. Глинкина) был начат сбор библиографических данных об исследованиях по лингвистическому источниковедению и диахроническому лингвокраеведе-

нию, опубликованных в России за последние 30 лет (канд. филол. наук О. В. Боярская (отв.), канд. филол. наук А. А. Миронова, асп. Д. А. Пелихов).

Источниками сведений послужили Государственные библиографические указатели РФ: Книжная летопись, Летопись авторефератов и диссертаций, Летопись рецензий; библиографический указатель «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Языкознание», реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание»; периодические специальные издания («Вопросы языкознания», «Русская речь», «Русский язык в научном освещении» и др.), тезисы съездов, конгрессов, конференций и т. п., библиографические списки диссертаций и монографий.

В ходе обработки материалы получили условное наименование «Указатель».

В «Указатель» включены монографии, диссертации, авторефераты докторских и кандидатских диссертаций, публикации памятников деловой письменности, статьи из продолжающихся и периодических изданий, тезисы докладов, материалы международных, всероссийских, межвузовских

тематических конференций, съездов, конгрессов; исторические словари, созданные с привлечением данных региональных лингвистических источников, а также учебные пособия и рецензии на российские публикации по обозначенной тематике.

Тематический принцип систематизации данных обусловил рубрикацию материалов. Основой «Указателя» стала принятая в академических изданиях классификация материала в соответствии с языковыми уровнями (ярусами), которая пополнена новыми разделами, отражающими современное развитие лингвистики и полиаспектное исследование проблематики описываемого направления.

Так выделены работы по истории русского делового языка, выполненные в аспекте исторической лингвокультурологии, лингвистического источниковедения, лингвокраеведения, исторической стилистики, исторической лексикографии.

Собранные материалы сопровождаются списком принятых сокращений и приложением, включающим: алфавитные **перечни** сборников материалов и статей, периодических изданий; авторов, редакторов / составителей публикаций (более 850 имен), упоминающихся в указателе.

Библиографические описания работ приводятся с ориентацией на библиографический ГОСТ-2003 в соответствии с данными источников, сокращения используются в соответствии с ГОСТом 7.12–93.

Основную содержательную часть «Указателя» образуют восемь разделов.

I. В первом помещены сборники по историческому языкознанию, которые включают статьи, освещающие развитие делового языка в русле эволюции русского литературного языка; вопросы, смежные с исторической динамикой деловой письменности (1); работы обобщающего характера по вопросам теории и методологии изучения истории русского литературного языка и делового языка (2).

II. Во втором разделе, отражающий традиционное поуровневое исследование языка памятников и антропоцентрический (когнитивно-концептуальный) подход к осмыслению разноуровневых данных исторических памятников.

III. Третий раздел объединяет работы, выполненные в аспекте лингвистического источниковедения: проблемы лингвистического изучения и издания исторических документов (1), исследования текстов, хранящихся в региональных архивах (2), публикации памятников деловой письменности (3), исследования, посвященные анализу различных тематических групп памятников (4–8).

IV. Четвертый раздел группирует работы, выполненные в аспекте исторической стилистики: теоретические вопросы исторической стилистики (1), формирование стилистики языка в различных сферах официально-деловой коммуникации (2), развитие делового и бытового языка повседневности, этикетных средств (3), текстообразование (4), нормирование и стандартизация функциональных стилей русского литературного языка (5).

V. Пятый раздел отражает лексикографическое описание исторических данных языка: исследования по теоретическим и методологическим вопросам лексикографической работы с источниками (1), историко-лингвистические словари (2).

Систематизация материалов проводилась с учетом жанра выявленных исследований. Поэтому учебно-методические издания, рецензии на российские публикации, работы об исследователях истории русского делового языка помещены в отдельные разделы (VI, VII, VIII).

Пробная публикация материалов к «Указателю» планируется в декабре 2009 г. Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемая систематизация несовершенна и не отражает во всей полноте существующие исследования представляемых направлений. Это скорее лишь попытка библиографического обобщения опубликованных в последней четверти века материалов по изучению делового языка и смежным с ним направлениям в помощь, прежде всего, молодым исследователям. С благодарностью примем замечания и дополнения к созданному варианту по адресу: 454080 г. Челябинск, пр. Ленина, 69, Челябинский госпедуниверситет, НИЛ «Проблемы лингвокраеведения на Южном Урале», e-mail: boyarskayaov@yandex.ru.

Теория таксиса как инструмент анализа древнерусского текста (на материале причастных форм)

А. П. Вьяльсова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

vyalsova@yandex.ru

Позиции членных и нечленных причастных форм древнерусского языка, членение текста, таксис, комбинаторика глагольных форм в древнерусском тексте

Summary. The present paper is devoted to the problem of interpreting the category of participle in Old Russian from the communicative grammar point of view.

Представляется, что применение категории таксиса для интерпретации древнерусских причастий может обеспечить наиболее полное и адекватное описание их синтаксических и текстовых функций. Категория таксиса не ограничивается рассмотрением соотношения двух предикатов по времени. Таксис — это соотношение двух предикатов по времени, модальности и субъекту в рамках предложения и средство связности предикатов в тексте.

1. Синтаксис древнерусского языка в теоретическом смысле вторичен. Он использует те же методы, которые использует грамматика современного языка: 1) морфологический подход, когда рассматривается происхождение и развитие конкретных форм; 2) синтаксический подход, отличающийся рассмотрением синтаксической роли конкретных форм в рамках предложения; 3) семантико-синтаксический, или функциональный подход, при котором рассматриваются конкретные грамматические категории и их распределение между формами.

2. В 1990-е годы в связи исследованием категории таксиса в современном языке данная категория проникла и в теорию древнерусского синтаксиса. В 1995 году была написана кандидатская диссертация, посвященная таксисным отношениям причастия в древнерусском языке. Однако использование термина «таксис» не привносит в данную работу новых принципов описания причастия. Таксис в данной работе рассматривается в узком значении (восходящем к взглядам

Р. О. Якобсона), сводится к отношениям одновременности / разновременности двух предикатов.

3. Применение таксиса в узком значении, как соотношения по времени не дал результатов и в исследованиях по современному причастию. Исследователи рассматривают данную категорию как лишнюю, затемняющую суть исследования.

4. Текстово-синтаксический взгляд (в рамках коммуникативной грамматики) на категорию таксиса показал, что временная составляющая — это лишь одна из трех составляющих таксиса, т. е. таксис понимается как соотношенность двух предикатов по категориям времени, модальности и категории субъекта. Кроме того, категория таксиса в широком значении предполагает текстовый подход к причастию, т. е. рассмотрение линейного разворачивания текста с учетом, по словам Владимира Григорьевича Адмони «синтагматического грамматического напряжения в предикативной линии» [1: 232].

5. Представляется, что малоизученность древнерусского причастия связана с тем, что в древнерусском синтаксисе не выработан необходимый инструмент для их исследования. На сегодняшний день выявлены и описаны основные позиции древнерусского причастия. На современном этапе развития науки необходимо определение условий их функционирования. Перечисленные выше методы с этой задачей не справляются. Применение категории таксиса в широком

значении, как техники межпредикативных связей, для интерпретации древнерусских причастий может обеспечить наиболее полное и адекватное описание их синтаксических и текстовых функций.

6. Описание функций причастия возможно только на уровне текста. Это значит, что сегодняшней задачей древнерусского синтаксиса является не просто описание причастия или причастных оборотов, а интерпретация текстов, содержащих причастия или причастные обороты, потому что история русского литературного языка — это бытие языка в реальных книжных формах.

7. Для выявления и описания текстовых функций причастий в связи с категорией таксиса необходимо решение следующих задач:

1) Исследовать синтаксические функции причастий в рамках различных отрезков текста и установить соотношенность этих функций с задачами обеспечения связности текста. Это значит рассмотреть текстовые и семантические параметры, определяющие выбор атрибутивного или полупредикативного причастного оборота, в терминологии современного русского языка, определить условия выбора между причастием и деепричастием. Для этого необходимо сформулировать семантико-прагматические основания членения текста.

2) Предполагается, что условия употребления полупредикативной и атрибутивной синтаксических функций причастий связаны с семантическими и прагматическими характеристиками как той именной группы, к которой причастие относится, так и глагола, от которого образована причастная форма: с референтными именами употребляется нечленная форма причастия в полупредикативной функции, а с именами Unica (Бог, Богородица) употребляется членная форма, обусловленная с вневременностью обозначаемого признака.

3) В связи с синтаксическими функциями причастий необходимо рассмотреть два феномена: (1) употребление причастия в качестве независимого предиката: в этом случае нас будут интересовать текстовые условия употребления причастия со связкой и без связки, и (2) таксисные условия адъективации причастий. Представляется, что перенос значения и исчезновение глагольных категорий — это следст-

вие, а не причина адъективации. Таксисный подход к явлению адъективации помогает увидеть, что ослабление связи по субъекту приводит к разрыву связи по времени.

4) Таксисные отношения в древнерусском языке имеют особенности, незнакомые современному языку. В отличие от современного русского языка, где независимый таксис выражается союзной связью, а зависимый — аффиксами глагольных и отглагольных форм, причастные обороты в древнерусских текстах нередко связаны с основным предикатом с помощью союза, как правило, сочинительного, поэтому для древнерусского языка релевантными оказываются типы таксисных отношений с союзной и бессоюзной связью причастия и основного предиката.

5) В современном русском языке выделяют два типа таксисных отношений: а) по диктуму, когда оба действия объективно направлены друг на друга в причинно-следственном тяготении, и б) по модусу, когда оба действия соединяются в рамках мыслящего или воспринимающего модуса. В отличие от современного языка древнерусский язык располагает только диктумным способом разворачивания сюжета. Текстовая многомерность связана не с модусом, а с комбинаторикой глагольных форм. Поэтому упомянутые типы таксисных отношений выражаются с помощью союзной и бессоюзной связью. Взаимное причинно-следственное тяготение двух действий выражается бессоюзной связью причастия и финитной формы, а отсутствие такого тяготения восполняется союзной связью.

8. В докладе будут анализироваться примеры неоднозначного членения текста, союзной и бессоюзной таксисной связи древнерусского причастия и основного предиката.

Литература

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
3. Семенова Н. В. Таксис в древнерусском книжно-литературном языке XI–XIV вв. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 1995.

Отражение особенностей акцентной системы

в неакцентуированных южнорусских памятниках деловой письменности XVII века

Е. А. Галинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

eagalinsk@mail.ru

Русская историческая акцентология, памятники письменности XVII века, аканье, ударение

Summary. The South Russian manuscripts from the 17th century which lack accentual marks can nevertheless provide information about the stress placement in many words since they reflect *akanье*.

Одним из главных источников русской исторической акцентологии являются, как известно, памятники письменности с проставленными знаками ударения. Однако акцентологическую информацию по отдельным вопросам можно извлечь и из неакцентуированных рукописей, а именно из памятников южнорусского делового письма XVI–XVII вв., которые обильно отражают аканье (в широком смысле — и после твердых согласных, и после мягких): в них присутствует взаимная мена букв **а** — **о**, с одной стороны, и **ѣ** — **и** — **я**, с другой.

Основным материалом исследования послужили Новосильская отказная книга 1625–1652 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8994, 1092 л.) и Курская отказная книга 1630–1654 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 15684, 897 л.). Дополнительно к анализу привлечены отрывки из Брянской, Воронежской, Мценской, Орловской, Белгородской и Елецкой отказных книг того же периода, опубликованные в [2].

В исследованных текстах фиксируются многочисленные буквенные замены указанных выше типов. Основные способы определения места ударения в словоформе, записанной в «акающей» орфографии, таковы:

1) по одному написанию, где аканье отражается во всех слогах, кроме одного, который, следовательно, и является ударным. Например, *аса^она^ѣ галава^ѣ* Кур. 41 об.;

2) по совокупности написаний одной и той же формы: так, при определении места ударения в творительном паде-

же единственного числа слова «голова» написание *головою* Кур. 37 об. исключает ударение на третьем слоге, а орфограмма *галавою* Кур. 64 об. — на первом и втором, и, значит, ударным является последний — четвертый — слог: *головоу^ѣ*.

Далее будут приведены некоторые примеры, которые показывают, какого рода акцентологическую информацию о южнорусских диалектах первой половины XVII века можно извлечь из неакцентуированных памятников локальной деловой письменности.

«Акающие» орфограммы демонстрируют принадлежность многих слов к определенным акцентным парадигмам. Так, в первой половине XVII века в южнорусских говорах еще не изменило своего акцентного поведения слово **четыре**: оно продолжало относиться к акцентной парадигме (далее — а. п.) а: И.-В. п. *четы́ря* Кур. 326 ~ *чаты́ре* Нов. 663 ~ *чаты́ря* Брян. 26 об.; Д. п. *чаты́ря^ѣ* (о)в(ѣ)ко^ѣ Кур. 175 ~ *чаты́ремь* ч(е)л(о)в(ѣ)комь Кур. 175 ~ к *четы́ря^ѣ* че^ѣве^ѣтя^ѣ Нов. 346, 569; М. п. в *четы́ря^ѣ* жеребья^ѣ Нов. 79. Отмечены производные образования от слов а. п. а, которые все еще принадлежали к той же парадигме. Например, множественное число **внучата** имело ударение на корне (т. е. суффикс *-ат-* еще не стал доминантным): *племя^ѣника^ѣ* и *вну́че^ѣ* Нов. 379 об. Существительное **сторожевьѣ** показывает, что его суффикс **-ьѣ-* вел себя как правоударный, так что при минусовых корне и суффиксе *-ев-* ударение падало на окончание

и слово относилось к а. п. *b*: к *старажѣю* Белг. 232 об., *x Карпову старажѣю* Белг. 233 (исключается ударение на корне) ~ *до старова старажѣя* Белг. 253 (исключается ударение на суффиксе *-ев-*). Слово *гора*, которое согласно данным А. А. Зализняка относилось к а. п. *c*, но имело отклонения в сторону а. п. *b* и а. п. *a* [1: 136, 137], в южнорусских памятниках первой половины XVII века ведет себя следующим образом: в винительном падеже единственного числа оно имеет ударение на окончании, что является признаком а. п. *b*. Этот вывод делается на основании следующих написаний: *на гару* Кур. 539, Нов. 67 об. (исключается ударение на корне) ~ *но гору* Кур. 333, Нов. 726 об. (исключается ударение на предлоге). В местном падеже слово *гора*, как это присуще южнорусским системам [1: 252], сохраняет флексийное ударение: *но гарѣ* Нов. 818 об. В рукописях проявляется старое ударение творительного падежа ед. числа существительных а. п. *c*, что видно на примере слова *голова*: *с осаю главою* Кур. 37 *с асадною галавою* Кур. 64 об. Возможно, ударное окончание *-юю* повлияло на другие слова женского рода, относящиеся, впрочем, к *i*-склонению, где флексия *-ju* была минусовой (но со следами самоударности) [1: 141]. Так, мы находим рано перешедшее в *i*-склонение слово *дочь* (а. п. *c*), в форме творительного падежа без форманта *-ер-* с явным ударением на окончании: *з дачью* Брян. 53 об.

В исследованных текстах наблюдаются некоторые сдвиги ударения по сравнению с древнерусским состоянием. Уже в старовеликорусский период начинает складываться принцип, усвоенный впоследствии русским литературным языком, согласно которому качественные прилагательные получают наосновное ударение [1: 310]. Таким путем прилагательные а. п. *c* меняют флексийное ударение на наосновное. Ср. слова *грязныи* и *густыи* в исследованных текстах: *по обѣ стороны грѣна дороги* Мц. 357, *бана густа дубро-*

вы Ел. 256 (то есть *обапол* — ‘по обе стороны, около, вокруг’). При этом второе прилагательное в русском литературном языке указанному правилу не подчинилось, и, как видим, в одном из южнорусских диалектов процесс прошел более последовательно.

Отдельные наблюдения можно сделать над акцентуацией числительных. Так, обращает на себя внимание то, что одним фонетическим словом были названия сотен: *в двѣста че^mи* Кур. 209 об., к *трь^mста^m* к *пятидеся^mи* к *осми че^mмь* Мц. 49, а составное числовое наименование еще могло объединяться в одну тактовую группу: *сара^c ня^m* Бр. 256 с ударением на втором компоненте. Кроме того, следует отметить акцентовку числительных, обозначавших числа второго десятка. У них склонялись обе части, вторая из которых уже выглядела как *-нацать*, и ударение в Р.-Д.-М. падежах при этом еще не падало на слог *-на-*, как в современном состоянии языка у слов *двенадцать*, *тринадцать*, *пятнадцать* — *девятнадцать*. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные написания с сочетанием *-но-*: к *двуно^mца^m* *че^mвѣтя^m* Белг. 512 об., к *пятино^mца^m* *че^mмямь* Ел. 114 / 114 об., *по семино^mцати* *че^mи* Мц. 269 об., *ко стук* *девятино^mцати* *че^mвертя^m* Бр. 577 об.

Есть и другие аспекты акцентной системы, которые могут быть освещены с помощью «акающих» написаний. Неакцентуированные тексты, отражающие аканье, таким образом, действительно сообщают некоторые сведения об акцентуации отдельных слов или форм в южнорусских диалектах XVII века.

Литература

1. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
2. Памятники южнорусского наречия. Отказные книги / Отв. ред. С. И. Котков. М., 1977.

Динамика развития интенсивных значений приставки *при-* в русском языке XI–XVII вв.

З. И. Годизова

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

godizovazi@rambler.ru

*Первичное значение; вторичные значения; деривационная база; развитие интенсивных значений; приставка *при-**

Summary. This article is a research of the intensive meanings expressed by the prefix «при» in the Russian language of XI–XVII centuries. The author describes the formation of different intensive meanings of the prefix «при-», i. e. the original meaning of the prefix, the ways of development from the original meaning to the secondary meanings, the derivative base, the time, when every intensive meaning came into existence, its further development.

Из всех акциональных значений глагола наибольший интерес, на наш взгляд, представляет семантика интенсивности, в которой сосредоточены те языковые значения, которые выходят за рамки обычного, усредненного, нормально-го. Интенсивность выражается широким диапазоном способов глагольного действия, которые не однозначны с точки зрения эксплицитности интенсививной семантики.

Проблема описания способов глагольного действия неразрывно связана с проблемой описания семантики префиксов, механизма развития различных значений у префиксов. На первом этапе описания эволюции интенсивных способов действия правомерен подход, опирающийся на словообразовательную оформленность, т. е. подход от приставок.

Развитие вторичных количественных значений определяется действием тенденции к абстрагированию выражаемых значений. В ходе исторического развития языковые значения проходят эволюцию от конкретных к абстрактным. Приставочные значения не являются исключением. Переход от исходных значений к последующим развивается в языке по мере осмысления говорящим тех или иных концептов — времени, количества, качества и т. д.

Первичными значениями приставок являются пространственные (или пространственно-результативные), на основе которых в результате метафорических переносов, обусловленных взаимодействием приставок с глаголами производящей базы, а иногда и под влиянием внешнего контекста развиваются вторичные значения (в том числе интенсивные).

Механизм развития вторичных значений из первичных достаточно сложен: соединение приставки и мотивирующе-

го глагола устраняет многозначность префикса, выявляет в нем нужный компонент, в результате чего происходит сдвиг в семантике приставочного глагола, появляется переносное значение, более абстрактное, которое утрачивает связь с исходным инвариантным. Далее в процесс префиксального глагольного словообразования вовлекаются производящие основы с более абстрактной семантикой. Важную роль играет семантическая совместимость приставки и производящего глагола, благодаря которой оказывается возможным их соединение. Таким образом, в семантической эволюции приставочного глагола роль принадлежит глаголам производящей (мотивирующей) базы, которая меняется в соответствии с действием универсальной тенденции развития от конкретного к абстрактному.

Приставка *при-* являлась предметом рассмотрения таких исследователей, как А. В. Овчинникова (1969, 1984), М. В. Игнатъева (1968, 1969), Г. А. Волохина, З. Д. Попова (1993), Л. А. Варакин (1996), Е. Р. Добрушина, Е. А. Меллина, Д. Пайар (2001), однако специальные работы, в которых бы описывалась динамика развития интенсивных значений приставки *при-*, отсутствуют.

Пространственное значение приставки *при-* — приближение к какой-либо точке, близость вообще. Интенсивные значения приставки *при-* — смягчительное и процессно-комитативное.

Смягчительное значение («действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью, неполностью») появляется в древнерусском языке в таких глаголах, как *присѣсти* (*присиживати*), *прикрыти*

(прикрывати), в которых к пространственному значению (приближения) присоединяется сема «ненадолго», которая затем трансформируется в сему «неполноты» действия. В старорусском языке производящая база смягчительных глаголов расширяется: наряду с глаголами конкретного воздействия на предмет появляются глаголы состояния, изменения состояния, деятельности: *притихнути, прислабнути, присинити, прирумянити, призолотити (призолочивати), причеркнути, прижечи (прижещи) (прижигати), прикушати, приврати, прихворати*; глаголы НСВ: *прикрашати, принырати, прижаривати, прижмуривати*.

Из пространственного значения развивается значение дополнительного действия: «осуществить то же самое действие дополнительно к уже осуществившемуся». Такие глаголы имеются уже в древнерусском языке, некоторые из них соединяют семантику приближения, присоединения и дополнительного действия: *прихвалити, приречи (прирещи), приписати (припсати)*. В старорусском языке их количество увеличивается, например: *припросити, присѣвати, присажати, прикупати*. Из значения добавочного действия легко развивается значение действия, дополнительного (сопроводительного) по отношению к другому действию (процессно-комитативный способ действия). Глаголы с процессно-комитативным значением выражают действие 1) сопроводительное, 2) ослабленное, 3) кратное; появляются они в старорусском языке (XVI–XVII вв.), в качестве базовых для

них выступают глаголы речевой деятельности: *пригѣвати, приплакивати, прирѣкати, примолвливати, пришепетыват, пришепеливати*. Первоначально такие глаголы образовывались суффиксальным способом от приставочных глаголов при широком развитии значения итеративности в XVI–XVIII вв. В дальнейшем они стали образовываться приставочно-суффиксальным способом непосредственно от исходного глагола.

При установлении времени появления того или иного значения мы исходили из времени фиксации соответствующих глаголов в письменных памятниках, из степени сформированности мотивирующей базы, регулярности глаголов с данным акциональным значением.

Литература

1. Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. Екатеринбург, 1996.
2. Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.
3. Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
4. Игнатова М. В. Система пространственных значений глагольных приставок и их функции в современном русском языке. Новосибирск, 1968.
5. Овчинникова А. В. Типология значений глагольной приставки в историческом аспекте // Проблемы развития языка. Саратов, 1984. С. 111–119.

Библейские фразеологизмы в «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона А. В. Григорьев

Московский педагогический государственный университет
greg988@yandex.ru

Библейская фразеология, историческая фразеология, Библия, святоотеческая традиция

Summary. This research is devoted to the analysis of Old Russian sources of Russian bible idiomatic expressions. It is shown, that writing «The Sermon on Law and Grace» Metropolitan Ilarion used intermediate sources between the text of the Bible and the Old Russian language; these sources are exegetical and liturgical Byzantine patristic texts, and also apocrypha.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — выдающееся произведение древнерусской ораторской прозы. Предположительно оно было произнесено в XI в., однако полный текст «Слова» известен в рукописях XV–XVII вв.

В данном сочинении активно используются составляющие не менее 30% литературной ткани «Слова» библейские цитаты, аллюзии и парафразы, которые выявлены в критических изданиях текста (Л. Мюллер, А. И. Молдован, К. К. Ацентьев). Обычно для библейских фразеологизмов в данных изданиях дается отсылка только к определенному библейскому стиху. В то же время в научной литературе указывается, что библеизмы приходили в славянские сочинения посредством святоотеческой и апокрифической традиций. Поэтому актуальным представляется рассмотрение вопроса об источниках библейских фразеологизмов в тексте «Слова».

Наш анализ показывает, что Иларион воспринимал фразеологизмы из Священного Писания как отдельные факты языка вне зависимости от конкретных библейских стихов. Так, в своем издании К. К. Ацентьев предполагает, что фрагменты (*въ вѣдѣ а въ обновленіи пакыбытѣа*) *въ жизнь вѣчноую* (л. 168 об.), (*нѣ оуповающе*) *въ жизнь вѣчнью* (л. 181), (*посла гъ+ и къ намъ заповѣди, ведждаа*) *въ жизнь вѣчнью* (л. 182), представляют собой цитаты из Мф 25: 46. Данный стих входит в перикопу на мясопустную неделю, однако в Евангелии и в перикопе:

идѣтъ си въ мѣкѣ вѣчнѣжѣ. а правдыници въ животь вѣчныи (Остромирово Евангелие, л. 122б), *отидутъ ти въ мѣкоу вѣчноую. а правдыници въ жизнь вѣчноую* (Мстиславово Евангелие, 138а). Таким образом, по смыслу содержание сходно, а лексически совпадает только сочетание *въ жизнь вѣчноую*. Однако подобное сочетание с предлогом *в* неоднократно встречается как в Новом Завете, так и в сочинениях Отцов Церкви (например: Ин 4: 14, 4: 36, 6: 27, 12: 25 и др.).

Таким образом, мы видим, что Иларион свободно использует устойчивое сочетание *вечная жизнь*, которое, активно встречаясь в святоотеческой традиции, лишь приблизительно может соотноситься с определенными местами библейского текста, и именно оно несет основную смысловую на-

грузку. Так, первый фрагмент действительно можно примерно соотнести с Мф 25: 46, однако третий весьма близок Мф 19: 17, хотя в греческом оригинале там используется не сочетание *вечная жизнь*, а просто слово *жизнь*.

По нашему мнению, также к святоотеческой традиции восходит выражение *наследник небесного царства*: (*пншемъ... къ наслѣдникомъ*) *нв(с)наго црствѣа* (л. 170). Данный фрагмент в издании К. Ацентьева признается аллюзией на Тит 3: 7 (ср.: Тит 3: 5–7: *Он спас нас не по делам праведности... а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни*), по всей вероятности, по наличию в цитате слова *наследник* (*наслѣдникомъ*), однако в Новом Завете данное слово встречается в следующих контекстах: *наследник обетования* (Евр 6: 17, Гал 3: 29), *наследник вечной жизни* (Тит 3: 7), *наследник Божий* (Гал 4: 7, Рим 8: 17), а также *наследник Царствия* (Иак 2: 5). *Послушайте, братия мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?*

Таким образом, как мы видим, сочетание, встречающееся у Илариона, — *наследник небесного царства* — ближе к фрагменту из Иак 2: 5, но также не абсолютно точно.

Наш анализ показывает, что выражение *наследник небесного царства* не является плодом творчества Илариона: оно возникает в святоотеческой традиции в два этапа. Сначала у Климента Александрийского встречается сочетание *наследство (наследие) небесного царства*), которое подхвачено Ориеном, Григорием Нисским, Василием Великим. На его основе Иоанн Златоуст создает выражение *наследник небесного царства* (PG 55: 222, 62: 163, 59: 675, 63: 732), которое мы обнаружим также у Феодорита Кирского. Таким образом, Иларион использует выражения, уже ставшие устойчивыми в святоотеческих сочинениях.

Наконец, библейские выражения приходят в текст Илариона и через апокрифическую традицию. Рассмотрим следующий фрагмент: *идеже и мужьствено твое тѣло нынѣ лежит, жидѣ трувы архангельскы*. Здесь отрывок *жидѣ*

трубы архангельскы воспринимается в критических изданиях как аллюзия на 1 Фес 4: 16, входит в состав перикопы (1 Фес 4: 13–17) на память усопшим, однако в 1 Фес 4: 16 — потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде. Однако Иларион обнаруживает несомненное знакомство и непосредственно с библейским выражением **тpоу́ба архангелска** (*труба архангела*), которое, по всей вероятности, возникнув в греческой апокрифической традиции (In ascensionem, sermo 4 (spuria); PG 52, 802: Ἐν φωνῇ δὲ σάλπιγγος, ἀρχαγγέλικῆς), проникает в сочинения славянских авторов: встречается в Слове на Вознесение Иоанна экзарха Болгарского (**гласъ тpоу́бныхъ архангелскъ**).

Таким образом, сочинение Илариона Киевского является важным источником по истории русской библейской фразеологии. Его автор обнаруживает блестящее знание Священного Писания, святоотеческой и апокрифической тра-

диции, славянских сочинений своих предшественников. По всей вероятности, он цитирует библейские фрагменты по памяти, свободно компилирует их и, усваивая библейские устойчивые выражения (в том числе такие редкие, как *труба архангела*) из предшествующей традиции, использует их в своем сочинении как ключевые слова, несущие смысловую нагрузку.

Литература

1. Акемтьев К. К. «Слово о законе и благодати» Иллариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ, Син 591 // Византинороссия, 2003. Т. 3.
2. Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.
3. Des Metropolitens Ilarion Lebrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstausgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962.

Структура страдательных причастий в предикативной функции (на материале «Истории о Великом князе Московском» А. Курбского)

Т. А. Джангобекова

Средняя школа № 51 (Львов, Украина)

ustyugova_l_m@mail.ru

Книжная традиция, страдательные причастия, юго-западное влияние

Summary. In the lecture is spoken about features of the use of predicative passive participial in book-writing language for example of the «History about a grand Moscow duke» by A. Kurbsky. The author in the article analyzed a structure and functions predicative passive participles forms and proved, that the language of his main work exerted insignificant influence of a south-west speech environment for incomplete 20 years stay on that territory.

Несмотря на то что А. Курбскому был посвящен целый ряд исследований в XIX в. и заметно возрождается интерес к личности мятежного князя в настоящее время, особенностям языка его произведений по-прежнему не уделяется достаточного внимания, поскольку главным аспектом имеющихся разысканий являются взаимоотношения беглого боярина и царя Ивана IV (Грозного). А между тем, язык сочинений А. Курбского, особенно его «Истории о Великом князе Московском» (далее — История), представляет значительный интерес прежде всего с точки зрения определения степени влияния юго-западных книжных традиций и украинско-польской

языковой среды на московские книжно-письменные традиции, которыми высокообразованный автор владел изначально. Цель данного доклада — на примере структуры страдательных причастий определить степень юго-западного влияния на язык сочинения А. Курбского. Учитывая заданный объем тезисов, количественное распределение кратких страдательных причастий, зафиксированных в Истории А. Курбского, с учетом вида мотивирующего глагола, временной принадлежности причастия, типа предложений (двусоставные / односоставные безличные), структуры главного члена (без связки / со связкой) и формы связки мы представили в таблице.

Таблица 1. Количество страдательных причастий в предикативной функции

Структура предл.	Двусоставные предложения				Безличные предложения				Всего:
	Совершенный		Несовершен.		Совершенный		Несовершен.		
Время:	наст.	прош.	наст.	прош.	наст.	прош.	наст.	прош.	
Всего:	217				104				321
	Без связки								
	–	124	8	5	1	75	8	7	228
Форма связки:	Со связкой								
наст. время	–	10	5	–	–	–	5	1	21
будущ. время	–	2	–	–	–	–	–	–	2
л-форма	1	34	8	–	–	4	–	–	47
аорист	–	12	–	–	–	3	–	–	15
другие форы	–	5	3	–	–	–	–	–	8
Всего:	– / 1	124 / 63	8 / 16	5 / –	1 / –	75 / 7	8 / 5	7 / 1	228 / 93

Как показывает таблица 1, в тексте Истории А. Курбского зафиксировано 217 страд. причастий в двусоставных предложениях и 104 — в односоставных безличных. Преобладают словоформы прошедшего времени, мотивированные глаголами совершенного вида — 269 примеров против 13 производных от глаголов несовершенного вида. Количество страд. причастий настоящего времени равно 39 словоформам, большая часть из которых (37 примеров) мотивируется глаголами несовершенного вида. Обращает на себя внимание преобладание страд. причастий, употребляемых без связки, — всего 228 примеров. Количество словоформ, зафиксированных со связками, указывается после косой линии в последней строке таблицы. Всего таких причастий 93, т. е. в 2,5 раза меньше, чем словоформ без связки.

Страдательные причастия наст. времени считаются классом форм, в целом заимствованным из старославянского языка. На протяжении всей истории русского языка они оставались сугубо книжной категорией. В сочинении А. Курбско-

го девербативы с суффиксами *-ом-, -ем-, -им-* не образуют внутренне единой группы, поскольку ее компоненты, особенно сложные слова и многие образования с частицей *не*, характеризуются разной степенью адекватности. Наиболее употребительным является причастие *вѣдомо*, *-ь* «известно, известный» (7 примеров). 2 причастия — *оклеветаемо* и *непоколебимъ* — образованы от глаголов СВ.

Страд. причастий прошед. времени мотивируются преимущественно глаголами СВ. В нашем материале их количество более чем в 5 раз превосходит количество производных от глаголов НСВ (соответственно 248 и 47 примеров). Страд. причастия, мотивированные глаголами НСВ, обычно чаще встречаются в памятниках, отражающих черты народно-разговорного языка.

В сочинении А. Курбского зафиксировано всего несколько причастий, которые можно квалифицировать как украинизмы: *ввержень* (мотивируется глаголом 1-го класса *ввергати*, сохраняющимся в современном украинском языке наря-

ду с глаголом 2-го класса *ввергнути*), *заколенъ* от праславянского глагола *zakolti. В современном украинском языке употребляется исконная форма *заколенъ* наряду с новой формой *заколотий*, мотивированной глаголом *заколоти*. Параллельные формы страд. причастий имеет большинство украинских глаголов, в корнях которых были дифтонгические сочетания *ol и *or: *молотий* и *мелений*, *поротий* и *порений*. Ср. зафиксированное в Истории А. Курбского причастие *закланъ* от глагола *заклати* со старославянским неполногласием. Следует обратить внимание также на причастия-украинизмы *покиненъ* и *ростягненъ*, которые мотивируются глаголами 2-го класса *покинути* и *ростягнути*, однако их основы совпадают с основами настоящего времени, а не инфинитива (ср. укр. *покинеш*, *ростягнеш*). В современном украинском языке от глаголов 2-го класса образуются параллельные формы страд. причастий — с суффиксами *-т-* и *-ен-*: *покинутий* и *покинений*, *розтягнутий* и *розтягнений*.

Наряду с алломорфами *-н-* и *-ен-* (*-вен-*) в Истории А. Курбского имеется несколько страд. причастий прошед. времени, образованных при помощи суффикса *-т-*: *взятъ* (6 примеров), *объятъ*, *отнято*; *надутъ*. В ряде случаев наблюдается конкуренция суффиксов *-т-* и *-ен-*. Ср.: *бито*, *побиты*, *-о* (7 примеров), *разбиты*, *убит*, *-о* (6 примеров), с одной стороны, и *избиени* (2 примера), *побиени* (8 примеров), *убиень*,

-и, *-а* (31 пример) — с другой. Алломорф *-ен-* (*-вен-*) в старославянском языке за счет сужения сферы употребления суффикса *-т-* представлен шире, чем в древнерусском: *забъвенъ*, *съкръвено*, *убиен* и др. В нашем материале формы типа *убиень* зафиксированы в тех частях текста, которые можно квалифицировать как мартиролог жертв царя.

Наше исследование показало, что структурное единообразие (основа инфинитива + суф. *-н-*) характерно только для страд. причастий прошед. времени, мотивированных глаголами 3-го класса. Наибольшим структурным многообразием отличаются причастия, мотивированные глаголами 1-го класса. В этой подгруппе представлены все формообразующие суффиксы (*собрани*, *выведены*, *разбиты*). Кроме того, в ряде случаев наблюдается конкуренция суффиксов *-т-* и *-ен-* (*убить* / *убиень*). Страдательные причастия прошед. времени, которые по их структурным особенностям могут быть квалифицированы как украинизмы, в Истории А. Курбского представлены единичными примерами: *заколени*, *покиненъ*, *ростягненъ*.

Литература

1. Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века / Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М., 1986. С. 218–399.

Этимологический сюжет на тему — «красота и уродство»

И. В. Диманте

Балтийская Международная Академия (Рига, Латвия)

dimanteirina@inbox.lv

Этимология, семантическое расщепление, многозначность, балтизмы и славянизмы

Summary. It is necessary to notice the prevalence of the facts which are speaking well of the historical stage of existence of a general genetic language, which became the ancestor of the Baltic and Slavic languages, following the disintegration of the Indo-European proto language. One of the most convincing arguments, perhaps, is the most ancient lexical layer which testifies of the presence of a significant number of the parallels inherent to Slavic and Baltic languages from all Indo-European languages.

В любом языке таится достаточно нераспознанного и нераскрытого. Но решение многих задач нередко возможно лишь при использовании этимологических данных.

По мнению Ю. В. Откупщикова, основными трудностями, с которыми сталкиваются этимологи на пути исследований, являются пестрота, разнообразие и неожиданность семантических изменений. В родственных языках или диалектах приходится наблюдать столь кардинальные изменения значения слова, что оно обретает прямо противоположный смысл. В этом контексте интересным представляется приведенный ученым ряд примеров. Так в диалектах русского языка *ядовитый* может обозначать 'съедобный', 'вкусный', *вонь* 'приятный запах', слово *погода* в одних говорах — 'ясное, сухое время', 'ведро', в других — 'ненастье', а польское *uroda* — означает 'красота' [2: 47–50].

В аспекте нашего исследования последний пример заслуживает особого внимания и требует отдельного рассмотрения, поскольку в современном русском слова *красота* и *уродство* являются антонимами. В словарной трактовке *уродство* комментируется следующим образом: во-первых, как 'прирожденный физический недостаток организма', во-вторых, 'безобразие', 'некрасивость' и, наконец, 'какое-л. ненормальное, уродливое явление', 'отрицательное, дурное свойство, черта' (ср.: *урод*, во-первых, 'человек с физическим недостатком', во-вторых, 'человек с некрасивой, безобразной внешностью', в-третьих, само слово позиционируется как бранное [3, т. IV: 512 — 513]. Объяснение столь явного семантического расщепления приходится искать путем ретроспекции. При обращении к словарю И. И. Срезневского, обнаруживается, что в древнерусском *уродство* употреблялось не только в «отрицательных» значениях ('безумие', 'глупость'; 'юродство'), но и как 'роскошь' [5: 1256–1257]. Подтверждением возможности развития положительных значений у аналогичных образований, имеющих сходный фонетический облик, также служат иллюстрации из других языков и диалектов. Более чем убедительным фактом служат материалы из словаря В. Даля, демонстрирующие различие значений родственных омонимов. Так, помимо прочих значений, лексема *урод* нередко выступает в качестве аналога слову *урожай*. Например: «уродъ, урожай и урож-

дай сиб. 'родъ', 'степень плодородности...' 'избыток', 'обилие земных плодов'. Три года все урожаи стояли, уродей на хлѣб, на травы». В свою очередь, лексема *урода* представлена с пометой «зап. юж.» и вариантом произношения *врода* и дана со следующими значениями: «'ростъ', 'станъ', 'статъ', 'вся наружность', 'видъ', 'образъ' ... *Зубры такіе жъ быки, да не той уроды (да урода не та)*» [1: 508]. В этимологическом словаре, составленном А. Г. Преображенским в начале прошлого века, находим примеры из белорусского, где лексемы *урод* и *урода* имеют позитивные значения: «...уродъ 'урожай'; *урода* 'ростъ', 'видный человек', 'рослый'...» [2: 208]. В польском этимологическом словаре Александра Брюкнера относительно слова *uroda* имеется прямое указание на его семантическое единство со словом *rod* [8: 395]. Все вышеизложенное, а также соответствующие этимологические данные из словарей, составленных М. Фасмером и П. Я. Черных, служат основанием утверждению, что *-род-* служит общим историческим корнем для приведенных аффиксальных образований. Изначально в семантике этого корня заложена «идея» роста и приумножения. М. Фасмером приводятся примеры из многих языков и даются сопоставления значений, подтверждающие эту мысль [6, т. III: 490–491]. В свою очередь, актуализируя исследования ряда этимологов, П. Я. Черных приводит один из вариантов первичного общеславянского образования, сформировавшегося из индоевропейского корня, имевшего базовыми вербальными значениями 'расти', 'растаться', 'прибывать', 'подниматься'. Схематично это можно представить в следующем виде: *rodъ < *cerdh : *uredh- (: *urōdh-) [7, т. II: 118]. Учеными особо подчеркнута семантическая близость славянских и балтийских образований, имеющих в данном случае общность происхождения. В этой связи следует выделить сходное в литовском и латышском отглагольное существительное, в большей мере используемое в диалектах и представленное в формах *rasma* и *rasme* (в лат.) и *rasmė* (в лит.) со значениями 'скорый рост', 'богатая прибыль', 'урожай' [9, II: 104]. На древность этого образования указывает то, что в современном латышском оно сохранилось как женское имя и, в основном, только так и употребляется. Однако в ряде диалектов и в старинных писаниях имеются, помимо

отмеченных, и другие значения — ‘процветание’, ‘плодородие’, ‘отличие’. Вслед за М. Фасмером и П. Я. Черных, исследователь К. Карулис связывает это с понятиями рода, урожая, роста и т. п. Однако ученый указывает, что вышеупомянутый субстантив является производным от *rast(i)* (из прабалтийского *rad-sme < *radti, оформившегося на базе индоевропейской основы *cerdh : **cerdh-*), у которого отмечается не менее десятка значений (например, ‘найти’, ‘быть’, ‘быстро расти’, ‘родиться’) [9, II: 104–105, 111]. В латышском от него образовались существительные *raža* ‘урожай’ и *radī* ‘родня’, ‘родственники’, а также иные аффиксальные образования, в частности, *raštīgs* ‘плодородный’, ‘урожайный’, ‘удачливый’; *ražens* (от *raža*) ‘красивый’, ‘выдающийся’, ‘хорошо развитый’ (выделено автором статьи).

Явления, связанные с семантическим расхождением, лишней раз служит подтверждением того, что в любом языке есть много удивительного и таинственного. В данном случае разгадка семантического расхождения в приведенных лексемах, кроется, с одной стороны, в многозначности общей древней основы, с другой — в семантике аффикса (*y-*), также имеющего различные значения, что в купе и привело к различным результатам в языковых реалиях.

Исследования убеждают, что генетическая близость языков нередко подтверждается явлениями системного характера, такими, в частности, как типология словообразовательных процессов или развитие предположно-падежной сис-

темы. Примеры в области лексики и словообразования свидетельствуют, что по отношению друг к другу балтизмы и славянизмы нередко подобны «братьям и сестрам», которые одновременно имеют и сходство и различие, отражая возможные варианты развития значений (даже кардинально противоположных), изначально заложенных в генетически едином предке — индоевропейском праязыке.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1982.
2. Откупщиков Ю. В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. М., 1986.
3. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1910–1914.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
5. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Москва, 1986 — 1987.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
8. Bruckner Aleksander. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wiedza Powszechna. Warszawa, 1970.
9. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 2 sējums. Rīga, 1992.

Genitivus negationis в славянских языках: к проблеме генезиса приглагольного родительного падежа

О. С. Ильченко

Санкт-Петербургский государственный университет

ilchen@mail.ru

Исходные функции падежей, генетический аблатив, «несостоявшаяся» синтаксическая переходность, отступление от прототипического сценария переходности

Summary. The adverbial genitive originates an Indo-European ablative and appears as a marker of incomplete syntactic transitivity (Gen. partit.) or transitivity that didn't occur (Gen. negat.).

1. Задача «разведения» многообразных функций Р. п. еще не выполнена

Родительный падеж представляет собой предмет дискуссии как в славянском, так и, шире, в индоевропейском языкознании. Многообразие синтаксических функций этого падежа, которое свойственно вообще индоевропейским языкам, по-разному осмысливается лингвистами. «Славянский родительный падеж соответствует в синтаксическом отношении древнеиндийскому аблятиву и генетиву, из коих первый... означает предмет, от которого нечто отделяется, а второй... означает принадлежность... Задача состоит в том, чтобы определить, какие из многочисленных функций славянского родительного основаны на представлении удаленности (*der trennung*), а какие на принадлежности, какие аблятивны, а какие генетивны» (Миклошич).

2. Genitivus negationis как феномен отдельных индоевропейских языков

Одна из разновидностей употребления Р. п. — *Genitivus negationis* — составляет особенность только отдельных индоевропейских языков (славянского, литовского, латышского и отчасти готского, древне- и средне-верхне-немецкого). Кудрявский находит примеры употребления Р. п. под влиянием отрицания и в греческом языке.

3. Доводы в пользу аблативного происхождения Genitivus negationis

(1) В определении генезиса Р. п. при отрицании мнения ученых расходятся: одни возводят его к родительному удаленности (Востоков, Зикмунд, Малецкий, Быстрон, Кудрявский, Поттебня), другие — к родительному количественному (Гримм, Потт, Лебе, Габеленц, Шлейхер, Даничич, Миклошич, Костмих). Прав Миклошич в том, что Р. п. при отрицании близок к Р. п. части, но не прав в том, что считал эти родительные «генетивными». Правы Востоков, Кудрявский и Поттебня, считавшие Р. п. при отрицании «аблятивным» («глаголы с отрицанием требуют родительного, как означающие мысленное движение от предмета, лишение его, ра-

зобщение с ним» [1], а отложительный падеж сигнализирует направление от предмета [8]), но не прав Поттебня в том, что сомневался в близости Р. п. при отрицании и Р. п. части. Поттебня и сам замечал, что отрицание разрушает прежнюю связь глагола с объектом. Именно это различие в отношении отрицательного глагола к объекту послужило причиной замены падежной формы. Мысль Поттебни развивает Томсон: сопоставив семантику предложений с Р. п. и В. п., он приходит к выводу, что не само отрицание, а известного рода синтаксические значения, присущие отрицательным предложениям, вызвали Р. п. Взаимосвязанность функций партитивности и отрицания, выражаемых Р. п. в русском языке, показал Якобсон. Да, действительно, между приведенными родительными заметна разница, как писал Поттебня, в степени их зависимости от глагола. Однако сходством является сам факт изменения отношения переходного глагола к объекту — разрушение тесной связи действия с объектом, хотя, как верно отметил Поттебня, и в разной степени: частичное разрушение *Gen. partitivus*, которое мы называем неполной синтаксической переходностью, и полное разбиение действия с объектом *Gen. negationis*, которое мы называем несостоявшейся синтаксической переходностью. Оба случая регистрируют отступление от прототипического сценария переходности [7], хотя и обусловленное разными факторами.

(2) Мнения всех перечисленных выше ученых не противоречат друг другу, а представляют две стороны одной медали, если признать верной точку зрения, что любой приглагольный Р. п. (в том числе при отрицании и партитиве) восходит к аблятиву. Анализ фактов различных индоевропейских языков побуждает присоединиться к мнению большинства ученых (Бругман, Гольцвейсиг, Кун, Вогринц, Мюллер, Нетушил, Шмальц, Вундт, Курилович, Бенвенист, Шевороштина, Кноблах) об исходной функции индоевропейского генетива как приименного падежа с основным значением *посессивности*, что не позволяет возводить приглагольный падеж к исконно приименному падежу. В ряде случаев Р. п. и прилагательное возводят к одному источнику, что свидетельствует об их изначальной функциональной

Литература

близости, а значит, и на этом основании исходной функцией генетива должна быть признана приименная.

(3) Конструкция *Genitivus negationis* появилась только в тех языках, где Р. п. стал представителем и индоевропейского генетива, и индоевропейского аблатива. В языках, сохранивших различие генетива и аблатива, данная конструкция не встречается. Причем замена В. п. прямого объекта родительным падежом при общем отрицании осуществлялась *регулярно* в тех древних языках и в именах тех основ (*o-склонение), где форма старого генетива была вытеснена формой аблатива, а в других же — только спорадически.

(4) Менгель называет употребление Р. п. при общем отрицании в современном русском языке *прототипическим* «в силу его облигаторной «привязки» к прототипическим лексическим средствам, отражающим концепт отрицания, в частности, к предлогу *без*, управляющему родительным падежом, и к глаголам типа *лишить*, *избежать* и др., требующим дополнения в родительном падеже» [3]. А исторически эти лексические средства управляли аблативом.

(5) Семантика Р. п. при отрицании, вскрытая Пешковским методом трансформаций, также свидетельствует в пользу аблативного происхождения *Genitivus negationis*.

1. Востоков А. Х. Русская грамматика. 12-е изд. СПб., 1874.
2. Кудрявский Д. Славянская конструкция отрицательного глагола с родительным падежом и родственные явления других индоевропейских языков // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. ССХ. С. 22–28.
3. Менгель С. К вопросу о падежной вариативности в русских конструкциях с отрицанием // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 294–303.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
5. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
6. Томсон А. И. К вопросу о возникновении род.-вин. п. в славянских языках. Приглагольный род. п. в праславянском языке // ИОРЯС Императорской Академии наук. Т. XIII. Кн. 3. СПб., 1908. С. 299–300.
7. Givón T. Syntax: A Functional-Typological Introduction. II. Amsterdam, 1990.
8. Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // TCLP. 1936. VI.

Орфографическое освоение заимствований в XVIII столетии (буква ъ)

В. В. Каверина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kaverinal@yandex.ru

История русского письма, орфография заимствованных слов

Summary. The report focuses on the process of the orthographic incorporation of borrowings as shown on the material of XVIII century Russian press (Peter's «Vedomosti», «Saint-Petersbourg's Vedomosti», and «Moscow's Vedomosti») and highlights the use of the letter ъ.

1. Уже в начале XVIII в. «Ведомости» демонстрируют стабильное правописание ъ в корнях слов. Особую группу составляют заимствования с еще не установившейся орфографией, где вначале употреблялась данная буква: *каницѣру* (1703.6), *мишкѣтными* (1706.2), *папѣжскими* (1706.12), *инженѣровъ* (1706.22), *магазинъны* (1708.7), *при армѣ* (1709.5), *пистолѣтовъ* (1710.2), *офицѣровъ* (1713.6), *до корѣты* (1717.1), *съ Галѣрами* (1719.9), *лакѣямъ* (1719.37), *въ линѣ* (1722.12), *каницѣлярѣи* (1725.1), *проѣкѣтъ* (1725.51), однако впоследствии не закрепилась, несмотря на узус деловой письменности, характеризовавшийся тенденцией постановки ъ в позиции под ударением [5: 42].

2. Слово «армия» пишется сначала через *e*: *армеи* 1713.2, однако начиная с 1713 г. наряду с прежними появляются и становятся преобладающими написания через ъ: *армѣя* (1713.7), *армѣю* (1715.8), *отъ Армѣи*, *въ армѣю* (1715.11) и др. Случаи варьирования уникальны: *армею* — *изъ армѣи* (1719.5). Думается, что замена *e* на ъ, а потом на *i* отражает процесс «окниживания» заимствования *армея*, для русского языка имевшего явно выраженный разговорно-стилистическую окраску [6, т. I: 87]. В «Санктпетербургских ведомостях» сначала преобладает ъ: *армѣя*, *армѣи* (1729.4), *армѣя* (1729.6), затем происходит возврат к употреблению *e*: *армея* (1734.11), *армѣя*, *армеями* (1735.2), и только к 1746 году формируется норма написания данного слова через *i*: *армія* (1746.70). Через столетие Академический словарь 1847 г. фиксирует следующие написания слова «армия» и однокоренных: *армія*, *армеецъ*, *армейски*, *армейский*, *армейщина* [4, т. I: 12], в результате чего в безударном положении кодифицируется *i*, а под ударением *e*.

2. Аналогичное движение прослеживается в орфографии слова «линия». Однако, несмотря на стабильность узуса, в Академическом словаре сохраняется вариативность: *линея* и *линія* [4, т. II: 254]. Значительно менее устойчиво правописание однокоренного прилагательного «линейный», которое, как и «армейский», очевидно, испытывает влияние нормы делового письма: *линейныхъ* (1758.94 СПб.), *линейные* (1770.26 СПб.) — *линійныхъ* (1761.5 СПб.), *линійнымъ* (1761.100 СПб.). Вариативность в узусе сопровождается несогласованностью рекомендаций нормализаторов. Так, Н. И. Греч в «Практической грамматике» 1834 г. предписывает писать в таких образованиях ъ [2: 472], на что ему возражает А. Х. Востоков в «Русской грамматике» 1835 г. [1: 361]. Впрочем, Академический словарь 1847 г. все равно

фиксирует как единственно возможный вариант *линейный*, а также *линейка* [4, т. II: 254].

3. Указанная тенденция ярко проявляется в орфографии слова «каре́та». В скорописных вестях-курантах это слово очень стабильно пишется через ъ: *корѣтъ* (В-КІ 35.12), *карѣты* (В-КІІ 28.172), *карѣм* (В-КV 1.49), и петровские «Ведомости» наследуют данный узус: *до корѣты* (1717.1), *въ корѣтахъ* (1719.12), *въ карѣтъ* (1722.12). Однако в поздних номерах появляется вариативность: *каре́тою* (1722.12), которая получает дальнейшее развитие в «Санктпетербургских ведомостях», где наряду с ъ: *карѣтахъ* (1729.5), *корѣты* (1740.104) все большее распространение получают написания через *e*: *каре́тахъ* (1734.68), *каре́та* (1748.99). Такая орфография зафиксирована и в Академическом словаре 1847 г.: *каре́та* [4, т. II: 163].

4. В конечном счете не сказывается ударение и на орфографии слова «офицер», которое сначала пишется через *e*: *офицеровъ* (1713.4), *офицеры* (1714.1), *афицеровъ* (1714.8), *офицеровъ* (1716.1). Первоначально здесь отражается очень распространенное в русском языке изменение *-ur* в *-er* [6, т. III: 174], затем же начинает действовать тенденция, отмеченная Я. К. Гротом: *e* пишется в соответствии с *e* первоисточника, а ъ на месте *i* или *ai* [3: 60]. В соответствии с немецким, французским или даже латинским источником [6, т. III: 174] после недолгого периода вариативности: *офицеровъ*, *офицерскіхъ* — *офицровъ* (1713.6) закрепляется написание через ъ: *офицѣрами* (1719.9 — корректурный и белой экз.), *офицѣрамъ* (1730.24), *Офицѣрами* (1732.10). Однако уже в конце 20-х годов XVIII в. вновь возникает вариативность, которая вскоре окончательно разрешается в пользу *e*: *офицеры* (1728.104), *Офицеровъ*, *Офицеры* (1735.2). Норма, сложившаяся в узусе, закрепляется более чем через столетие в Академическом словаре: *офицерь* [4, т. III: 144].

5. Подобным образом развивается правописание слова «инженер», в котором сначала находим ъ: *Инженѣру* (1719.14), *инженѣры* (1728.6), *Инженѣры* (1732.99). Однако к середине XVIII в. формируется очень устойчивая норма правописания данного слова через *e*: *Инженеровъ* (1758.94 СПб.), *инженернаго* (1771.52 СПб.), *Инженернаго* (1758.52 Мск.) и др., которая впоследствии фиксируется Академическим словарем: *инженерь* [4, т. II: 132].

6. Едва ли не единственным иноязычным именем нарицательным, в котором закрепляется ъ, является слово «апрѣль», которое Я. К. Грот объясняет латинским *aprilis* [3: 60], а Фас-

мер, комментируя происхождение данного слова, отсылает к лекциям Соболевского относительно судьбы *e* перед *l* [6, т. I: 82]. В «Ведомостях» помимо очень распространенного написания *апрѣля* (1703.13) в 1705 г. появляется вариант *априлліа* (5 раз в 1705.14, 7 раз в 1705.15, 6 раз в 1705.16), очевидно, под влиянием Лексикона (1704 г.) Ф. Поликарпова, где представлено именно такое написание: *Априлліи*. Однако после № 16 за 1705 г. оно полностью исчезает, и в более поздних номерах «Ведомостей» церковной и гражданской печати, а также позднее в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» употребляется только *апрѣль*. Именно такое написание, сложившееся в узусе почти полтора столетия назад, фиксирует Академический словарь 1847 г.: *апрѣль* [4, т. I: 11].

7. Итак, правописание заимствований упорядочивается к середине XVIII в., задолго до появления так называемых «ятевых» списков в грамматиках. В именах нарицательных

(кроме *апрѣль*) буква *ѣ* узусом не закрепляется, независимо от удара, и впоследствии Академический словарь 1847 г. кодифицирует их написание через *e*: *галера, инженеръ, канцлеръ, карета, лакей, мушкетъ, офицеръ, папешство, папешъ, пистолетъ, проектъ*. Данный факт может служить лишним доказательством происхождения особого звука на месте этимологического «ять» в XVIII столетии.

Литература

1. Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1835.
2. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. 1834.
3. Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885.
4. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
5. Тарабасова Н. И. Явления вариативности в языке деловой письменности. М., 1986.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.

О происхождении русского письма

Е. Ф. Киров

ГОУ ВПО Московский городской педагогический университет

evg-kirov@yandex.ru

Графика языка, алфавит, происхождение буквы, русское письмо, глаголица, кириллица

Summary. This paper deals with formation of letter in world languages. The process of letter's forming can be understood as a picture of articulation figure to make a sound.

Наибольший интерес представляют вопросы происхождения буквенного письма, которое находится в тесной связи с эволюцией языкового строя. В эволюции письма и языка можно выделить ряд этапов. Так, древнейший вариант письменности — идеография возникла как рисунок ситуации и явилась обязательным этапом для развития буквенного письма. Такое рисуночное «письмо» не передает речь, а замещает ее. Заметим, что идеография как система письменной коммуникации, представляющая собой непосредственный рисунок, была древнейшей стадией в эволюции письма. До начала «осевого времени» у многих индоевропейцев просто не было никакой буквенной письменности, что не означает, что индоевропейцы не пользовались собственно рисунком для передачи информации.

Иероглифическое письмо соответствовало такому типу языка, в котором слово не было и не могло быть производным, разложимым, но вычленилось в речи как самостоятельная единица. К такому типу языков принадлежат китайский и др. языки. Этот тип языка можно назвать внедеривационным (в нем нет морфологического типа словообразования в общепринятом смысле слова, но широчайшим образом представлено семантическое словообразование). Этим языкам характерна такая черта, как равенство слога слову, слова морфеме, — то и другое представлено в изолированном виде «морфемословослога». Безусловно, иероглифическое письмо было прогрессивным для такого типа языка и превосходно справлялось с функцией коммуникации на этапе примитивного развития общества, не использующего абстрактную лексику. Поразительным свойством такого письма является способность современного грамотного человека читать тексты тысячелетней давности. Однако по мере нарастания абстрактных слов типа «дружба», «отношение» и подобных, которые трудно «нарисовать», начался процесс преобразования иероглифического письма, когда во многих случаях иероглиф уже не является рисунком предмета, а обозначает слог или звукокомплекс, хотя до сих пор конкретные предметы в китайском языке просто передаются «на письмо» схематичным рисунком, — такими иероглифами являются знаки «человек», «дом», «вода» и многие другие.

Весьма важным этапом являлось слоговое письмо, которое в значительной мере могло быть иероглифическим — примером такого письма являются египетские, индийские и др. силлабографические системы (их элементы сохраняются и в буквенном письме).

Качественный скачок в развитии произошел с появлением современной фонетико-фонологической системы письменности, которая претерпела в своем развитии два этапа, когда отображался в древнейшем варианте письма сначала звук (оно было подобно транскрипции), а позже в современных системах письма стала отображаться фонема.

Каков же механизм возникновения буквы? Он поразительно прост, что и является причиной сходства некоторых из известных раннехристианских азбук (древнегрузинской Асомтаврули, древнеармянской азбуки Еркагагир — и славянской Глаголицы, — на это сходство указывал Н. С. Трубецкой). Итак, **протобуква возникла как рисунок (как своеобразный иероглиф) артикуляции, артикуляционной фигуры, артикуляторы звука**. Для нас стало очевидным, что древнейшая графема (протобуква) представляет собой не что иное, как схематичное графическое изображение артикуляции, т. е. соположения речевых органов при произнесении того или иного звукотипа. Например, греческо-кириллическая графема *a*, особенно ее прописной вариант *A*, является более или менее точным схематическим изображением положения губ при рассмотрении анфас, продуцируемого речевыми органами при произнесении звукотипа *a* во многих индоевропейских языках. Сравнение греческого и кириллического облика графемы *A* с глаголическим и грузинским вариантом свидетельствует о том, что звук [a] артикулировался более или менее одинаково, но графический облик буквы *a* во всех этих языках рисовался в разных проекциях. Так, если греческая, кириллическая и одна из версий глаголической буквы *A* представляет собой рисунок органов речи в профиль (раструб, похожий на резонатор Гельмгольца), то другая версия глаголической буквы *a* в виде креста схематизирует органы речи анфас, — речь о кресте с полукружьем сверху, что в целом схематизирует широко открытые губы и рот. Если же мы обратимся к букве *o* в любой из упомянутых азбук, то достаточно одного взгляда в зеркало, чтобы убедиться, что эта буква точно рисует положение губ анфас, точнее, что она схематически изображает округлое губное отверстие, которое изоморфно самой букве в ее графическом представлении. Не является исключением и греческая омега, которая также схематически обрисовывает округлое положение губ, которое хорошо заметно в положении анфас.

Если взять славянскую глаголицу, то становится заметным ее коренное отличие от греческой азбуки: многие буквы в глаголице обрисованы из положения анфас, что приводит к схожести гласных и согласных букв и в целом является большим недостатком данной графической системы. В определенную историческую эпоху происходит поворот точки зрения, и привлекается взгляд и проекция в профиль. Этот прием мог возникнуть на довольно развитой стадии письменности, когда буква уже превращалась в знак и в известной мере теряла, хотя и не до конца, мотивированную связь с той артикуляцией, которую она изображала. Другими словами, поворот в обрисовке букв из положения анфас в положение в профиль означал поворот развития графической системы в сторону немотивированной семантизации,

т. е. переход букв преимущественно из разряда иконических рисунков в разряд маломодифицированных знаков, что сопряжено с понижением изобразительной мотивированности буквы, которая теряет иконичность.

Именно это проделал один из солунских братьев Кирилл в Моравии, приспособив греческие профильнорисованные буквы в несколько видоизмененной форме для славянских звуков, и именно эту азбуку потомки назвали кириллицей, ставшей впоследствии и русским письмом. При этом Кирилл не избрал азбуку как таковую, а синтезировал две азбуки в одну: он взял греческие буквы, несколько перелицевав их, и соединил эти псевдогреческие буквы с некоторыми буквами древнейшей славянской азбуки Глаголицы, прямо позаимствовав из нее восемь букв, не имевшихся в греческом письме (см. «Житие Кирилла»). Кириллическое письмо было более информативным, поскольку почти все буквы, за исключением «омеги» и «ферта», схематизируют артикуляторы в профиль и подобны профильным рентгенограммам. Преимуществом кириллицы над древней глаголицей было скорописание (возможность более быстро переписывать книги, а скорость распространения православия на восточнославянских землях была прямо пропорциональна

скорости переписывания церковных книг). Тем не менее, и в кириллице сохранилась иконическая сущность графического знака, т. е. какие-то черты артикуляций переданы в нарисованном облике буквы довольно точно (например, буква «ферт» точно передает артикуляционную фигуру анфас с двумя полукружьями по бокам рта), и это является достаточным основанием для рассмотрения графических элементов букв с точки зрения их соответствия артикуляционным положениям (кинетам, если дополнить терминологию Бодуэна, который использовал термин «кинема»; заметим, однако, что «кинема» означает в терминосистеме Бодуэна образ положения органа речи, а не само положение органа речи, обозначенное нами как «кинета»).

Подводя итоги, отметим, что человечество использует иероглиф в любом случае — либо как непосредственную схематизацию предмета (например, в китайском языке), либо как схему артикуляционной фигуры, при помощи которой образуется звук того или иного языка. В последнем случае иероглиф артикуляции порождает букву языка.

Литература

1. Киров Е. Ф. Фонология языка. Ульяновск, 1998.

«Речевые маски» в интермедиях первой половины XVIII века

Е. И. Кислова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

e.kislova@gmail.com

XVIII век, язык художественной литературы, речевая маска, интермедия

Summary. In this paper I describe “speech masks” in the interludes in the XVIII century.

Интермедии — небольшие комические бытовые сценки, вставлявшиеся между действиями основной пьесы, популярные в любительском театре конца XVII — первой половины XVIII века. Персонажами интермедий чаще всего выступают образы-маски, воплощающие черты разных социальных слоев и национальностей: Пан, Шляхта, Цыган, Старик, Гаер, Раскольник, Грек и т. д. Именно в интермедиях образ может создаваться в том числе при помощи «речевой маски». Под речевой маской мы будем понимать набор языковых черт, маркировавших того или иного персонажа как представителя определенной языковой среды. Подобное речевое поведение персонажа отражает закрепленные в сознании носителей языка представления о том или ином культурно-языковом типе.

Не во всех пьесах конца XVII — XVIII в. язык персонажей создает «речевую маску». Так, в пьесах «школьного» и любительского театра все персонажи (в том числе «национально маркированные» Польша, Турция, Речь Посполита и др.) говорят немаркированным языком (редкое исключение — «гарабарская» речь подчеркнута иностранных персонажей типа Турецкого Паши, Султана и под.). «Речевая маска» была факультативным средством выразительности даже в интермедиях: в сценках из разных сборников одни и те же персонажи могут иметь «речевую маску», но могут говорить и «немаркированным» языком. Среди исследованного нами корпуса текстов выделяются интермедии из сборников А. А. Титова и опубликованного Н. Тихонравовым сборника интерлюдий I пол. XVIII в. [1]; [2], в которых речевые маски персонажей используются наиболее активно и последовательно.

Важно выделить универсальные языковые черты — те, которые встречаются в речи любых персонажей и характеризуют жанр интермедии в целом. Это факультативное отражение перехода *e* в *o* после мягких согласных (*чорт, пчолки, набериом*) и употребление в качестве форм прошедшего времени форм на *-л*.

Можно выделить следующие речевые маски:

1. Цыган — один из самых популярных персонажей интермедий. Речевая маска Цыгана имеет следующие черты: в фонетике — мена *л* на *в* (*хадив-бродив, нашовся, пустився*); мена *ы* на *у* (*було, забул*), переход *o* в *у* (*сокул, пускучай, бул*). Факультативно может проявляться цоканье (*цыну, моцные*), аканье (*фартуна, карова, сабака*), совпадение *и* и *ы* (*обманивать, задавили* — рифмуется с *кобылы*), совпадение *ѣ* и *и* (*бидна, хлѣба* — рифмуется с *рыба*). В морфологии: активное употребление инфинитивов на *-ти*, в том числе от

некнижных глаголов (*ошуквати, робити, красти, манити, трактовати*); употребление усеченных форм прилагательных (*червонны пироги, милосерды гетман, хороши цыган*). В редких случаях отмечены расогласование: *жаданчата мой, яка то моя хороша урода*. Наиболее яркой чертой языка Цыгана является лексика, которая включает в себя множество украинизмов: *шаковати, мают, нема, бачу, швитка*; множество частиц и междометий: *чи, ось, албо, чхавей*.

2. Жид — также популярный персонаж интермедий. Фонетические черты этой речевой маски: совпадение *ш* и *с* (*хоросово, знась, грочи*), *ч* и *ц* (*хоцеси, посетцу, есцо*), совпадение *в* и *л* (*бацив, не научився*). Морфологические черты: активное употребление инфинитива на *-ти* (в том числе с отражением перехода *и* в *ы*): *будеши... говориши, брехати, цекати*. В речи Жида отмечены единичные морфологические украинизмы: *пошукаймо, даймо*, а также формы, восходящие к плюсквамперфекту: *отъ цого ты був схазився, сцо тебе было стало*, также сохранившиеся в украинских говорах. Много украинизмов и в лексике: *нехай, бачу, маешь, ось* и т. д.

4. Литвин встречается в интермедиях реже, но он обладает яркой речевой маской. Фонетические черты: дзеканье (*дзечина, будзь, дзенежсок*), цоканье (*науцись, сеци*), шепелявенье (*говорись*). В противоположность маске Цыгана, Литвин употребляет исключительно формы инфинитива на *-ть* (*бить, поедать*).

5. Роль Мужика не всегда соотносится с речевой маской, однако в некоторых текстах она есть: это цоканье (*зарьцали, оцень, сцо* — наряду со *што*), факультативно — отражение перехода *o* в *у* (*оцунь, распролумали*). Наиболее яркой чертой речевой маски Мужика является использование разнообразных постфиксов: *с дерева-та, поп-от, коровы-та-ста, дома-та-ста, бацка-ста, там-даки* и т. д.

6. Грек — также популярный персонаж интермедий. Если речь других персонажей может быть немаркированной, то речь Грека так или иначе маркирована всегда. Наиболее яркой чертой является синтаксическая несогласованность: употребление *моя / мой* вм. *я* (*моя купит, мой дала*), употребление пр. вр. вместо инфинитива и других форм глагола (*моя пора ехала на ярмонка* — «пора ехать», *там буду ел добре и пил волоска вина* — «буду есть и пить», *моя немного знаел язык руски* — «знает»), формы-контаминации — *зналем* — «знаем», *ходуй* — «иди», неверное управление (*тила на Молдава, выбежала с куца*). Факультативно в речи Грека проявляются также фонетические черты: переход *ы* в *у* (*була, здобула*), совпадение *ч* и *ш* (*ширвонца, шорта бери*),

отражение перехода *о* в *и* (на *кия добра*). Яркой лексической чертой является «иностранный лексика» (во многом искусственная): *алмики млики соломалики сускан кускан мересан; букишил, букишил, селимграда*.

7. Речевая маска Раскольника — одна из наиболее любопытных. Яркими чертами являются морфологические и лексические церковнославянские, которые соотносят речь Раскольника с церковнославянским языком и церковной культурой: представлены единичные имперфекты (*подобаше*) и «книжные» формы атематических глаголов (*не вемы*), инфинитивы на *-ти* (*подклонити, пребывати, стояти*), отмечены формы 2 л. ед. ч. презенса с окончанием *-ии* (*содержиши, твориши*). Встречаются лексикализованные формы дв. ч. (*двама персты*), падежные формы с чередованиями заднеязычных (*в восторзе*), склоняются краткие страдательные причастия (*устроенну, утвержденну*). Формы полных причастных могут употребляться с «церковнославянскими» окончаниями: *новья веры, латынская школы, многия напасты* — наряду с «русскими» *нашей веры, старой веры*. Яркими «книжными» чертами являются также специфические синтаксические конструкции (*староверца себя быти объявляешь, видал молящая Авеля на иконе*), неполногласные формы (*зрад, брада*). Авторы явно пародируют избыточное употребление книжных союзов: *ибо, яко же, зане, понеже, убо пишет в осиповочной псалтире; зане, понеже, ибо, оба-*

че, точию, якоже и по писаному. Все эти «церковнославянские» приметы, употребленные наряду с характерными для русского языка грамматическими формами (инфинитива на *-ть*, пр. вр. на *-л*, конструкций с частицей *было* и т. д.) позволяют маркировать речь Раскольника как церковную и архаичную. Ярких фонетических черт эта маска не имеет, отмечены только единичные отражения перехода *е* в *о* (*пришол*), аканья (*сабак*), совпадения *в* и *л* (*устыдився*), *и* и *ы* (*одным*) — все они могли отражать языковые черты переписчика.

Можно заметить, что в речевых масках по-разному задействованы реальные языковые черты украинских, белорусских, южнорусских и севернорусских говоров. Нередко авторы выбирают только наиболее яркие из них, произвольно сочетая немаркированную речь с маркированными элементами.

Таким образом, интермедии отражают уже сложившиеся к началу XVIII в. территориальные и социальные речевые стереотипы.

Литература

1. Пьесы любительских театров. М., 1976;
2. Русские интерлюдии первой половины XVIII века // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихоновым. Т. 2. М., 1859. С. 35–60.

О языке «Летописца выбором» XVII века — малоизученного памятника позднего русского летописания (по спискам отдела рукописей РГБ и РГАДА)

О. Н. Киянова

Российская правовая академия Министерства юстиции РФ

kiyanova@mail.ru

История русского литературного языка норма летопись

Summary. The report is dedicated to the unsolved problem of the classification of the language type (literary Church Slavonic / language oriented to the “business” linguistic tradition [we mean “prikaznyj” language]) of the later Russian chronicles. The object of investigation is very popular in the XVII–th century “Letopisetz vyborom” (“Short chronicle in choice”). So far this literary monument is unpublished and well-known in the 20 manuscripts-copies. The language of 4 of these literary texts is analyzed in the aspect of grammatical norm.

Особую группу среди летописных памятников XVII в. образовывали т. н. *летописцы общерусские краткие*. Они были основаны на чрезвычайно строгой выборке сведений общерусского летописания и отражали взгляды широкой слоев общества. Эти летописцы бытовали в разнообразной форме — на полях рукописей, в столбцах, тетрадах, в составе обширных сборников и включались даже в крупные исторические рукописи, сопровождая тексты Хронографа, Степенной книги, больших летописных сводов. Мы исследовали текст наиболее интересного и популярнейшего в XVII в. *Летописца выбором* (ЛВ), встречающегося в четырех сборниках самого разнообразного состава и даже в сборниках дворянских родословных документов. Памятник известен в 20 списках и до сих пор остается неизданным.

Основное содержание летописи сводится к погодному изложению наиболее важных событий общерусской истории от 1154 г. (известие о перенесении иконы Богоматери Владимирской из Царьграда) до сер. XVII в. Однако состав статей варьируется в широких пределах, отражая пристрастия и познания многочисленных редакторов. Столь же неоднородны по своей форме и летописные статьи — некоторые лаконичны или (по воле редактора) развернуты в живописное повествование. Очевиден интерес к церковной истории (в текстах встречаются статьи о Сергии Радонежском и Кирилле Белозерском, «мощах» и «чудесах»), однако основное внимание писцов привлекали социально-политические события русской истории: княжения и царствования, дипломатические отношения, городское строительство, походы и битвы, народные восстания, деятельность правительства и пр. До последней четв. XVII в. памятник содержал, в основном, сведения из общерусской и московской городской истории. Однако, по мере того как развивалось краткое городское летописание в к. XVII в., он пополнялся местными сведениями, отражая в ряде списков Вологодские, Ярославские, Костромские и Ростовские местные сведения. Этот малоизученный памятник позднего русского летописания был очень популярен среди представителей различных слоев образо-

ванного русского общества XVII в. (посадских людей, дворянства и духовенства), т. к. его важным качеством была доступность формы и содержания. Он активно воспринимался обществом (каждый переписчик сознательно вносил в текст изменения, дополнения и сокращения) и в полной мере соответствовал читательским вкусам эпохи: это произведение, столь популярное в XVII в., полностью исчезло в рукописной традиции XVIII в., став, однако основой новых популярных произведений — *Летописца Московского краткого* и «*Краткого введения о народе славянорусском*».

Такие памятники, как ЛВ (языку летописей всегда было присуще сосуществование русских и церковнославянских форм на всех уровнях), требуют пристального внимания историков русского языка: исследование их языка поможет лингвистам ответить на вопрос, каким был механизм сложного взаимодействия двух письменных традиций: книжнославянской и деловой, в преддверии сложения единой системы литературных норм, ориентированных на живую речь народа, решить ряд теоретических проблем формирования русского литературного языка нового типа.

Проведенный анализ грамматической нормы четырех списков ЛВ, созданных в разные четверти XVII в. и в разной социальной среде (дворянской, с одной стороны, и в среде посадских людей, с другой), позволил прийти к следующим выводам: ЛВ представляет собой памятник, композиционно и содержательно созданный в летописной традиции; исследованные списки текста написаны на церковнославянском языке сниженной нормы, однако каждый из них допускает восточнославянские элементы в разной степени. Для всех списков ЛВ [1–4] универсальным является наличие сложной системы прош. времени, однако набор временных форм, входящих в нее, различен: везде в качестве преобладающего элемента присутствует *л-овая* форма (способная выступать в качестве единой формы прош. времени), весьма активным может быть аорист (который используется в летописных сюжетах как самостоятельно, так и на правах грамматического варианта в ряду аорист / *л-фор-*

ма, но может нести и чисто стилистическую нагрузку, живописья действие), в ЛВАрх в этот набор входит также и имперфект (наряду с формами наст. исторического времени, способными замещать претериты). Для ЛВ универсальным является и прием использования «клишированных» временных форм, закрепленных за контекстами определенного содержания и соответствующими глагольными лексемами, характерный для всех летописных памятников исследуемого периода. Во всех списках в качестве предиката могут употребляться причастия (со связкой и без таковой). В исследованных нами списках ЛВ контексты двойственности не знают форм дв. числа, однако приемы использования форм «не-дв. ч.» (ед. ч. и мн. ч.) вполне соответствуют грамматической норме сниженного церковнославянского языка, поскольку такое использование фиксируется в разножанровых текстах книжно-славянской письменности (в том числе, летописи) еще в XII–XVI вв. Исследованный материал не обнаруживает зависимости степени «строгости» нормы, большей ориентации ее на книжную традицию, ни от времени создания списка, ни от характера социальной среды, к которой принадлежал его автор (т. е. его большей или меньшей образованности). Авторами ЛВФад и ЛВЧерн (кратких редакций) были представители дворянства, но язык этих списков более демократичен, нежели тот, что представлен в двух других текстах. Тогда как язык достаточно пространных повествований ЛВАрх и ЛВнп (в некоторой степени обладающих сходством в плане языка), неоднородный в плане ориентации на ту или иную письменную традицию

(следование одной из двух письменных традиций в этих текстах обусловлено в ряде случаев содержанием летописного сюжета), содержит в отдельных фрагментах такие яркие церковнославянизмы, как простые претериты, оборот ДС, конструкцию «да + презенс» с целевым значением, книжные союзные средства. Примечательно то, что автором ЛВАрх (более раннего, нежели ЛВнп), как полагают, был стрелец или выходец из посадской среды. Поэтому именно он, а не автор более позднего списка на полях, имеющий, предположительно, отношение к Благовещенскому собору Кремля и создававший свой текст, ориентируясь, по всей видимости, на ЛВАрх, активно пользовался книжно-славянскими языковыми средствами. Делал он это или в силу своей значительной образованности и понимания жанровой специфики фрагмента, или по причине тщательного копирования использовавшегося им протографа.

Списки «Летописца выбором»

1. ЛВАрх — *Архивный список* — ркп. РГАДА, ф. 188, оп. 1, № 2, лл. 174–191 об. Сделан в конце 1670-х гг. подробный вариант ЛВ, протограф написан посадским человеком (или стрельцом) во 2 четв. XVII в., оканчивается ст. 1643 г.
2. ЛВнп — *Список на полях* — ркп. РГБ, ф. 178, № 1836, лл. 8 об.–38 об.;
3. ЛВФад — *Фаддеевский список* — ркп. РГБ, ф. 312, собр. Фаддеева, № 34, лл. 117–119 об.;
4. ЛВЧерн — *Чернышевский список* — ркп. РГБ. Архив Чернышевых, картон II. 57. лл. 1–4.

О некоторых особенностях отражения праславянских рефлексов *tort в Толковой Палее

А. Ю. Козлова

ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт»

anna_ko65@mail.ru

Древнерусский литературный язык, Толковая Палея, история текста, полногласие

Summary. This report is devoted to one of the most remarkable linguistic features in the agendas of Tolkovaya Paleya, to the presence of the words with Old Russian reflexes of the preslavonic combinations *tort in the texts.

Толковая Палея относится, по мнению А. А. Алексева, к памятникам с контролируемой текстологической традицией [1: 27]. В основе ее текста — пересказ отдельных книг Ветхого Завета, дополненный различными комментариями и обличениями нехристианских воззрений. В научной традиции до сих пор не решен вопрос о месте и времени создания этого произведения.

Все дошедшие до нас рукописи Толковой Палеи древнерусские. Обращает на себя внимание присутствие в тексте Палеи большого количества древнерусских языковых черт, которые устойчиво проявляются во всех списках. В рамках данного сообщения укажем на некоторые особенности отражения праславянских рефлексов *tort в разных редакциях памятника.

Несмотря на то, что текст находится на вершине жанровой иерархии древнерусской книжности (по Н. И. Толстому) и обслуживается книжно-славянским языком, полногласные формы во всех списках всех редакций присутствуют. Так, в Коломенском списке Толковой Палеи обнаруживается 22 таких формы: *оуполоскала баше* (стб. 17), *короли* (стб. 69), *нерестъ* (стб. 89), *пережаствѣщес* (стб. 90), *середнии* (стб. 118), *на черевѣ* (стб. 150), *въ черевѣ* (стб. 168), *черепинъ* (стб. 183), *волоотове* (стб. 200), *волоотове* (стб. 203), *коровама* (стб. 259), *по вородѣ* (стб. 274), *холопѣ* (стб. 314), *за холопство* (стб. 314), *сѣволокъ* (стб. 389), *заколовъ* (стб. 457), *полозити* (стб. 493), *жерелы* (стб. 661), *перечатьс* (стб. 754), *молокомъ* (стб. 755), *ворониши* (стб. 755), *воротило* (стб. 806); сюда можно добавить и формы, в которых *telt реализуется в виде -еле- (см. об этом в исследовании Ф. Р. Минлоса [6: 198–203]): *селезена* (стб. 123), *селезны* (стб. 454).

В результате изучения рукописей Палеи Толковой и Промежуточной редакций выяснилось, что в них обнаруживается некое количество слов с полногласием, которые присутствуют во всех списках и, вероятно, являются принадлежностью протографа. Это такие словоформы, как *оуполоскала баше*, *короли*, *нерестъ*, *пережаствѣщес*, *середнии*, *черепинъ*, *волоотове*, *коровама*, *по вородѣ*, *холопѣ*, *за холопство*,

жерелы, *перечатьс*, *молокомъ*, *ворониши*, *воротило*. Заметно, что они находятся в тех частях текста, которые передают не отрывки из Священного Писания, а заимствования из других памятников: из Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, Хроники Козьмы Индикоплова и т. д. Кроме того, в каждой рукописи есть свойственный только ей полногласные формы.

Интересно, что в одном списке Палеи Толковой редакции — списке Александро-Невской Лавры — заимствованный из Шестоднева Иоанна экзарха физиологический трактат представлен расширено — и в этом небольшом отрывке наблюдается просто скопление слов с полногласными сочетаниями: *ко скороньямъ*, *волосы*, *середнии*, *вес сорома*, *середни*, *селезена* (Л. 31–31 об.), хотя в древнерусских списках Шестоднева полногласных форм практически нет [3: 45].

Старшие списки XIV–XV вв. содержат больше полногласных форм, нежели позднейшие XVI–XVII вв. Например, в списке Киевской Духовной Академии, который ближе всего к Коломенскому и сохраняет даже почти все его описки и ошибки, представлены только 12 из 24 полногласных форм Коломенского списка.

В рукописях Толковой редакции отмечена такая интересная особенность древнерусских церковно-книжных памятников, как реализация *tort в виде -ро- (см. об этом в работах В. Б. Крысько [6: 16]), правда, только в одной лексеме — *крова*. А также только в этом слове в формах двойственного числа отмечается своеобразный грамматический параллелизм, связанный с варьированием полногласных и неполногласных корней: *кровома* — *коровама*, но если корень представлен с -ро-, то в окончании тоже пишется о: *кровома*.

Полногласные корни Толковой Палеи могут быть связаны с книжными суффиксами: в Коломенском списке — *холопство* (стб. 314), в Барсовском № 620 — *коровьство* (Л. 179а). Отметим, что последнее слово не зафиксировано в исторических словарях русского языка.

Несколько раз было замечено, что полногласные формы в палеинном тексте могут появляться с целью создания варьированных наименований [4: 146]. Например, в Кирилло-Бе-

лозерском списке: **а середни среднее** (Л. 362 обр.), в списке Александро-Невской Лавры: **иже рече рцѣ твон на плещо врагъ твонѣ что ворогъ е (о)жни** (Л. 119 обр.).

В многих рукописях есть слова с так называемыми вторым полногласием. Интересно, что в списке Костромской библиотеки оно проявляется даже в перечне народов, населявших Русь: **перемь, мородва** (Л. 43).

Промежуточная редакция Палеи отличается от Толковой наличием большего количества апокрифов. Обычно она заканчивается апокрифическими Судами Соломона. А. А. Алексеев пишет о том, что перевод этого текста был сделан с еврейского в Древней Руси [2: 41–57]. Это положение может быть подтверждено и языковыми данными: в тексте апокрифа присутствует большое количество русизмов, в том числе и слова с полногласными сочетаниями: в Кирилло-Белозерском списке отмечаются **посторонь** (Л. 364), **мѣжъ ворожащѣ** (Л. 367), **черевца** (Л. 371), **наперед** (371 обр.), в Барсовском № 620 — **чересы** (Л. 194 а), **холопы** (Л. 195 б) и т. д.

Источники

Рукописи Толковой Палеи Толковой редакции

- Коломенский список 1406 г.* — РГБ. Тр.-Серг. № 38.
Список Александро-Невской Лавры — РНБ. Собр. ПДА. А. I₉₉ (XIV в.), РГАДА. Синод. типогр. № 53 (XIV в.).
Список Костромской библиотеки — РГБ. Собр. Костромской библиотеки. Ф. 138. № 320. 1–2 (конец XIV — начало XV в.).

Уваровский список — ГИМ Увар. № 516 / 1303 (XVI в.).

Список Киевской Духовной Академии — Национальная украинская библиотека им. В. И. Вернадского. Мел. м. п. 114.

Рукописи Толковой Палеи Промежуточной редакции

- Кирилло-Белозерский список* — РНБ. Кир.-Бел. № 68 / 1145 (XV в.).
Волоколамский список — РГБ. Волок. № 549 (XV в.).
Барсовский список № 620 — ГИМ. Барс. № 620 (XV в.).
Удольский список — РГБ. Унд. № 718 (XV в.).
Хлудовский список — ГИМ. Хлуд. № 182 (XVI в.).

Литература

1. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. Алексеев А. А. Апокрифы Толковой Палеи, переведенные с еврейских оригиналов // ТОДРЛ. 2007. Т. 58. С. 41–57.
3. Баранкова Г. С. Палеографическое описание и языковые особенности публикуемой рукописи // Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. Г. С. Баранкова. М., 1998.
4. Кандаурова Т. Н. О случаях параллельного употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в памятниках XI–XIV вв. // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 140–153.
5. Крысько В. Б. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Крысько В. Б. Очерки по истории русского языка. М., 2007.
6. Миндос Ф. Р. Рефлексы прасл. *CeC в восточнославянских языках // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 198–203.

О языке и стиле сочинений инока Авраамия

Т. В. Кортова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 rki.mgu.uchebnik@mail.ru

Инок Авраамий, сочинения, язык и стиль, раннее старообрядчество

Summary. The present report is devoted to the linguistic & stylistic description of monk Avraamii's writings, who was one of the outstanding figures of Old Orthodox Church. Monk Avraamii manifested himself not only as the Avvakum's follower, but also as a well-educated original writer & poet.

В славной когорте «страдальцев за вѣру Христову» периода раннего старообрядчества видное место занимает инок Авраамий (в миру — Афanasий). Человек широко образованный, поэтически одаренный, он добровольно принял на себя духовный подвиг юродства для борьбы с теми, кто «воистину объюродеша».

Авраамий — любимый ученик, земляк и духовный сын протопопа Аввакума. С августа 1667 г. Авраамий занимался систематизацией сочинений старообрядцев. Главным его произведением является «Христианопасный щит вѣры против еретического ополчения» — компилятивный сборник с двумя стихотворными «пристижениями» собственного сочинениями. «Вирши к читателю» обнаруживают яркий, оригинальный талант силлаботонического стихотворца.

Перу Авраамия принадлежит несколько самостоятельных сочинений: «Вопрос и ответ», пространная Челобитная и два послания (предположительно боярыне Морозовой). Все сочинения объединены общим сюжетом — описанием допроса Авраамия, но, с точки зрения, стиля они совершенно не похожи.

Особенности речевого поведения инока определяются адресатом и желанием автора создать определенный автопортрет (прежде всего, для себя). «Вопрос и ответ» фиксирует запись «с голоса» диалогической речи, что представляло значительный интерес для историков языка.

Послание против справщиков Печатного двора содержательно созвучно челобитной Саввы Романова, но эмоциональный накал значительно выше. Авраамий был изрядным буквалистом. Горячо протестуя против исключения одних букв и прибавления других, Авраамий убеждает, что «едина литера весь миръ убиваетъ».

Высокая степень обличительного запала, смелое вкрапление элементов живого разговорного языка в письменный язык, следование средневековой традиции самоуничужения и юродства, насмешка над собой — все это характеризует Авраамия как последователя аввакумовской традиции «вяканья».

Стиль сочинений Авраамия выделяет в нем оригинального философа, язык которого отличает меткость и афористичность. В описании собственных страданий Авраамий тяготеет к летописному стилю, активно используя обороты «дательный самостоятельный», формы двойственного числа, претериты и перфекты, которых не было в живом языке к моменту появления письменности.

В 1672 г. «неутомимый обличник» и «тщательный пастырь словесных овец» инок Авраамий с достоинством и смирением принял мученическую смерть за веру на костре, оставив историкам русского языка богатое текстовое наследство.

Из истории глаголов с праславянским корнем *-ę- / *-jъm-

Т. А. Крепких, О. Л. Рюмина

Таганрогский государственный педагогический институт
 andrew.box@mail.ru

Семантика, варианты корня, морфемное членение, словообразование

Summary. Some various changes in verbs with the etymological root *-ę- / *-jъm- are considered in this paper.

В праславянском языке корень *-ę- / *-jъm- объединял глаголы *ęti, *jъmati, *jъmēti. Глагол *ęti, *jъmъ (и.-е. корень *em-) имел исконное значение «брать, взять», что подтверждается соответствиями из таких и.-е. языков, как, напр., лат. — ēmō, emere «покупать», (стар.) «принимать», лит. — imū, imti «брать», а также фактами старославянского языка:

ѡти, имѡ, имѡши (сов.) «взять, схватить» [5, т. 6: 4]. Глагол *jъmati, образованный на базе презентных форм *ęti — *jъmъ, *jъmēš'ī, являлся итеративом к последнему и выступал, как и *ęti, со значением активного действия — «хватать, ловить, собирать». Глагол *jъmēti обозначал состояние обладания чем-, кем-л. — «иметь, владеть».

В исторический период развития русского языка в названной группе глаголов осуществились различного рода преобразования.

Семантическая структура глагола *яти*, *иму* (< *eti — *jьmъ) в древнерусском языке усложняется. Будучи широко употребительным, глагол, расширяя сочетаемость с другими лексемами, приобретает новые значения, в том числе переносные. Древнерусские памятники письменности фиксируют значительное количество ЛСВ данной лексической единицы: «взять», «схватить», «прикоснуться», «поймать, наловить», «привести» и др.; перен. «достигнуть, прийти» (*домы своя яша*), «овладеть» (*дрожь иметь*), «пересиливать, портить» (*камня ничто не иметь*) и др. Менее объемную семантическую парадигму имеют в древнерусском языке глаголы *имати* (*емлю и имаю*) и *имѣти* (*имаю и имѣю*). У первого, наряду с исконными значениями (см. выше), развиваются: «получать, приобретать что-л. в собственность», «взимать в качестве платы»; перен. «привлекать, приглашать кого-л.» (*да имать инѣхъ свѣдителя*), «содержать, заключать в себе» (*мѣсь апрѣл имаетъ дни ѿл*); у второго — в основном переносные: «держат что-л. в каком-л. состоянии» (*долу очи имѣти. а дѣю горѣ*), «испытывать неприязнь, быть против» (*братъ твои нѣчто имать на та*) и др.

Уже в праславянском языке от глаголов *eti и *jьmati возможны были приставочные образования, о чем свидетельствуют лексикографические данные, напр.: праслав. *jьzeti, *jьzimati, ст.-сл. **вѣзати**, **вѣзимати**; **заяти**, **занмати**; **пояти**, **поимати** и др. [5, т. 9: 4]. После приставок *въп-, *съп-, вследствие переразложения, в праславянском языке возникли варианты корня -пѣ-, -nim- с начальным *n*; напр.: *въп — eti > въ — pѣti, *въп — imati > въ — nimati; ст.-сл. **вѣнати**, **вѣнимати**; **сънати**, **сънимати**. Варианты корневой морфемы с *n* после приставок *въ-*, *съ-* обнаруживаются и в древнерусском языке. По аналогии с *вѣнати*, *сънати* и в начале корня появляется в древнерусском языке после других приставок: *прѣяти* и *прѣнати*, *приимати* и *принимати*, *уняти* и *уняти*, *подѣяти* и *подѣнати* и др. (ср. в ст.-сл. языке *n* в корне после других приставок отсутствует; напр., **вѣнати**, **сънати**, но **заяти**, **наяти**, **обати**, **огати**, **подѣяти** и др.). Интересно, что из образований типа *вѣнати*, *сънати*, *подѣнати*, *уняти* вычленился глагол *нати* (с тем же объемом значений, что и в *яти*), фиксируемый древнерусскими и старорусскими памятниками письменности, а также представленный в современных русских говорах, в укр. и блр. языках.

В старорусский период, при сохранении более древнего вида глаголов (без *n* в корне), все большее распространение получают образования с корневым *n*; в СлРЯ XI–XVII вв.: *заяти* и *заняти*, *наяти* и *наняти*, *перяяти* и *переняти*, *обѣяти* и *обнати*, *выяти* и *вынати* (впоследствии *вынуть* под влиянием глаголов на *-нуть* типа *двинуть*), *изъяти* и *изнати*, *вѣзати* и *взнати* и др. Причем в одних парах компоненты без *n* и с *n* были семантически тождественными (напр., *наяти* и *наняти*, *перяяти* и *переняти*), в других парах полного семантического тождества не наблюдалось (напр., *заяти* и *заняти*, *поимати* и *поимати*, *обѣяти* и *обнати*).

В дальнейшем образования без корневого *n* вытесняются образованиями с *n*, в чем проявилась тенденция к достижению единого вида корня в инфинитивах.

В современном русском языке из форм инфинитива с корневым *n* и без него закрепляется, как правило, одна — с *n*: *занять*, *нанять*, *перенять*, *унять* и др.; после *вз-*, *из-* — без

н: *взять*, *изъять*. В отдельных случаях сохранились пары: *обнати* и *обѣяти*, *отнати* и *отѣяти*, *разнати* и *разѣяти*, *воспрѣнати* и *воспрѣяти*, *поднати* и *подѣяти*, *прѣнати* и *прѣяти* — при наличии или отсутствии внутри пар некоторой семантической и стилиевой дифференциации.

Представляет интерес история формирования отдельных видовых пар. В процессе развития русского языка в паре *понять* — *понимать* утрачиваются древние значения «взять, получить в свое распоряжение», «взять в жены», «привести, принять», «затоплять водой» и др., развивается современное значение «осознать / осознавать». Из компонентов пары *поять* — *поимать* в языке остается только форма несовершенного вида, которая, испытав фонетическое преобразование и упрощение семантической структуры, стала членом супплетивной видовой оппозиции *ловить* — *поймать*. В видовой паре *взять*–*взимать* произошло семантическое расхождение коррелятов: глагол *взять*, вытеснивший *яти*, составил видовую пару с *братъ*, заменившим *имати*; глагол *взимать* оказался вне видовой противопоставления.

Глагол *иметь* сохранил в русском языке исконное значение. В старославянском и древнерусском языках префиксальные производные этого глагола не представлены, они появляются позднее. СлРЯ XI–XVII вв. фиксирует только *заимѣти*. Отмечаемый словарями совр. рус. яз. *возыметь* (книжн.) не входит в видовую корреляцию.

С исчезновением глаголов *яти* и *имати* исторически полноценный корень *-я-* / *-ня-* / *-им-* / *-ним-* становится связанным (превращается, по терминологии Е. А. Земской, в радикоид). Основную функцию выражения лексического значения целого ряда производных от *яти* берут на себя приставки (ср. *прѣнати*, *отнати*, *поднати* и под.).

На проблему членения основ с названным корнем нет единого взгляда. По мнению Е. А. Земской, степень членности основ рассматриваемых глаголов различна и зависит от того, каков характер семантики глагола и насколько отчетливо выражено в нем значение приставки. «Лучше членятся слова со связанными корнями, имеющие конкретные значения. Слова с отвлеченными значениями легче подвергаются процессу опрощения и утрачивают членность (ср.: *от-нати*, *раз-нати* и *понати*, *внати*)» [1: 53].

В современном русском языке обнаруживается значительное по объему (более 700 единиц) этимологическое гнездо слов, восходящих к праславянским глаголам *eti, *jьmati, *jьmѣti. Историческая корневая морфема вследствие различных фонетических процессов приобрела следующий вид: *-ня-* / *-ним-* / *-я-* / *-им-* / *-ым-* / *-ем-* / *-ѣм-* / *-емл'-* / *-йм-* / *-л-*. Названные морфы существуют либо самостоятельно, либо (чаще) в составе морфов (> морфем), возникших в результате опрощения; напр.: *прѣнати* — *принимати* — *приѣм* — *гостеприимный* — *приемлемый* — *непрѣятие* — *примак* (диал.). С позиций современных семантических связей слов данное ЭГ членится на большое количество гнезд, вершинами которых являются по преимуществу глаголы, являющиеся производными древних *яти* и *имати*.

Литература

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1999.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–.

Лингвистический аспект студийско-алексиевской литургической реформы на Руси в XI в.: кондак в древнерусской и древнеболгарской традиции

Р. Н. Кривко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

rkrivko@yandex.ru, roman.krivko@gmail.com

История русского языка, язык древних славянских богослужебных переводов

Summary. The paper aims at establishing the principles of the linguistic and stylistic revision of the Old Bulgarian translated Kontakia in Rus'. There were two types of Kontakia translations in the Bulgarian hymnography: those which preserve the isosyllabic structure of the Greek texts and consequently paraphrase and transform their syntax, and those, which attest the "word-by-word" translation. Old Russian version of the hymnographic books contains only the second type.

Во время литургической реформы на Руси во второй трети XI в. проводилось редактирование корпуса богослужеб-

ных книг в соответствии с требованиями Устава патриарха Алексия Студита. Др.-р. студийско-алексиевская редакция

богослужебных текстов образовалась в том числе благодаря сверке более ранних др.-болг. переводов с греч. оригиналами. *Отбор и редактирование древнеболгарского гимнографического материала проводился на Руси также с учетом синтаксических и поэтико-стилистических особенностей переводов, выполненных в Болгарии в течение десятого века.*

В ю.-слав. традиции XIII–XIV вв., сохраняющей др.-болг. пласт, имеются две группы переводов кондаков: первая содержит так называемый «пословный перевод», ориентированный на точное воспроизведение синтаксических и морфологических особенностей оригиналов, вторая, представленная единичными случаями, отражает «перифрастический» перевод, ориентированный на трансформацию синтаксических конструкций оригинала и допускающий изменения в его лексике и содержании. «Перифрастический» перевод сохраняет изосиллабическую структуру оригинала. Студийско-алексиевская редакция кондаков содержит только «пословный перевод». «Перифрастическим» переводам в др.-р. традиции соответствуют заново выполненные пословные переводы, вопрос о месте появления которых остается открытым. В качестве иллюстрации ниже публикуются два перевода кондака равноап. Елене. Др.-р. версия воспроизводится по: Der altrussische Kondakar'. [Teil] 3. Giessen, 1980. S. 46, 48; разночтения приводятся по служебной Минее на май РНБ, Соф. 203 (XII в.). Др.-болг. перифрастический перевод публикуется на основе ю.-слав. рукописей XIV в.: служебной «Добриановой Минее» (собр. афонского монастыря Зограф, № 54 — рукопись изучалась сначала по микрофильму, а затем по фотокопии, предоставленной «Resource Center for Medieval Slavic Studies — Hilandar Research Library [The Ohio State University, Columbus, Ohio]») и праздничной Минее РНБ, Ф п. I 72.

Древнерусская версия:

кѡ гла ѡ г ѡ двѣ днѣ.

Елена любѣвию нѣнѣ христово древо ꙗвлаетъ и то славное кръстѣное знамение всѣх иудѣа събравъши; и единѣ во Июда се принесе на съгъ ради ꙗвисѣа знамение велие прѣвѣвѣнѣи во гѣ.

Похваляиѣ нѣнѣ ꙗцо всѣх прѣвѣвѣнѣи ии слово проповѣдающе „на кедрѣ и на пегги и на кѣпарисѣ“; любѣвию того въслѣдовала иеть и всѣх ѡгънѣна иеть иудѣа оустрашаща, показа людымъ велико<е> оправдание съкръвеное зависти ради иудѣискѣпа [нѣнѣ] прѣже; се показа [и]. се го ради всѣхъ повѣда ꙗвисѣа <лѣ> ѡ знамение велие прѣвѣвѣнѣи вѣ <~>

Разночтения по Соф. 203, л. 99

нѣнѣ: нѣнѣ [и]; *нет* пегги: пегги [иудѣа: иудѣа] оустрашаща: оустрага / юца [показа: показа] велико оправдание: великоу правдание [так!]; нѣнѣ: нѣнѣ [рефрен не читается, край листа утрачен]

Южнославянская версия:

Зограф. 54, л. 176 об.

кѡ ѡ гла ѡ г ѡ двѣ днѣ <

Елено желяѣци и рвенѣ / жѣци сѣцаго ѡ прѣславнаго крѣта знамение всѣх и / юдѣхъ събвирѣѣци ѡ единѣ вѣо иудѣа се го принесе ѡ / на во ради ꙗвисѣа знамение велико ѡ вѣвѣнаго хѣ : ѡ~ /

Разночтения по Ф п. I 72, л. 193 об.

прѣславнаго: прѣславнаго [вѣвѣнаго: прѣвѣвѣнаго ико < /

Вѣспоимѣ нѣнѣ ꙗцо всѣхъ иѣже прѣвѣвѣнѣи глѣсѣ възыска / жѣци ѡ на кѣпарисѣ и на пегги кедрѣ ѡ хотѣнѣнѣнѣ се / го

възыскавши ѡ всѣхъ ꙗвлѣѣци ѡ ꙗвити хотѣнѣнѣи / людымъ ѡ великѣ правѣжъ скръвѣнѣжъ ѡ зависти ради иудѣ / искѣхъ се го [так!] ꙗви всѣхъ ѡ того ради всѣхъ побно си / це ꙗвисѣа ѡ знамение велико прѣвѣвѣнаго кѣ : ѡ~ /

Разночтения по Ф п. I 72, л. 194:

се го: се го [того ради: се го во ради]

Реконструкция др.-болг. версии первой строфы (цифры указывают количество слогов):

*Елена, желяѣци | и рвенѣнѣнѣ сѣцаго, 15 (7+8 / 9), греч. 15 (7+8) // прѣславнаго кръста | знамение [ꙗвлаетъ], 15 (7+8), греч. 15 (7+8) / всѣхъ иудѣа [или всѣхъ иудѣи] | събвирѣѣци, 11 / 12 (6 / 7+5), греч. 13 / 12 (8 / 7+5) // единѣ оубо иудѣа | се го принесе, 13 (8+5), греч. 13 (8+5) // насъ во ради ꙗвисѣа 8, греч. 8 // знамение велико | вѣвѣнаго хръста. 13 (7+6), греч. 10 / 11 / 12 (5 / 4+7 / 6)

ἦχος γ', πρὸς Ἡ παρθένος σήμερον.

Ἡ Ἐλένη πόθῳ νῦν * Χριστοῦ τὸ ξύλον ἐμφαίνει / καὶ αὐτὸ τὸ ἐνδοξὸν τὸ * τοῦ σταυροῦ νῦν σημεῖον / ἅπαντας τοὺς Ἰουδαίους * συναγαγοῦσα / μόνος γὰρ ὁ Ἰούδας * τοῦτο προσάγει / δι' ἡμᾶς γὰρ ἀνεδείχθη / σημεῖον μέγα * τοῦ πρὸ αἰῶνων Θεοῦ.

¹ Ἀνυμνήσωμεν οὖν * τὴν βασιλίδα ἅπαντες / ² τοῦ προφήτου αὐτῆ * λόγους ἀναζητήσασα / ³ ἐν κέδρῳ καὶ πεύκῃ * καὶ ἐν κυπαρίσσῳ / ⁴ τῷ πόθῳ τούτου * ἐξηκολούθησε * καὶ πάντας ἀπέδειξε / ⁵ τοὺς Ἰουδαίους * παρασκευάζοντας / ⁶ δεῖξα τοῖς λαοῖς * μέγα δίκαιωμα / ⁷ τὸ κεκρυμμένον * διὰ τὸν φθόνον / ⁸ τῶν Ἰουδαίων [μὲν — конъектура: частица μὲν необходима по метрическим соображениям (см. разночтения)] τὸ πρῖν, * τοῦτο ἀνέδειξεν αὐτῆ / ⁹ διὰ τοῦτο τοῖς πᾶσιν * νικητήριον [νῦν — конъектура: наречие νῦν необходимо по метрическим соображениям (см. разночтения)] ὄφθη / ¹⁰ σημεῖον μέγα * τοῦ πρὸ αἰῶνων Θεοῦ

Разночтения по: Кондакарий... Труд архимандрита Амфилохия. М., 1879. Т. I. С. 118.

¹ ἀνυμνήσωμεν: др.-р. похваляиѣ к вар. *εὐφημήσωμεν? οὖν: ὄν] ² ἀναζητήσασα: ἀναζητησάμενοι (вариант: др.-р. проповѣдающе к вар. *ἀνακηρύττοντες?) αὐτῆ: αὐτῆ <так в изд. — Р. К.>] ³ ἐν κέδρῳ καὶ πεύκῃ καὶ ἐν κυπαρίσσῳ: ἐν πεύκῃ καὶ κέδρῳ καὶ τῇ κυπαρίσσῳ] ⁴ τούτου: *нет*] ⁵ ἐξηκολούθησε: ἐξηκολούθησαν] ⁵ παρασκευάζοντας: παρασκευάσασα] ⁸ Ἰουδαίων: *доб* μὲν] ⁹ τοῦτο ἀνέδειξεν αὐτῆ: τούτου ἀνέδειξεν αὐτῆ] ⁹ νικητήριον: *доб* νῦν]

В ю.-слав. версии кондака отмечаются явления: 1) передача личных аористных форм оригинала неличными презентными; 2) двойной перевод субстантивной формы оригинала причастными; 3) замена *praesens historicum* слав. аористом; 4) перевод бессоюзной сочинительной конструкции сложноподчиненным предложением с местоименно-атрибутивным придаточным, осложненным конструкцией *иже + причастие*, также не зависящей от греч. текста; 5) перевод имени Христос славянским *сын*; 6) устранение историко-агиографической аллюзии (τὸ τοῦ σταυροῦ... σημεῖον — табличка с аббревиатурой «Иисус Назарянин, Царь иудейский»). Отступления от оригинала, отмечающиеся в древнерусской версии, мотивированы иными причинами, что подтверждает сделанное выше наблюдение о лингво-стилистическом отборе древнеболгарского гимнографического наследия на Руси.

Охламон. Что в основе: греческий или русский язык?

Л. Е. Кругликова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

lekhospb@mail.ru

История языка, этимология, русский язык, греческий язык

Summary. The report is devoted consideration of etymology of a noun *охламон*.

Общеизвестно, что классические языки служили одним из основных источников заимствования слов и словообразовательных элементов как для русского, так и для других языков. Тесное переплетение греческого и русского языка мы покажем на примере одного слова.

В современном русском языке для характеристики несерьезного, легкомысленного, недисциплинированного, час-

то недалекого человека широко употребляется существительное *охламон*.

Данное слово фиксируется в лексикографических источниках довольно-таки поздно. Впервые оно отмечено в [2]: «(прост. бран.) Глупец и бездельник». [3] фиксирует двойное написание: *охламон* и *охламон*. Разное написание находим в Интернете, причем написания с *a* более чем в пять раз

превосходят написания с *o*. Колебания написания при вхождении слова в язык вполне закономерны, но в данном случае они несут еще и смысловую нагрузку, отражают историю слова.

Если обратиться к произведениям 20–30-х годов XX века, то в них наблюдается употребление данного слова с *o*, что свидетельствует о родстве существительного *охломон* с лексемой *охлократия*, заимствованной из греческого языка. Греческое *ὄχλο-κρατία* ‘господство черни’ представляет собой сложное слово, состоящее из двух частей: *ὄχλος* ‘чернь, народ, толпа’ и *κράτος* ‘сила, власть, могущество’. Ср. *δημο-κρατία* ‘народное правление, демократия’, где первая часть *δήμος* имеет аналогичное значение ‘народ’. В Греции под демократией понималась власть полноправных граждан (к коим не относились рабы, вольноотпущенники, варвары-инородцы, свободнорожденные юноши до их совершеннолетия, а также любой полноправный гражданин, живший не в своем полисе). Охлократия действует в интересах другой части общества — социальных низов.

В [4, т. II: 1025] дается следующее определение существительному *охлократия*: «Господство толпы, низших, немощных классов (термин Аристотеля, вошедший впоследствии в обиход буржуазного языка)» [выделено нами. — Л. К.]. Уничжительный оттенок, который имеет данный термин, отражает соответствующее отношение людей, ранее принадлежавших к привилегированным сословиям, к народу, пришедшему к власти: «Славная революция» февраля оказалась всего-навсего историческим прологом «великого бунта» масс, которые были презрительно окрещены «охломом», «чернью» [Социалистическая реконструкция и наука. 1932. VIII. 3]. Взятие власти пролетариатом в нашей стране вызвало в свое время неистовство врагов. Но «чума», «чернь», «охлос» <...> наголову разбили врага, научившись воевать [Н. Бухарин. Известия ЦИК. 1 мая 1933]. Для обозначения единичного представителя охлоса стали употреблять не закрепившееся в языке существительное *охлосина* (— Да ты что читаешь-то?.. Охлосина! Совсем с ума спятил... [Лукашин. Город Переплюй]) и прочно вошедшее в обиход слово *охломон*, вторая часть которого служит для обозначения человека (индоевропейский корень *men / *mon).

О том, что интересующее нас слово появилось недавно, свидетельствует следующий диалог из пьесы Б. Ромашова «Бойцы» (1932–1933 гг.) между 75-летним академиком и его 18-летней внучкой, которая пошла работать на завод: [Галочка:] *Открыть тебе секрет? А ты мне совет дашь... Юру знаешь?* [Игнатий Петрович:] *Блондин с голубыми петлицами. Лётчик?* [Галочка:] *Хороший парень. Полгода дружим. Любит меня, ревнует, если с охломоном как-нибудь встретит.* [Игнатий Петрович:] *Охломон... Насекомое или рыба?* [Галочка:] *У нас так ребят зовут...* Можно предположить, что слово *охломон* появилось в молодежной интеллигентской среде и использовалось по отношению к невежественным выходцам из народа, пришедшим после 1917 года к власти. О том, что данное существительное возникло недавно, причем пришло не из народной речи, как на

первый взгляд может показаться, говорит и найденный нами в [1] следующий отрывок из «Литературной газеты» (1932. № 8), где речь идет о романе Б. А. Пильняка (1894–1938) «Волга впадает в Каспийское море»: *Охломоны — словечко-то какое придумано особенное! — бывшие красноармейцы, рабочие, есть среди них и крестьяне. Руководитель охломонов — Ожегов. Он «юродивый советской Руси, справедливости ради, мирская коломенская совесть, молец за коммунизм»: «Он говорил пламенные речи о коммунизме, сумасшедшие слова, и на базарах многие плакали от его речей». В своем подzemелье охломоны «установили строжайший коммунизм». Затем эти сумасшедшие пошли работать на строительство, утверждая, что «идея строительства их идея».*

Перерастанию социальной характеристики в общечеловеческую способствовал не только уничижительный смысл, изначально заключенный в слове *охломон*, но и то, кем потом стали некоторые представители новой власти, о чем хорошо написано, например, в повести Б. А. Пильняка «Красное дерево» (1929), в фельетоне А. Т. Аверченко «Усадьба и городская квартира» из сборника фельетонов «Дюжина ножей в спину революции» (1921).

Не случайно слово *охломон* толкуется Н. Заболоцким в 1922 году как ‘оборванец’ [1]. Подспудно связь с социальной характеристикой человека ощущается тогда, когда слово *охломон* используется для характеристики людей плохой одежды или же некультурных, невежественных. Ср. с толкованием существительного *охломон* в [5] — ‘неопрятный, неряшливый человек, небрежно одетый’ [5, 1988: 71] и со сравнением как *охломон* ‘о неопрятном человеке’, ‘о рассеянном человеке’, данным в том же словаре [5, 1986: 12].

Выветривание изначальной семантики слова *охломон* было настолько сильным, что стало возможным не только использование данного существительного как бранного по отношению к людям независимо от их социальной принадлежности, но и как характеризующего наименования животного, а также в арго преступников для обозначения человека, не принадлежащего к преступному миру, или же случайного человека, задержанного на месте преступления. Результатом явилось то, что народная этимология стала связывать лексему *охломон* со словом *хлам* ‘негодные старые вещи; старье, рухлядь’, ‘перен. что-л. бесполезное, ненужное, засоряющее ум и душу человека’, что привело к изменению написания данного слова и, как следствие, к затемнению истинной внутренней формы слова.

Литература

1. Большая словарная картотека (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН).
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 9-е, испр. и доп. М., 1972.
3. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1995.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
5. Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991.

Немецкие имена в договоре смоленского князя Мстислава Давыдовича 1229 г.

А. М. Кузнецов

Даугавпилсский университет (Латвия)

anatolijs.kuznecovs@du.lv

Имя собственное, смоленские грамоты, орфография

Summary. Spelling of German names in the treaties dated from Smolensk, 1229th year (copies E and A) shows that scribes grasped the names by ear, therefore orthography is different in these copies. No German or Latin text was composed before translating in Russian.

В научной литературе высказывались различные точки зрения на то, как создавался текст рижской и готландской редакций Договора смоленского кн. Мстислава Давыдовича с Ригой и Готландом 1229 г.: является ли он оригинальным русским, или представляет собой перевод. При этом считается, что список E переводился с латинского языка, а список A — с немецкого. Эти выводы отчасти справедливы лишь для преамбулы и заключительной части договора, основной же текст изначально составлен был на древнерусском языке. Признавая переводный характер начальной и конечной части текста, мы, тем не менее, должны задуматься над тем, как

осуществлялся перевод: был ли перед глазами писца письменно составленный текст на иностранном языке и он сам осуществлял перевод, или текст создавался устно на иностранном языке и тут же устно переводился и записывался?

Для решения этого вопроса достаточно анализа орфографии иностранных имен в преамбуле и эсхатоколе документов. Дело в том, что набор имен оказывается одинаковым, но их передача по-древнерусски оказывается разной в сп. E и в сп. A:

- 1) *кн(С)ль альбрахть* E 4 — *альбрахть . влд́ка ризкий* A 2–3;
- 2) *роульфъ . ис кашла* E 8–9 — *Ролфо . ис кашела* A 7;

- 3) *фолкоунъ* Е 316 — *вълквинъ* А 14 об.;
- 4) *при ксп(с)пль... николай* и *при попъ иванъ* 416 — *подъ пискоупомъ ризкимъ* .: *провствъ . аганъ* 14 об.;
- 5) *регемъ. бодъ . тетартъ . адамъ* Е 446 — *регньбодъ . дѣтартъ . адамъ* А 15 об.;
- 6) *мѣмбѣрь . верѣдрикъ . доумомъ* Е 456 — *мѣмбернь . вредрикъ доумбъ* А 17 об. (*фредрикъ* сп. С 68);
- 7) *андрикъ . готъ . илнеръ... изъ жюжа . жата* Е 466 — *гиндрикъ готъ . илдигръ... исъ жата* А 17 об. (*индрикъ* сп. С 68);
- 8) *кондрать кривии . еганъ . киноть... изъ моуньстѣра* Е 476 — *конрять шхель . удѣ аганъ кинть... изъ мюньстѣра* А 17–18 об. (*кондрать шхель . удѣ аганъ кинть* сп. В 39–40с; *кондрать шхель оде аганте кентить* сп. С 69);
- 9) *берникъ . и фолкыръ... изъ гроули* Е 476 — *бернаръ . удѣ вълкеръ... изъ грюнигъ* А 18 об.;
- 10) *арѣмъ. брахтъ . и альбрахтъ... изъ дротмины* Е 48–49б — *жермбръхтъ . удѣ албрахтъ... изъ дортмьна* А 19 об.;
- 11) *индрикъ чижикъ... изъ брамъ* Е 49б — *гиндрикъ цижикъ изъ бремя* А 19 об.;
- 12) *альбрахъ слоукъ . бернаръ . вальтѣрь албѣрь* Е 49–50б — *албрахъ слоукъ . бернаръ . удѣ вальтѣрь . удѣ албрахъ* А 19–20 об.

Судя по пунктам 7, 8 и 10 составитель (писец) сп. Е плохо разбирался в немецких именах и имена одного человека принимал за два (ср. у него написание имени *арѣмъ. брахтъ* даже с точкой внутри имени), а далее в пунктах 9 и 11, где

речь идет о двух представителях, заканчивал перечисление одной и той же фразой независимо от количества: *тО же ссуть Оз*. Гораздо точнее указания даны в сп. А, что говорит о том, что составитель был внимательней и уточнял имена и их количество у переводчика, или личное участие в заключении договора избавило его от ошибок.

Составитель сп. Е, указывая сан, имя или прозвище, подвергает их русификации: *ксп(с)пль, при попъ иванъ, кондрать кривии, индрикъ чижикъ*, в то время как писец сп. А сохраняет немецкие формы, включая даже союз *удѣ*. Уже эти факты говорят о том, что составитель готландской редакции находился в непосредственном контакте с немецкой стороной, а времени на обработку текста у него было не так много. Писцы обоих документов воспринимали и записывали имена представителей западной стороны со слуха. Об этом говорят вариатные формы одного и того же имени: *альбрахтъ* (п. 1, 10), *альбрахъ, албѣрь* (п. 12) в сп. Е — в сп. А везде *альбрахтъ; арѣмъ. брахтъ, жермбръхтъ* (п. 10); *еганъ* Е (п. 8), *аганъ* А (п. 4), *аганъ* А (п. 8). Возможно, что представители немецкой стороны в силу различного произношения сами давали повод фиксировать имена в различных вариантах: *роульфъ — Ролфо* (п. 2); *фолкоунъ — вълквинъ* (п. 3). Отмечая большую точность и последовательность в передаче имен у писца списка А, мы тем не менее должны признать, что ни тот, ни другой писец не имел перед собой письменного документа на латинском или немецком языке, который помог бы транслитерации имен. На это же указывают и варианты передачи названий городов в обоих документах.

Практикум по курсу «История русского литературного языка» (XI–XVII вв.)

Е. А. Кузьмина, Н. В. Николенкова, Т. В. Пентковская

филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова

elenk2002@mail.ru, natanik2004@mail.ru, pentkovskaia@gmail.com

История русского литературного языка

Курс «История русского литературного языка» является завершающим курсом в цикле историко-лингвистических дисциплин, изучаемых на филологических факультетах. Однако, в отличие от старославянского языка или исторической грамматики русского языка, история русского литературного языка как научная и учебная дисциплина во многом еще не обрела содержательной определенности. Расхождения в понимании предмета и проблематики курса демонстрируют как вышедшие в последнее время монографии и учебные пособия [1], [2], [4], так и альтернативные учебные программы [3].

Разработанный на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова практикум по курсу «История русского литературного языка» (XI–XVII вв.) не ограничивает учащихся рамками какой-либо одной концепции, а, стимулируя исследовательские навыки и развивая лингвистическое мышление, предоставляет возможности для творческого освоения данного курса.

Входящие в практикум задания и упражнения направлены на отработку практических навыков лингвистического анализа, т. е. на овладение техникой и искусство *филологического прочтения древнего текста* — основного источника наших сведений об изменяющемся языке. Их последовательное выполнение призвано сформировать у студента представление о ключевых этапах развития литературного языка Древней Руси. В соответствии с этой задачей практикум, материал которого организован в форме рабочей тетради, состоит из следующих разделов: орфоэпическая норма, орфографическая норма, морфологическая норма, синтаксическая норма церковнославянского языка русского извода (XI–XIV вв.), второе южнославянское влияние, церковнославянский язык в Московской и Юго-Западной Руси в XV–XVI вв., церковнославянский язык в Московской Руси XVII в.

Наряду с заданиями традиционного типа, предполагающими определение показателей нормы русского извода церковнославянского языка, практикум содержит задания, не имеющие аналогов в существующей учебно-методической литературе, как, например, установление параметров болгарского и сербского изводов церковнославянского языка, выявление состава графико-орфографических признаков

второго южнославянского влияния, реконструкция принципов нормализации церковнославянского языка в первых орфографических и грамматических руководствах, основных направлений книжной справы, механизмов перевода с греческого и латинского языков и др. Значительная часть упражнений составлена таким образом, чтобы учащиеся пытались решать посильные им исследовательские задачи и тем самым самостоятельно получать новые сведения и делать аргументированные выводы из практического анализа языковых явлений. Во всех заданиях, основанных на материале важнейших памятников церковнославянского языка разных изводов, текст рукописных и старопечатных источников воспроизведен с максимальным сохранением графико-орфографических и пунктуационных особенностей.

Некоторые задания, включенные в практикум, в интерактивном виде вошли в мультимедийный учебный модуль «Палеославистика» лингвокультурологического тезауруса «Гуманитарная Россия», созданного на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова под научной редакцией М. Л. Ремнёвой: www.philol.msu.ru/~tezaurus/. Там же представлены и теоретические сведения по ключевым темам курса «История русского литературного языка» (XI–XVII вв.); словарь терминов; словари старославянского, церковнославянского и древнерусского языков, обращение к которым поможет при выполнении практических заданий и при самостоятельном чтении и анализе памятников славянской письменности; описание рукописных и старопечатных источников, языковой материал которых положен в основу упражнений практикума; каталог персоналий, содержащий сведения о наиболее значительных книжниках, переводчиках, справщиках, редакторах XI–XVII вв.

Практикум включает ответы и ключи к заданиям, поэтому может быть использован как на практических занятиях по курсу истории русского литературного языка XI–XVII вв., так и при самостоятельном изучении материала.

«Практикум» предназначен как для студентов-специалистов и бакалавров, так и для магистрантов филологических факультетов, обучающихся по направлениям «Палеославистика», «Русский язык и его история», «Византистика и неозланистика».

Литература

1. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века. М., 2005.
2. Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.

3. Русский язык и его история: Программы кафедры русского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 188–208, 214–236.
4. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Эволюция научных взглядов на усеченные прилагательные

А. С. Кулева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

an_kuleva@mail.ru

Усеченные прилагательные, грамматические архаизмы, поэтический язык, поэтическая грамматика

Summary. Evolution of sights at the clipped forms of adjectives can be presented as a way from their identification with short-form adjectives at first to full differentiation of the clipped and short-form adjectives. These forms are considered as artificial forms of full adjectives with which they are united by the attributive use. This evolution was reflected in scientific literature of XVIII–XX centuries.

Усеченные прилагательные известны как характерная черта поэзии XVIII в. (*Поля покрыла мрачна ночь; Несчетны солнца там горят* и т. п.). Анализ поэтических текстов XVII — начала XXI в. показывает, что подобные формы встречаются в языке русской поэзии на протяжении всей ее истории.

Анализ существующей научной литературы, в которой затрагивается вопрос об усеченных прилагательных, показывает фактическое отсутствие единой точки зрения на проблему происхождения этих форм, определения их места в системе имени прилагательного, их функционирования в поэтическом языке.

Эволюция взглядов на усеченные формы прилагательных может быть представлена как путь от отождествления их с именными прилагательными сначала к оценке усечений как естественных языковых средств, употребляемых преимущественно в поэтической речи, а затем к полному разграничению усеченных и кратких прилагательных и осознанию усеченных прилагательных искусственно созданными формами полных прилагательных, с которыми их объединяет атрибутивное употребление. Эта эволюция отразилась в научной литературе XVIII–XX вв., в том числе в грамматиках русского языка, которые следует считать наиболее авторитетными и фундаментальными исследованиями.

Г. О. Винокур отмечал, что теоретики XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский) отождествляли краткие и усеченные формы, а атрибутивное употребление усеченных форм (то есть кратких форм вообще) считали принадлежностью «словенского» языка [4: 248–251]. Термин «усеченные прилагательные» по отношению к кратким (именным) формам встречается в грамматике Мелетия Смотрицкого [7], «Российской грамматике» Барсова [13], филологических трудах Тредиаковского и Ломоносова (например: [10: 462, 550]).

Можно предположить, что исторически неверная точка зрения на происхождение полных и кратких прилагательных и соответствующая терминология были заимствованы русскими грамматистами из славянских грамматик. Это очень важно, поскольку в церковнославянском языке вплоть до нашего времени именные прилагательные склоняются и употребляются в функции как предиката, так и определения, тогда как в русском литературном языке уже в начале XVIII в. краткие формы в роли определения были хотя и органичным, но все же несомненным анахронизмом. Утверждение реалистических тенденций в литературе повлияло на усиление негативной оценки усеченных прилагательных [9: 35]. Однако термин в старом значении продолжал использоваться.

Терминология по отношению к формам прилагательного менялась постепенно. Так, А. Х. Востоков писал: «Прилагательные так называемые усеченные, которые я называю простыми, несложными с личным местоимением, склонялись в древнем языке одинаково с существительными». Можно отметить, что термин со временем стал противоречить своему содержанию: «Из сих простых или усеченных причастий делались сложные, или полные, приставкою личного местоимения 3-го лица к мужескому роду непосредственно» [6: 21–24]. В своей «Русской грамматике» А. Х. Востоков одним из первых написал о принципиальном различии кратких и усеченных форм в связи с вопросом о разном

грамматическом значении полных и кратких прилагательных [5: 41, 62]; [3: 216–217].

Таким образом, победила тенденция к принципиальному разграничению кратких и усеченных прилагательных, хотя до сих пор в научной литературе можно встретить различные утверждения, в том числе и диаметрально противоположные. Так, с одной стороны, утверждается, что усеченные и краткие формы прилагательных и причастий всегда различались и противопоставлялись по происхождению, грамматическому значению и формальным признакам, с другой стороны — что усеченные и краткие формы отождествлялись. Усеченные прилагательные определяются как русские древние именные формы, как церковнославянизмы и как искусственные образования (например: [1: 43–44, 98]; [11: 135]). В то же время грамматика современного русского языка не допускает существования склоняющихся кратких прилагательных в атрибутивном употреблении. В пособиях по старославянскому (церковнославянскому) языку, отражающих более поздние представления о языке, используется иная терминология: прилагательные краткие, именные, неопределенные или нечленные и полные, местоименные, определенные или членные [2: 144]; [8: 74]; [12: 88].

Термин «усеченные прилагательные» сохранился применительно к языку поэзии. Когда забылась прежняя терминология, усеченные прилагательные стали осознаваться как искусственная черта поэтического языка, потеряв в языковом сознании связь с краткими формами. Термин стал восприниматься как указание на способ образования таких искусственных форм (механическое отсечение окончания или его последнего слога, звука и т. п.). Именно это представление об усеченных прилагательных широко отражено в существующей литературе (например: [14: 189]; [15: 591–593]).

Как представляется, место усеченных прилагательных в системе имени прилагательного следует определять исходя из диахронического аспекта. Можно утверждать, что усеченные прилагательные как явление возникли в связи с изменением терминологии, когда именные прилагательные перестали осознаваться сокращенными формами полных прилагательных.

Литература

1. Будде Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка. XVII–XIX век. М., 2005.
2. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
4. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 2006.
5. Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831.
6. Востоков А. Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865.
7. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьминой. М., 2000.
8. Камчатнов А. М. Старославянский язык: Курс лекций. М., 1998.
9. Киров Н. Замечания на русскую грамматику. М., 1846.
10. Ломоносов М. В. Труды по филологии 1739–1758 гг. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1965.

12. Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковно-славянский язык. М., 1996.
 13. Российская грамматика А. А. Барсова. М., 1981.

14. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
 15. Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

Древнерусские наименования женщины по роду деятельности

М. Е. Локтева

Южный федеральный университет (Ростов-на Дону)

marinalokteva@yandex.ru

Семантика, древнерусский язык, наименования женщины

Summary. Belonging of old-Russian women names to the semantic field of activity and profession testifies woman's significance in such spheres of Middle Age life as the housework and the workmanship. In most cases the use of women names are connected with the Christian ideas.

1. Семантика древнерусских женских личных наименований (далее ДЖЛН) связана с ключевыми идеями Средневековой эпохи. Значительный пласт письменных памятников (по данным СлДРЯ (XI–XIV вв.) [4]), в которых встречаются ДЖЛН, имеет в своей основе религиозно-духовное содержание и отражает становление христианской культуры, противопоставленной языческой. Система ДЖЛН выстраивается согласно строгой иерархии мира «горнего» и «дольного» (второй постоянно стремится к эталонам первого), наименования указывают на назначение женщины, ее деятельность, положительные и отрицательные качества.

2. ДЖЛН по роду деятельности характеризуют женщину, прежде всего, с социальной точки зрения. Т. И. Вендина на примере старославянских личных наименований выделяет четыре ступени средневекового представления о социальной иерархии людей: «властвующие и управляющие», «сражающиеся», «трудящиеся», «молящиеся» [1: 26–47]. ДЖЛН можно соотносить со всеми группами, кроме второй.

3. Остановимся на группе «трудящиеся» (6 лексем), представляющей виды женской трудовой деятельности, связанной с бытом и с профессией (ремесленничеством):

1) ДЖЛН, называющие женщину по роду деятельности в доме: а) женщина, ведающая хозяйством в доме в целом (домодержица, ключница); б) женщина, имеющая определенные обязанности в доме (винница);

2) ДЖЛН, называющие женщину по профессии (ремеслу): звѣздочьтица, кѹшьница, гаѹмица.

4. ДЖЛН, называющие женщину по роду деятельности в доме.

Лексемы первой группы домодержица 'домовитая хозяйка дома' и ключница 'ключница' характеризуют одну женскую функцию — сохранение порядка в доме, устройство хозяйства, но различаются оттенками значения и употреблением. Слово домодержица не имеет мужской параллели, что подчеркивает специфическую женскую функцию — держать дом. В контексте показана подчиненная роль женщины по отношению к мужу, хозяину дома: да бѹ(д)тъ жены домодержицы. покараше(с) своимъ мужемъ (МПр XIV, 230) [4, т. III: 45]. Соотношение идей подчиненности мужу и сохранения домашнего очага отсылает к христианскому пониманию брака и роли женщины в нем. Слово ключница имеет мужские корреляты ключникъ и ключарь с аналогичным значением. В древнерусском языке ключ был важным символом ведения хозяйства [2: 90], при этом вести хозяйство могли как женщины, так и мужчины. Социальная роль лица, обозначаемого лексемами ключница, ключникъ, ключарь, соотносима не с семейным статусом, а со служением хозяину. Поэтому ключница — это служанка, которая ведет все хозяйство в доме. В контексте лексема ключница не обладает коннотацией, связанной с христианским мировоззрением и является в этом отношении нейтральной по значению: Володимеръ бо бѣ отъ Малѹши ключницѣ Вльзины (ЛЛ 1377, 21 — 970) [4, т. IV: 226]. Но, ср. со значениями мужских коррелятов ключникъ и ключарь, например: неснаго црѣствия ключарь (Изб 1076, 201 об.) [1, IV: 224].

Лексема второй группы винница, женск. к винникъ 'виночерпий', называет женщину-служанку, разливающую вино. Коннотация этого наименования нейтральна. Оно обозначает лишь определенный вид деятельности женщины наряду с деятельностью мужчины и употребляется единст-

венный раз в Хронике Георгия Амартола в цитате из Екклесиаста: и сворихъ собѣ пѣвца и пѣвница и пища сна члвча, винники и винница (ГА XIII–XIV, 57a) [4, т. I: 434] (ср. с совр. синод. переводом: «...завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия» (Еккл 2: 8), разница переводов связана с неоднозначным толкованием евр. schiddah мн., schidloth: если связать с халдейским scheda, то — 'виночерпий', если с арабским, то — 'музыкальный инструмент' [3: 394]).

5. ДЖЛН, называющие женщину по профессии (ремеслу). Слово звѣздочьтица, жен. к звѣздочьтьць 'астроолог', в узком контексте нейтрально по семантике: мчница екатерина... научиса клнскимъ книгамъ. и вы(с) мѣра. рекше звѣздочетица (ПрЮр XIV, 148в) [4, т. III: 363]. Но при обращении к контексту с мужским коррелятом звѣздочьтьць, а также к житию Великомученицы Екатерины, где встречается рассматриваемая лексема, видно, что деятельность и знания, связанные с астрономией, расценивались как греховные, противные христианскому миропониманию, а мудрость от этих знаний — ложной, языческой.

Аналогично отношение к искусству лицедейства (скоморошеству), шутовство и игровой характер которого соотносился с христианским сознанием с языческой обрядностью, искажением человеческой сущности. Поэтому слова кѹшьница 'актриса' и гаѹмица, жен. к гаѹмиць 'лицедей, скоморох', носят негативный характер (аналогично отношению к лицам мужского пола): иже въдовѹ приметъ ли пѹштеницю. ли блѹдъницю. ли рабѹ ли кѹшьницю. не можетъ выти еп(с)пъ (КЕ XII, 14–15) [1, IV: 342]. В контексте лексема кѹшьница находится в одном ряду со словами пѹштеница 'разведенная жена' и блѹдница, характеризующими женщину как нарушительницу чистоты в христианском понимании. Нечистая женщина не может быть женой священнослужителя, она оказалась на периферии «дольного» мира, не соответствует «горнему» идеалу. Сходное употребление имеет слово гаѹмица. Ср. также др.-русск. кѹца 'шалаш, хижина, святилище', также может быть предназначено для языческого культа — вѣсовская кѹца, а также гаѹмитиса 'скоморошествовать; развлекаться; насмехаться над кем-либо' и о.-с. *glumъ, восходящее к и.-е. корню *gheuc- со знач. 'шутка' (в др.-русск. наблюдается ухудшение значения).

6. ДЖЛН, имеющие значение «трудящиеся», называют женщину в связи с ее обязанностями в доме, а также с разными профессиями (ремесленничеством). Быт женщины-хозяйки или служанки, помогающей в домашнем труде, оценивается положительно или нейтрально, т. к. это одна из основных женских функций с точки зрения христианства. Названий сугубо женских профессий памятниками не зафиксировано. Названия женских ремесел, имеющие мужские параллели, расцениваются отрицательно, как противоречащие христианскому идеалу.

Литература

1. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М., 2002.
2. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005.
3. Матвеево В. А., Щеголева Л. И. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М., 2000.
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1–7. М., 1988–.

Преобразования содержательной структуры древнерусской устойчивой формулы как фактор становления системы языка нового времени

О. П. Лопутько

Новосибирский государственный педагогический университет

galinar3@yandex.ru

*Устойчивая формула; денотативный, сигнификативный компоненты содержания;
способы абстрагирования; система языка*

Summary. In the report the features of interaction of denotative and significative components in the content structure of the Old Russian sustainable formula are characterized. The semantic and structural transformations of the initial components in the formula are considered as the manifestation of growing role of intellectual abstraction in the language system.

1. Предметно-образное содержание устойчивой формулы выдвинуто на первый план не только благодаря своей прозрачной закреплённости во внешней стороне того же знака. Ср.: *затворити ворота* — ‘оказать сопротивление (врагу)’, *показати путь* — ‘изгнать, выпроводить’ и т. п. Именно денотативный компонент семантики древнерусской формулы, генетически связанный с определённым ритуальным действием, мотивирует употребление устойчивой формулы в том или ином сигнификативном значении — прямо противоположно тому, что наблюдается в организации содержания единиц современного языка с ведущей ролью в ней понятийного компонента (С. Д. Кацнельсон, Н. Г. Комлев, А. А. Уфимцева и др.). Например, формула *положити рядь* означала ‘заключить договор’, т. к. сооружение «ряда», наката, из пластов дерна в древнем ритуале было составной частью клятвы землей при достижении важных соглашений.

2. Господствующим положением денотата в организации устойчивой формулы определяется значительно более высокая степень свободы ее употребления в том или ином из названных семантических планов — по сравнению с современными языковыми единицами, в содержательной структуре которых связь этих планов характеризуется несравненно большей взаимообусловленностью, сращенностью. Проявления такой относительной свободы денотативного и сигнификативного компонентов в семантической организации формулы состоят как в широкой вариативности второго, так и в возможности применения формулы в денотативном плане, не «поднимаясь» до свойственного данному словесному комплексу понятийного содержания. Так, у формулы *въсѣсти / въсѣдати на конь (конь / комони)* обычно фиксируется значение ‘выступить в сражении’, ‘пойти походом’, которое регулярно актуализуется, например, в летописных текстах. Однако в тех же летописях можно обнаружить, и совсем не редко, примеры актуализации в семантике этой формулы конкретно-предметного содержательного плана: ‘использовать для верховой езды’. В тексте же «Русской правды» наряду со вторым из названных значений эта формула реализует еще одно — ‘захватить в собственность’ (статья «Оже кто въсѣдеть на чюжь конь»).

3. Применительно к древнерусской формуле точнее было бы говорить не о двух компонентах, сторонах, аспектах знакового значения, какими являются денотат и сигнификат современных языковых единиц, а о двух относительно самостоятельных значениях, в чем можно видеть наследие того этапа формирования содержательной структуры языкового знака, когда эти два основных компонента содержания еще не образовали двусторонней целостности, а являли собой своеобразный тип архаической многозначности. При этом сигнификативный элемент такого конгломерата значений был в нем не настолько строго фиксированным, как денотативный, — это своего рода потенциальная семантическая составляющая, которую формула способна генерировать в условиях определенного контекста при опоре на более устойчивое денотативное значение.

4. Все эти черты указывают на преобладание в семантической организации древнерусской формулы «сенсорного», или «сенсорно-моторного», способа абстрагирования, который основан на оперировании целостными чувственными образами предметов внешнего мира (И. М. Сеченов,

Н. И. Жинкин, Ж. Пиаже и др.), и вторичности, производном характере абстракции интеллектуальной, ведущей к формированию понятия.

5. Преобразования в содержательной структуре формулы, свидетельствующие о смене ведущего способа абстрагирования, отражаются уже в памятниках начала письменной эпохи русского языка. Например, устойчивая формула *положити ряды / рядь* в своем развитии дает вариант *рядити*, где словообразовательный дериват *рядити* от объекта предикативной конструкции, образующей исходную формулу, демонстрирует концентрацию семантики ее объекта и предиката в содержании преимущественно предиката. Такое закрепление результатов абстрагирования, происходящего во внутренней стороне формулы, словообразовательными средствами свидетельствует о перераспределении роли и веса двух основных компонентов содержательной структуры, денотативного и сигнификативного. Утрата объектом предикативной конструкции самостоятельного значения обуславливает и утрату ведущей роли денотативного компонента в содержании устойчивой формулы, которая перестает быть четкой, поэлементной моделью сенсорной фигуры динамики ситуации. Об окончательном подчинении денотата сигнификату в этих трансформациях формульного выражения сигнализируют случаи самостоятельного употребления новых предикатов, образованных от имени объекта исходной формулы: *изрядити, рядитися, порядитися*, — как и появление именных словообразовательных дериватов типа *порядь, нарядь, урядь, обрядь*.

6. Становление системного, понятийного, значения у компонентов формулы и их дериватов сопровождается также унификацией синтагматических характеристики терминов одной смысловой сферы, которые ранее принадлежали к различным группировкам формульных выражений, обусловленных в каждом случае отдельным, специфическим ритуалом. Так, если изначально ритуал жестко «задавал» формульные сочетания *положити рядь, стояти въ ряду, устояти ряду* и соответственно — *переступити* или *порушити рядь*, то по направлению к московскому периоду все более распространяются уже никак не мотивированные обрядовыми действиями синтагмы *преступити уставъ, переступити слово, преступити грамоту, переступити крѣсть; порушити уставление, порушити грамоту* и т. д.

7. Все указанные трансформации первообразных формул фиксируют уже в самой языковой материи переход ведущей роли в содержании языковых единиц от сенсорного к интеллектуальному типу абстрагирования, из которых последний не предполагает оперирования непосредственно предметными представлениями. Это свидетельствует о том, что члены данного языкового коллектива все более полно овладевают механизмами интеллектуальной абстракции без обязательной опоры ее на абстракцию сенсорную в каждом отдельном случае.

8. Однако полное завершение этого процесса означает и разрушение устойчивой формулы как таковой. Массовое и закономерное разрушение формул, сопровождающееся всеми подобными преобразованиями, выступает в качестве одного из важных факторов становления системы языка нового времени с присущим ей в качестве господствующего понятийным принципом группировки номинативных единиц.

Распределение форм двойственного числа в Пространной редакции Жития Сергия Радонежского*

Ю. Маруяма

Токийский университет иностранных языков (Япония)
yukikomaru@gmail.com

Церковнославянский язык XV века, двойственное число, Житие Сергия Радонежского

Summary. The purpose of this study is to examine the usage of dual forms in the Extended redaction of the *Life of St. Sergius of Radonež*. Dividing the text into three parts and comparing usage of dual forms, the author deals with the problem concerning the authorship of the redaction.

История форм дв. ч. в живом русском языке достаточно изучена, однако их употребление в церковнославянских текстах XIV–XVII вв. еще требует дополнительных исследований. В докладе рассматривается распределение форм дв. ч. в Пространной редакции Жития Сергия Радонежского, созданного в начале XV в. Епифанием Премудрым. Ряд исследователей выдвигает гипотезу, что оригинальный епифаниевский текст сохранился в первой части данной редакции, заканчивающейся главой «О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине».

Специфика употребления форм дв. ч. в 1-й части Жития была рассмотрена в работах В. М. Живова и А. В. Духаниной, однако формы дв. ч., встречающиеся во 2-й части текста, не были исследованы. На наш взгляд, было бы целесообразно провести сопоставительный анализ использования форм дв. ч. в обеих частях Жития. В настоящем исследовании 2-я часть Жития разделена еще на две — часть А до главы «О преставлении святого» включительно и часть Б «посмертные чудеса». Все контексты с дв. ч. рассмотрены согласно классификации О. Ф. Жолобова.

В ходе обработки материала было получено следующее соотношение форм дв. ч. и мн. ч. — 201 / 118 (1-я часть), 45 / 50 (2-я часть А) и 20 / 102 (2-я часть Б).

Не зависимо от того, какая часть Жития рассматривается при выборе форм свободного дв. ч., включая дистрибутивное употребление, главную роль играет, на наш взгляд, лексический фактор. Одни слова (*нога, око*) всегда стоят в дв. ч., а схожие с ними по семантике *стопа, зѣница* — во мн. ч. Кроме того, согласованные определения (конгруэнтное дв. ч.) во всех частях Жития последовательно связываются с существительными отношениями числового согласования, и здесь отклонения единичны.

Что касается других контекстов двойственности, то в 1 и 2 А частях, с одной стороны, и во 2 Б, с другой стороны, иная картина распределения числовых форм. В части 2 Б последовательно употребляются формы мн. ч., а формы с дв. ч. встретились лишь в 6 случаях (примеры из Жития, где первоначально речь шла отдельно о каждом из двух лиц, а затем об обоих вместе). Подобное употребление форм дв. ч. в других частях Жития не наблюдается.

В 1 и 2 А частях формы связанного дв. ч. устойчиво сохраняются, а несвязанное употребление дв. ч. встречается всего несколько раз. Что касается прономинально-вербального дв. ч., то местоимения в И. п. представлены только формами *мы* и *вы*. Для глаголов и местоимений в косвенных падежах, встретившихся во 2 А части характерны формы мн. ч., в 1-й же части наблюдаются колебания между дв. и мн. ч. с преобладанием второго. В атрибутивных и предикативных конструкциях с двумя именами из 1-й части Жития в контекстах двойственности встречаются обе числовые формы. Употребление конгруэнтного дв. ч. с анафорическими местоимениями и с предикативными формами стоит рас-

смотреть отдельно. Местоимение *они* в И. п., зафиксированное только в 1-й части, всегда употребляется во мн. ч., а в косвенных падежах и в дв. ч., и мн. ч. Местоимение *иже* употребляется только в И. п. мн. ч., а *сь, ть* стоят и в дв. ч., и во мн. ч. Что касается предикативных форм, в контекстах двойственности встречаются прилагательные, глагольные формы наст. вр., имперфекта и аориста, причастия, на выбор числовых форм которых сильное влияние оказывают соответствующие субъекты. Если субъект — парное существительное или существительное с числительным, то предикативные формы стоят в дв. ч., если же существительное употребляется без числительного — во мн. ч.

Встретившиеся только в 1-й части Жития глагольные формы при субъекте, выраженном словом *родители*, стоят и в дв. ч., и во мн. ч. И это требует особого комментария. В эпизоде встречи отрока Сергия со старцем, близком к жанру «Видение», при субъекте *родители* (т. е. родителей Сергия) глаголы всегда стоят во мн. ч. (в отличие от других мест текста). В этой сцене и в других случаях при описании родителей Святого используются в основном формы мн. ч. Большинство глагольных форм мн. ч. при субъектах *мы, вы, они* зафиксировано именно здесь, что можно объяснить содержанием. В случаях, когда субъект действия прямо не указан, но из контекста ясно, что речь идет о двух лицах, в 1-й части у глаголов преобладают формы дв. ч., а во 2 А — формы мн. ч. Причина столь частого употребления форм мн. ч. в том, что данная часть содержит большое количество «Видений» (10 из 11 примеров мн. ч.). Следует отметить, что «Видения» так же включают 4 из 5 глагольных форм мн. ч. 1–2 л.

Таким образом, распределение форм дв. ч. в 1 и 2 А частях Жития обнаруживает общность не только на лексико-грамматическом, но и на повествовательно-текстовом уровне. Даже, если данные части были написаны разными авторами, им присуща общая манера употребления форм дв. ч. Если же всю 2-ю часть написал один человек, то он сознательно по-разному использовал дв. ч. при описании жизни Сергия и его посмертных чудес.

Источники

- РГБ, Троиц. № 698, лл. 1–156 об. (использовано в качестве основного).
РГБ, Троиц. № 663, лл. 410–575 об. (лл. 539–561 об. использовано в качестве основного).
РГБ, МДА № 88, лл. 276–398.

Литература

1. Духанина А. В. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
2. Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
3. Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число. М., 2001.

Словообразование сложных слов в русском языке XI — XVII вв.

Н. Х. Низаметдинова

Московский государственный областной университет
n3@list.ru

Историческое словосложение, производносложные слова, сложения, сложносуффиксальные слова, калькирование

Summary. Approaches to analyze a complexX–words formation on the historical material basis are considered in this article; structural-semantic features of Russian complex words of XI–XVII centuries in view of genre differentiation of sources of research — monuments of Russian writing of XI–XVII centuries are established.

Историческое словосложение существует на периферии исследовательских интересов лингвистов. Традиционно в

этой области исторического словообразования используется морфологический подход, не учитывающий семантические

* Работа выполнена при финансовой поддержке Grant-in-Aid for Scientific Research (проект №20720105) (Япония).

связи слов, что приводит к неадекватному описанию словообразовательной структуры сложных слов.

При изучении словообразования сложных слов на историческом материале неправомерно выдвигать в качестве основного признака сложного слова наличие в его структуре двух (или более) корневых морфем, так как в этом случае в одной категории могут оказаться и слова со словообразовательным статусом сложного слова, и образованные от сложных аффиксальным способом, т. е. производно-сложные слова. Образование же последних ничем не отличается от образования простых аффиксальных слов.

Для выявления производных слов со словообразовательным статусом сложного слова на историческом материале необходимо установление системных отношений производности внутри словообразовательного гнезда, восстанавливаемого на основе данных исторических словарей и памятников письменности.

При определении направления производности следует опираться на критерии различения сложных и производно-сложных номинаций, сложенных и сложносuffиксальных слов, учитывать явления словообразовательной омонимии и неединственности мотивации.

Словосложение связано с синтаксисом, так как большинство сложных слов возникло из синтаксических конструкций. Ярким свидетельством этого являются обнаруженные в исследованных памятниках письменности тексты, содержащие СО корреляцию: производящее словосочетание — образованное от него сложное слово.

Источником деривации конкретного сложного слова может быть определенная синтаксическая конструкция (или ряд синтаксических конструкций, передающих идентичную информацию), возможность свертывания которой в сложное слово обусловлена существованием определенной модели сложных слов, являющейся обобщенной, типизированной формулой выражения экстралингвистических отношений.

Не для всех сложных слов можно отыскать в языке некий праобраз в виде какой-либо синтаксической конструкции. Некоторые композиты возникали в языке сразу по аналогии, например ряд образований с первыми компонентами *много-, мало-, благо-, добро-, веле-, велико-, все-(всье), зло-*. Значение подобных компонентов близко значению наречий на *-о (-е)*. Но такие структуры нельзя интерпретировать как сращения. Они создавались сразу по древним моделям.

Старославянские сложные слова на русской почве нередко приобретали новые значения. Они могли возникать в связи с более расчлененной интерпретацией семантической структуры сложных слов или в результате иного понимания значения составляющих их компонентов.

Типы соотношений между сложными словами и их греческими соответствиями в старославянских памятниках и рус-

ских переводных памятниках совпадают, что подтверждает факт общности церковнославянской книжности, восходящей к греческим оригиналам.

Широкое использование синонимии при калькировании, а также передача греческих сложных слов путем мены компонентов и образование сложных слов на месте греческих простых слов и словосочетаний в старославянском и древнерусском языках свидетельствует о присутствии на славянской почве моделей сложных слов, восходящих к глубокой древности.

Активность древних моделей сложных слов русского языка была в значительной мере стимулирована калькированием греческих сложных слов.

Возникая в результате переводов, сложные слова-кальки вступали в системные языковые отношения, и их словообразовательную структуру следует определять прежде всего исходя из этих отношений.

Сравнительно-сопоставительный анализ словосложения в старославянском языке и русском языке XI–XVII вв. с использованием статистических данных устанавливает, что эти языки характеризовались весьма схожими и разнообразными структурно-семантическими особенностями сложных слов, латентно отражающих закономерные экстралингвистические связи явлений.

Словообразовательные модели сложных слов русского языка XI–XVII вв., характеризующиеся наиболее употребительными обшечатегориальными комбинациями и частотными деривационными суффиксами, использовались в течение всего изучаемого периода.

Сложные слова церковнославянской книжности употреблялись на протяжении XI–XVII вв., что подтверждает факт единства русского литературно-письменного языка XI–XVII вв.

Со второй половины XVI века и особенно интенсивно с XVII в. увеличивается приток сложных слов из деловой письменности. Функционально-семантические особенности этих образований обусловили своеобразие их морфофонематической структуры. Они представлены главным образом корневыми морфемами с трех- двухфонемным составом и нулевым или однофонемным деривационным суффиксом.

Литература

1. Вялкина Л. В. Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 166–196.
2. Зверковская Н. П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М., 1986.
3. Илюшина Л. А. К истории сложных слов в древнерусском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. Львов, 1976. С. 37–49.
4. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Казань, 1987.

Способы древнерусского субстантивного словопроизводства

Г. А. Николаев

Казанский государственный университет

gnikolaevksu@mail.ru

Древнерусский язык, аффиксация, сложение, включение, субстантивация

Summary. Modes of Russian word-formation were formed and developed together with formation and development of the word-formative system of language. It occurred in interaction of primordially Slavic categories with loan translated structures. Disintegration of semantic syncretism, strengthening of language paradigmatics and initial forms of a paradigm promoted occurrence of a new word-formative mode (confixation) and led to active interaction of morphemic and semantic word-formation.

Способ словообразования, как и другие словообразовательные категории, формировался и развивался вместе со становлением и развитием словообразовательной системы русского языка. В древнерусский период функционировали два способа словопроизводства — морфологический и семантический. В условиях синкретизма семантический способ образования номинативных единиц был в значительной степени связан с синтагматикой языка, поэтому наиболее продуктивными были две его разновидности: субстантивация и сращение. В то же время отмечается активное взаимодействие сращения с морфологическим сложением, в ходе которого происходили морфологизация сращения и расширение морфемного словосложения. Это было характерной чертой древнерусского словопроизводства. Ср. случаи

типа *братучадо* → *браточадо*, *домачадыць* → *домочадыць*, *путишьствие* → *путешствие* и т. п. Морфологизация сращений, подведение их под прочно существующие в языке композитные модели свидетельствовали об усилении языковой парадигматики. Наиболее развитым способом древнерусского морфологического словообразования была суффиксация. Суффикс мог осложнять в это время основу слова, словоформы и словосочетания. В последнем случае развивался способ сложения, который был свойствен в основном именному словообразованию. Словообразование было одним из продуктивных способов морфологического словопроизводства, в котором пересеклись исконно восточнославянские языковые особенности и калькирование греческих композитов. Поэтому сложные слова встречаются как в сла-

вяно-книжных текстах, так и в памятниках, созданных на восточнославянской языковой основе, в том числе и в новгородских берестяных грамотах.

Однако на базе словосочетаний могли возникать не только сложные, но и простые аффиксальные образования. Речь здесь идет о ранних случаях так называемого включения, которое весьма широко распространено в современном русском языке. Образование универбатов происходило на основе соотносительности со словосочетанием путем суффиксации одного из слов сочетания. Как правило, это было определяющее субстантив прилагательное.

Включение (универбация) встречалось в основном в языке деловых документов. Универбаты образовывались как и в современном языке, двумя основными способами: морфемным (при помощи суффикса) и безморфемным (семантическим). При этом семантический способ в этих процессах был более продуктивным, чем в современном русском языке. Универбаты использовались, в частности, в названиях деловых грамот: *духовная грамота* — *духовная* — *духовница*, *данная грамота* — *данная* — *данница*, *докладная грамота* — *докладная* — *докладница* и т. п. Результатом семантического включения являются здесь субстантиваты, или существительные адекативного склонения. Способ субстантивации был весьма продуктивен в истории русского языка. В этой группе слов также пересеклись исконно славянские тенденции и греческое калькирование, поэтому они весьма продуктивны как в славяно-книжных текстах, так и в памятниках исконно русских, и опять-таки в новгородских берестяных грамотах.

В древнерусский период формируется способ нулевой суффиксации. Он был связан с различными фонетико-морфологическими процессами, в ходе которых старые праславянские морфемы утрачивали свою звуковую оболочку. А поскольку утрата фонетического облика морфемы не вела к утрате самой морфемы при сохранении отношений, показателем которых она являлась, то сохранившиеся отношения и значения стали выражаться, так сказать, виртуальной морфемой, получившей в науке наименование нулевой. Указанные фонетико-морфологические процессы были в первую очередь связаны с процессом падения редуцированных гласных, протекавшим в древнерусский период.

Релевантной для образований нулевой суффиксации является их соотносительность с приставочными или бесприставочными глаголами. Известно, что именно приставочные имена были образованы от глаголов, в то время как бес-

приставочные чаще сами выступали как производящие для соответствующих глаголов. Глагольную мотивированность они приобрели в древнерусском языке в ходе развития обратной соотносительности в этих именах. Образования нулевой суффиксации были первым типом имен, большинство которых было охвачено обратной соотносительностью. По их образцу обратные связи развивались и в других словообразовательных типах. С формированием нулевой суффиксации связано развитие и нового для русской словообразовательной системы морфонологического явления — усечения.

В древнерусский период формировался и конфиксальный способ морфологического словообразования. В становлении этого способа опять-таки пересеклись два источника: народно-славянский и калькирование. При этом если исконно славянский путь становления конфиксации предполагал обязательный этап суффиксации предложно-падежных форм (как промежуточный этап) и дальнейшее переразложение суффиксальных структур, то калькирование давало уже готовые конфиксальные структуры. В ходе взаимодействия этих двух путей формирования конфиксации в русском языке происходило активное воздействие калькированных структур на исконно русский материал. Наиболее подходящие условия для этого были в тех словообразовательных группах, которые пополнялись указанными двумя способами. Таковы слова на *въз...ье*. С одной стороны, сюда входили русские образования типа *възгорье*, *възводье*, с другой — явные кальки *възглавие* — *προσκεφάλιον*, *възмьдие* — *ἀντιμσθίαν*, *възбращие* — *ἀγρία* и др.

Окончательное установление конфиксального способа словопроизводства произошло после распада синкретизма, в результате укрепления языковой парадигматики и исходных форм слова, а также перемотивировки в связи с этим прежних суффиксальных структур, возникших на базе предложно-падежных форм.

Итак, в системе древнерусского субстантива активно функционировали два способа словопроизводства — морфологический и семантический. Они были тесно взаимосвязаны и взаимодействовали друг с другом. Оба способа находились в процессе становления, поэтому морфологический способ словопроизводства был представлен аффиксальной разновидностью (префиксация и суффиксация), словосложением и универбацией. Наиболее продуктивной разновидностью семантического словообразования была субстантивация, включение и сращение.

К истории становления гуманитарной терминологии русского языка

Н. Г. Николаева

Казанский государственный университет

natalia.nikolaeva@ksu.ru

Термин, древнеславянская переводная письменность, история русского литературного языка, диахрония текста

Summary. In the paper the factors necessary for formation of a scientific terms framework are analyzed, there come to light features of an Old Slavic «term» and the correspondence between term formation and intrinsic characteristics of the text are revealed.

Становление термина — сложный процесс, с одной стороны уводящий к своим истокам в глубь веков, с другой стороны — относительно новый в русском языке, возможно, даже новее, чем это может показаться на первый взгляд. Такое парадоксальное видение истории термина связано, во-первых, с тем, что, собственно, понимается под словом *термин*. Во-вторых, научная терминология складывается в истории русского языка, по общему признанию, в XVIII веке, времени формирования и специализации основных научных дисциплин, но вместе с тем сердцевина гуманитарного терминологического фонда представляет собой унаследованную славянской традицией лексику, история которой прослеживается с первых переводных памятников.

Из всех сущностных признаков термина и условий его бытования нам представляются наиболее важными следующие:

- 1) за термином стоит понятие;
- 2) для функционирования термина необходима среда — определенная сфера практического или теоретического знания;
- 3) термин осмысливается как таковой, если в языке существует выраженная оппозиция с нетермином.

Если проецировать данные современные представления о термине на древний период развития языка, то, по сути, ни одно из этих условий не удовлетворяет «терминологии» древнеславянских переводов. Во-первых, за словом в этих переводах стоит образ или символ — понятие в единстве его объема и содержания еще не обрело своего равновесия, это произойдет значительно позже. Во-вторых, первые слова-термины функционируют не столько в абстрактной сфере определенного знания, сколько в конкретной традиции текста. В-третьих, между «терминами» и нетерминологической лексикой границы в то время нечетки и размыты, «термины» не воспринимаются таковыми в современном смысле этого слова. Все три фактора взаимообусловлены: познание оперирует не понятиями, а образами, что сближает форму познания с художественной; поэтому границы между сферами знания практически не существует, что находит отражение в языке конкретного памятника — языке, во многом обусловленного индивидуальной историей текста.

Термин рождается, когда ослабевают синтагменные связи текста, но вызревает он именно в тексте. Если даже тексты принадлежат к одному и тому же жанрово-стилистическому

разряду и созданы в едином русле переводческой концепции, но при этом имеют разную по продолжительности историю, «терминологическая» картина, в них представленная, будет иметь отличия. В этом смысле история конкретного переводного текста повторяет общую историю переводных памятников.

С XVI века, как показывают наблюдения над письменной традицией, начинают происходить качественные сдвиги в характеристиках слова и текста и в их взаимоотношениях, что отражается и на терминообразовании. К этим процессам можно отнести, во-первых, так называемый «взрыв продуктивности» определенных словообразовательных моделей, в первую очередь в области абстрактной лексики, в связи с завершением процесса распада семантической синкретемии. Во-вторых, как следствие названного явления в текстах усиливается глоссирование, отражающее поиск равновесия между словом и смыслом. В-третьих, расширяется круг переводных произведений, в том числе и за счет новых переложений уже существующих памятников, при этом не с греческого оригинала, а с его латинского перевода.

К концу XVII века складываются как внутриязыковые, так и экстралингвистические предпосылки рождения термина. С окончательным разрушением средневековой синтагматической связанности слова появляются объективные условия для развития слова в полноценно функционирующей в языке термин. Кроме того, потребность в устойчивой системе гуманитарной терминологии уже назрела, и представителями грекофильского течения были предприняты шаги — через переводные тексты — по ее выработке и стандартизации. Однако эксперимент этот не был удачен

для становления терминосистемы именно в силу неправильно выбранных средств: образование понятия, как доказывал А. А. Потебня, связано с потерей внутренней формы слова, исконного образа, стоящего за словом, а грекофилы как раз пытались восстановить внутреннюю форму, что мешало в конечном итоге развитию термина.

Определяющим моментом для рождения многих гуманитарных терминов стал рубеж XVIII — XIX веков. XVIII век представляет несколько путей выхода из языкового эксперимента века XVII — и все они непосредственно связаны с судьбами церковнославянского и русского литературного языка, их взаимовлиянием, с языком духовной литературы в частности, в конечном итоге — со сложением стилистической системы литературного языка.

Начальная неопределенность в выборе пути, каким должен быть язык духовной литературы, как ни парадоксально, создавала условия развитию термина тем, что делала возможной оппозицию, в рамках которых термин мог реализовать себя как таковой. Инвариант этой оппозиции: **общезыковой гипероним — специальный термин**. В итоге конкретных ее проявлений в переводных текстах возникает более частная оппозиция: **общеспециальное — индивидуальное**.

В докладе изложенные выше положения будут проиллюстрированы примерами из истории некоторых философских терминов.

Литература

1. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.

О некоторых принципах перевода латинского текста в XVII веке: церковнославянский перевод Атласа Влаеу

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

natanik2004@mail.ru

Церковнославянский язык, принципы перевода

Summary. The present paper focuses on the translation of the geographical atlas of the middle of the XVIIIth century into the Church Slavonic language. This translation has not been studied by linguists to the full yet. It forms the basis of Russian scientific discourse and is typical for its initial period.

Сделанный в середине XVII века перевод с латинского языка географического атласа «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus», составленного в 1645 году голландцами Вильгельмом и Иоганном Влаеу, достаточно хорошо известен. Фрагменты перевода включены в хрестоматию Буслаева [1: 1186–1190], так как черновик, сохранившийся в рукописи Син. 779, «почитается за собственноручный автограф Епифания Славинецкого» [1]. Перечень рукописей, содержащих перевод, дает А. И. Соболевский [7: 60–63], он же определяет язык перевода и ряд его особенностей. О переводе этого текста упоминается сегодня в работах о деятельности Епифания Славинецкого, о переводах космографий в XVI–XVII вв. [5], о книжной деятельности времени патриарха Никона [2: 918–919] и о первых этапах развития науки в России [4: 117–130].

Однако монографического исследования перевода Атласа Влаеу не проводилась, данные перевода редко привлекаются к лингвистическим исследованиям. На сегодняшний день можно говорить о том, что объемный текст XVII века, в работе над переводом которого участвуют образованнейшие книжники, остается сегодня практически не известным даже в среде медиевистов. Не проведено лингвистическое изучение текста, сопоставление перевода с латинским оригиналом; нет сопоставления с другими переводами Славинецкого. Не определено и своеобразие перевода Атласа Блау в сопоставлении с другими переводами с латинского языка середины XVII века (например, с переводами Посольского приказа).

Мы рассмотрим принципы перевода первого тома Атласа (черновик в Син. 779, 605 листов, 4°, южнорусская скоропись, автограф Епифания Славинецкого, и беловик в Син. 19, 306 л., в большой лист, четкая русская скоропись) [3: 107–116]. В этом томе содержится введение, далее описываются Исландия, Норвегия, Дания, Швеция, Московия, Литва,

Польша, Австрия, Германия. Рукописи не совсем совпадают: так, в Син. 779 введение отсутствует, текст начинается с главы «Европа», в этой же рукописи находится описание Московии, не включенное в беловой список. Листы о Московии и некоторые записи на полях совпадают с почерком белогого экземпляра Син. 19. В этой рукописи содержится полный текст «Введения», а на раздел «Московия» оставлены пустые листы (по мнению исследователей, главу предполагалось переписать).

Сопоставление черногого и белогого списков и их сравнение с латинским оригиналом позволяет сделать вывод о принципах перевода, положенных в основу работы над текстом. Перевод осуществлялся как пословный, в отношении передачи имен собственных применялся принцип транслитерации. Безусловно, ряд имен собственных (названия иностранных государств, городов, имен правителей) был известен переводчикам, но целый ряд имен собственных встречался впервые. Тщательность следования латинскому оригиналу (например, на л. 30 написания **Нортмáнни** и **Нортманноское** точно соответствуют «Nortmanni» и «Normanorum» латинского л. 10) нарушается редко: например, на л. 4 Син. 779 появляется ошибочное написание **Норвегѣа** (до этого написание правильное), оно же повторяется в соответствующих местах беловика (л. 22 об. Син. 19). Исправление названия на **Норвегѣискагв** в Син. 779 (л. 8) совпадает с исправлением в Син. 19 (24 об.). При этом транслитерированное название подчиняется законам церковнославянской грамматики: так, формы **вѣлевѣръѣ**, **вѣвѣръѣ** на листе 30 об. соответствуют латинскому Aleburgi, Viburgi на л. 10. Примечателен фрагмент главы «Исландия» о ловящихся в морях рыбах: неизвестные названия «Torsck» и «Marlucx» (л. 7) переданы как **Торсцк** и **Марлѣцѣъ** (л. 25 Син. 19), далее переводчики встречают восходящие к греческому названия «Monoceros» и «Xiphia» (л. 7 об.) и передают их

как *Монѡкеросы* и *Зѣѣа* (л. 25. об.). Отражение знания переводчиком греческого языка отмечено еще Соболевским.

Сравнение черновика и беловика перевода имеет несколько зон несоответствий, в первую очередь в расстановке диакритики в географических названиях в именительном и косвенных падежах. Если черновик содержит написания *Испаніа*, *Германіа*, *Італіа*, *Грекіа* (779, л. 2) или *Месій* и *Па"ноній*, *Даній*, *Да"матїи*, *Фарматїи* (779, л. 6), то в соответствующих местах Син. 19 встречаем *Испаніа*, *Галліа*, *Германіа*, *Італіа*, *Славоніа*, *Грекіа*; *Панноніи*, *Данїи*, *Фарматїи* (л. 21 об., 23 об.). Учитывая, что в период никоновской справки происходит перестраивание орфоэпических норм русского литературного языка, данная правка будет предметом специального рассмотрения.

Важным аспектом изучения перевода Атласа является анализ использованной в переводе научной терминологии. Многие из найденных лексем впервые отмечаются именно в переводе Атласа (например, *горизонтъ* и *діалекты*). «Диалект» не зафиксирован словарем И. И. Срезневского, а словарь XI–XVII вв. относит первое употребление ко второй половине XVII века, причем отмечено оно в трудах патриарха Никона 1666 года (наш перевод сделан ранее) [6: 242]. *Горизонтъ* вообще не отмечен словарями XVII века, а этимологические словари считают первым употребление у Ф. Прокоповича [8: 441]. В делах Никона зафиксировано употребление формы *оризонтъ*. В тексте ранее, чем в словарных фиксациях, отмечены лексемы «диаметра», «этимология» и т. д. Это делает перевод не только интересным

источником для исторических словарей, но и показывает, в каких зонах переводчики трактата предугадывали дальнейшее развитие лексической системы русского литературного языка, предшествовали формированию научной терминологии XVIII в.

Все сказанное позволяет говорить о том, что перевод «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» представляет собой ценный лингвистический источник, который может дополнить наши представления о характере ранних переводов с латинского языка.

Литература

1. *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 2004.
2. Никон, Патриарх. Труды / Научн. исслед., сост. и общая ред. В. В. Шмидта. М., 2004.
3. *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970.
4. *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947.
5. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
7. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 2004.

Русское постижение мира через чувство (по данным древнерусских словарей)

И. В. Панова

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе

irenepanova@gmail.com

Национальный язык, лексический состав, метафоризация, картина мира

Summary. Lixal system is the means of keeping and passing on the principles of national world perception. The knowledge of semantic structure of old words and their synonymic and antonymic relations help both to preserve national spirit of the language and to make real speech more vivid and convincing. Dictionaries of Old Russian show that the mechanism of metaphorisation worked through all semantic levels of the word, which was a combination of emotional and mental perception.

Словарь рисует перед своим читателем картину мира — так, как она существует в сознании носителей данного языка.

Н. Ю. Шведова

Среди семиотических систем язык — система наиболее универсальная и потому уникальная. Благодаря этим свойствам язык позволяет проникнуть в тайну национального мировосприятия. Добросовестно составленный словарь (как, например, словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой) не просто перечисляет реалии жизни общества, но и воспроизводит отношения между элементами этих реалий, представляя слово как самостоятельную единицу, а также как единицу системную — составляющую лингвосоциокультурного контекста. Поэтому толковые словари суть словари национальные.

Задача современных словарей преимущественно заключается в отражении реального состава нынешнего языка, а не в воссоздании полной семантической структуры слова от момента его появления до наших дней. Этим обусловлена необходимость обращения к старому слову, поскольку это способ, во-первых, сохранить национальную индивидуальность, ведь язык «служит не только целям общения, но и является хранилищем информации, накопленной языковым коллективом» [3]; во-вторых, возродить в сознании носителя языка утраченные смыслы слов, изначальную картину мира его народа, что позволит ему как создателю собственного текста сделать свою речь более образной и, следовательно, убедительной. Осознанное во всей полноте своей семантической структуры произнесенное слово, несущее на себе необходимое логическое и эмоциональное ударение, или же слово написанное, занимающее определенную структурно-смысловую позицию в высказывании, воспринимается не только сознательно, но и подсознательно, оказывает логико-ассоциативно-эмоциональное воздействие на адресата, чего лишена семантически линейная речь.

В древнерусском языке существовало такое слово, а значит, и понятие, как *почувъ* — ‘чувство, ощущение’, ‘сознание’; *почувство* — ‘чувство’, ‘понятливость’. Искони *почувъ* был основным принципом взаимодействия с миром; каждое слово древнего языка, являясь единичной осмысленной окружающей мира, было проникнуто чувством. Иначе говоря, механизм метафоризации работал на всех уровнях семантической структуры слова, начиная с основного, прямого значения и заканчивая значением периферийным, переносным. Чем свободнее были связи между значениями, тем более полно, объемно отражался в слове определенный аспект мироустройства.

Древнерусская лексическая система представляет собой многоаспектное тесносплетение сущностных особенностей и характеристик процессов и явлений мира и человеческой жизни, является хранителем русского самосознания. Современный язык постепенно утрачивает эти исконные связи, теряя целые слова как понятийно-эмоциональные комплексы или отдельные их значения.

Полисемия старого слова, которая основана, как правило, на «метафорическом переносе наблюдаемого мира физических явлений в мир ненаблюдаемых идеальных сущностей» [2: 18], отражает исконные принципы организации быта и бытия, хранящиеся в современном сознании как данность, унаследованность, но не воспринимаемые как реальные соотношения причин и следствий. Так, глагол *похулити* (‘выразить неодобрение, поругать’) изначально включал целый причинно-следственный комплекс: ‘оскорбить, осквернить, насмеяться’ как причина — и ‘осудить, упрекнуть’, а также ‘свести на нет, уничтожить’ как реакция на непотребное действие. *Потужити* означал не только ‘посоветовать, пожалеть’, но и ‘позаботиться, заступиться за кого-л.’, *проявить потугу*, *быть потужным*, т. е. могущественным, знающим, ибо активное действие, вмешательство — труд, требующий силы и воли. В глаголе *потснутися* заключен единый процесс — от зарождения мысли до непосредственного действия: ‘направить помыслы’, ‘быть готовым’, ‘поспешить’.

Старое слово нередко описывает процесс или явление его противоречивости, двусторонности. *Потопление* это и 'беда, гибель', и 'преодоление'; *потреба* — 'нужда, бедствие' и 'польза'; *празднь* — 'досуг', время праздновать, т. е. время, которое можно 'посвятить духовным занятиям', и 'безделье, лень'.

Явление, понятие раскрывается в языке вширь через синонимно-антонимические отношения, вглубь — через семантическую структуру слов. Этот механизм можно проиллюстрировать на примере отражения в языке *кола жизни и смерти*. Синонимический ряд к глаголу *жити* — *преденствовати, предбыти, пребывати* — определяет основу нахождения человека на земле: 1) жизнь как день, явленность, но в то же время и как то, что *перед* днем, т. е. светом, смертью, когда уходят труды и тяготы; 2) нахождение на земле перед вечным бытием, наступающим после смерти; 3) рост, совершенствование, движение, направленное на осуществление чего-либо, а также осознание и ожидание конца земного бытия; *пребывание* — постоянство, усердие, труды; ср. лтш. *dzivat* — 'работать, жить'. Поэтому *смерть, почивь, почвение, починавание* это 1) остановка, покой, отдых, но и, опять же, неизменность (*почивати*), непрерывность круга умирания-возрождения; 2) 'освобождение от принудительной работы', т. е. жизни, которая есть труд; 3) точка перехода, окончание жизни и одновременно начало новой, преемственность поколений; отсюда *починная земля*

(впервые осваиваемая), *починный столть* (обозначающий предел, начало или конец, владений). Поэтому и *предний* это одновременно и 'будущий' (*предняя* — 'будущее'), и 'бывший, прошлый' (*предние* — 'предки'). Рассмотренная группа слов является не просто системой именования процесса, но ключом к жизни- и мировосприятию, календарю, вере создателей и носителей древнего языка.

Таким образом, механизм метафоризации древнерусского языка, актуальный для всех уровней смысловой структуры слова, необходимо понимать не только как «универсальное средство пополнения языкового инвентаря <...>, формирующегося в процессах вторичной номинации» [3], но как средство выявления основных принципов мироосмысления, а также лежащих в их основе процессов и событий жизни общества. Подобные частные примеры позволяют надеяться на то, что сила слова, основанная на ментальности нации и укрепляющая ее, даст возможность сохраняться исконным национальным понятиям в условиях современной глобализации мира.

Литература

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992.
2. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее преодоления. М., 2006.
3. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М, 1988. С. 173–203.

О значении лексемы *финикъ* в русской редакции Устава литургии Иоанна Златоуста XIV в.

С. И. Панова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

panoval525@mail.ru

Церковнославянский язык, устав литургии, славянские редакции, грецизмы, литургическая терминология

Summary. The Diataxis of the Liturgy of Saint John Chrysostom was translated into the Church Slavonic language in the monasteries of the Mountain Athos, in Bulgaria and in Russia in the 14th century. Each redaction has its own peculiarities, but Russian redaction which is attributed to metropolitan Kiprian has combined the features of the two previous redactions (redaction from the Athos and Bulgarian redaction). Besides, it has its own unique features among which the use of an unknown lexeme *phinik*. The work is devoted to the analyses of this word and its meaning.

Устав литургии Иоанна Златоуста византийского патриарха Филофея Коккина (Diataxis tēs theias leitourgias) переводится в славянских землях в XIV в. сначала на Афоне, где в сербском Хиландарском монастыре формируется самая ранняя афонская редакция, затем в Болгарии кругом патриарха Евфимия Тырновского (1320-е гг. — 1402), которому и атрибутируется болгарская редакция Устава, а также на Руси. Создание русской редакции Устава связывается с именем митрополита Киприана Киевского (ок. 1330–1406 гг.), проводившего литургические реформы на Руси.

Каждая из славянских редакций Устава литургии обладает своими уникальными особенностями, как литургическими, так и лингвистическими. Язык славянских редакций Устава представляет особый интерес в связи с тем, что, с одной стороны, Устав литургии входит в корпус образцовых церковнославянских текстов (наряду с книгами Священного Писания, а также другими богослужебными текстами), в которых реализовывалась строгая книжная норма и для которых были характерны строгие переводческие установки. С другой стороны, создание славянских редакций Устава относится к периоду второго южнославянского влияния на Руси (а возможно, является и одним из факторов, инициировавших это влияние), в связи с чем языковые особенности данных текстов имеют важное значение для изучения истории русского литературного языка указанного периода.

Важной характеристикой славянских редакций греческого Устава является степень грецизации и наличие грецизмов как на лексическом, так и на синтаксическом и на других языковых уровнях. Так, евфимиевская редакция оказывается наиболее грецизированной, афонская редакция предпочитает стандартные общецерковнославянские, зачастую намеренно архаичные языковые средства, а русская редакция демонстрирует смешение тенденций: здесь присутствуют как многочисленные грецизмы, так и архаичные славянские

средства, что позволяет предположить наличие у данной редакции как болгарских, так и афонских источников.

Языковым уровнем, наиболее подвергавшимся грецизации, является лексический уровень текста, в частности литургическая терминология Устава содержит наибольшее число заимствований. Большая часть заимствованных лексем легко интерпретируется (*потирь* — *чаша*, *дискось* — *блюдо*, *лавнда* — *лжица*, *аерь* — *воздух*), однако присутствуют и лексемы, происхождение и интерпретация которых могут вызвать определенные затруднения. Так, в русской редакции для перевода греческого *moua* предлагается лексема *финикъ*: *и приемъ финикъ собирает крошкы около святаго блюда* (ГИМ Син. 601, XIV–XV вв., с. 47). Трудность представляет интерпретация как славянской лексемы, так и греческой, а также экстралингвистическая ситуация, которая стоит за данным термином.

Лексема *финикъ* в литургическом значении не зафиксирована в словарях, более того, она является локальным литургическим заимствованием, зафиксированным лишь в весьма узком кругу текстов. Интерпретировать значение данного слова поможет, во-первых, сопоставление соответствующих фрагментов Устава афонской и евфимиевской редакций, в которых ему соответствует славянское *метлиця* («маленькая метелочка»): *въземъ метлицю събирает еже въ святемъ блюде части* (РНБ, Соф. 535 XV в., л. 8 об. — афонская редакция), *въземъ метлицю събирает вся яже въ святемъ дискосе части* (Зогр. 1 г. 12 с. 6 — евфимиевская редакция).

Во-вторых, в греческом тексте соответствием является лексема *moua*, значение которой в «Греческом лексиконе» Э. Софоклеса объясняется как «вид мягкой щеточки» (*a kind of a soft brush used by the priest at the Eucharist*), со ссылкой на Евхологий, то есть литургическое употребление данного предмета.

В-третьих, другим текстом, в котором была зафиксирована указанная славянская лексема, являются «Ответы» ми-

трополита Киприана игумену Афанасию: *по селом же, или инде где было, аще не будет финика, ино губу морьскую добыти*. Митрополит указывает, что «если нет финика, то нужно найти морскую губку» (условная конструкция «аще... ино...» переводится на современный русский язык условной конструкцией с союзом «если»). Автор, возможно, предлагает заменить финик губкой при отсутствии первого, то есть изначально в богослужебной практике используется, вероятно, особая метелочка для сбора частей литургического хлеба, которая впоследствии, по-видимому, заменяется губкой (на литургии в настоящее время в данном качестве используется именно особая «антиминная губа»).

Наконец, найденный в картотеке «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» комментарий к одной выписке: *судь... въ немъ же и финикъ, и кропяше* Повесть об обретенной мощей преп. Даниила Переяславского и чудеса. XVII в., список 1662 — предлагает следующее объяснение: «кропило, из пальмовой веточки». Как известно, кропило (а в данном случае имеется в виду именно оно) представляет собой именно маленькую метелочку из прутьев, что в иной раз подтверждает гипотезу о том, что гапакс *финикъ* в литургическом значении должен интерпретироваться именно как «маленькая метелочка из прутьев», используемая для собирания частей литургического хлеба.

Замена финика (метелочки) на губку происходит, вероятно, не позднее XV в., на что указывает приведенный выше

материал из «Ответов» митрополита Киприана, а также список Устава литургии из собрания Троице-Сергиевой Лавры № 216 [благодарим Е. М. Верещагина за обращение нашего внимания на эту рукопись], в котором *финикъ* глоссируется славянским *губа*: «*диакон прием губу на то уставленную, глаголемый финик, блюдомую в литони*».

Таким образом, анализ материала богослужебных памятников на церковнославянском языке русского извода позволил прояснить значение гапакса *финикъ*, неизвестное словарям, а также экстралингвистическую ситуацию XIV–XV вв., заключающуюся в замене предмета литургической утвари.

Литература

1. *Красносельцев Н. Ф.* Материалы для истории чинопоследования Литургии святого Иоанна Златоустого. Вып. 1. Казань, 1889. С. 37–79.
2. *Панова С. И.* Славянские редакции Диатаксиса патриарха Филофея Коккина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. Вып. 2. М., 2008. С. 135 — 142.
3. *Панова С. И.* Диатаксис патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции XIV–XV вв.: лингвотекстологическое исследование. Дисс. ... кандидата филологических наук. М., 2009. Машиннопись.
4. *Сырку П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. I. Ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1890. С. 1–31.

О некоторых особенностях организации текста «Жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого

В. Д. Петрова

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (Чебоксары)

petrovavd@yandex.ru

Библейская поэтика, параллелизм, плетение словес, хиазм

Древнеславянское плетение словес, стиль южно-и восточнославянской агиографии XIV–XV вв., принято связывать с византийской украшенной прозой: плетение словес воспроизводит приемы византийской риторической прозы, лучшим образцам которой следуют славянские книжники. Такое определение верно по отношению к книжникам Тырновской школы [5], но стиль древнерусского агиографа Епифания Премудрого следует рассматривать сквозь призму использования литературных приемов, свойственных библейской книжной традиции [3].

Один из таких приемов — характерный для библейских текстов специфический композиционный прием — «концентричный параллелизм», определяемый в некоторых исследованиях как хиазм. Хиазм представляет собой «сбалансированные речения, выстроенные вокруг центральной идеи в прямом, обратном или антитетическом параллелизме» [2: 26]. Такой параллелизм может быть основан не только на повторении слов и фраз, но и на повторении основополагающих тем или идей. Хиастические конструкции доносят смысл посредством концентричного развертывания, которое ведет от краев отдельного отрывка к середине, к «концентальному центру». Этот прием применяется библейскими авторами как при структурировании отдельных частей текста, так и целого текста [2].

Анализ структурной организации «Жития Стефана Пермского» показывает, что этот библейский прием проявляется как на уровне микроразделов текста, так и в структуре текста в целом. Строгая симметрия построения обнаруживается уже во вступлении: темы (обоснование необходимости написания жития, собственное желание написать житие, самоуничтожение и просьба к слушателям и читателям о снисхождении) повторяются, располагаясь симметрично по отношению к центральной теме — мольбе о даре слова (в организации которой, в свою очередь, можно обнаружить тот же принцип). Параллелизм, основанный на повторении тем, положен и в основу организации целого текста «Жития Стефана Пермского». Такая структура дает возможность выпукло представить центральную тему — тему торжества христианства в Пермской земле (глава «О епископстве»). Она обрамлена описанием кульминационных в миссионер-

ской деятельности Стефана моментов — победы над волхвом Памом и создания пермского письма, составляющих антитетический параллелизм.

Регулярное обращение к данной структуре в «Житии Стефана Пермского» не оставляет сомнений в том, что древнерусский агиограф осознанно использует этот прием, источником которого являются библейские тексты. Такой способ организации текста представляет собой характерную особенность индивидуальной манеры Епифания, которая отмечается и в других его сочинениях: Ю. Алисандратос, анализируя композицию Жития Сергия Радонежского, установила симметрическое расположение эпизодов вокруг центра [1]; Г. М. Прохоров выявляет такую же симметрию в построении текста письма Епифания к Кириллу Тверскому и письма неизвестному лицу (заказчику), атрибутируемого им Епифанию Премудрому [4].

Последовательным использованием концентричного параллелизма обусловлен в «Житии Стефана Пермского» и регулярный характер использования приема обрамления. Следует подчеркнуть, что эти приемы восходят прежде всего к ветхозаветным поэтическим книгам [2], и особенно их употребления в житии свидетельствуют о том, что истоки стиля Епифания Премудрого следует искать в библейской поэтической традиции, и само плетение словес древнерусского агиографа представляет собой особый, поэтический, способ организации текста.

Литература

1. *Алисандратос Ю.* Симметрическое расположение эпизодов одной редакции «Жития Сергия Радонежского» // American contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Vol. 2. Columbus; Ohio, 1983. P. 7–17.
2. *Брек Д.* Хиазм в Священном Писании. М., 2004.
3. *Петрова В. Д.* Повторы в древнерусской агиографии стиля «плетение словес» // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы IX Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Т. 3. София, 2007. С. 165–172.
4. *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
5. *Kitch F.* The literary Stile of Epifanij Premudryj. Pletenje sloves. Munchen, 1976.

Семантический синкретизм в истории русского языка

М. В. Пименова

Владимирский государственный гуманитарный университет

pimenova-vgpu@yandex.ru

Семантика, синкретизм, диахрония

Summary. The article is dedicated to the semantic syncretism in history of Russian language.

Семантический синкретизм (от греч. συγκρητισμός — соединение, связывание) представляет собой лингвистическое явление формально-содержательной языковой асимметрии (впервые отмеченное в 1929 г. С. О. Карцевским [2: 85]), при котором одно означающее одновременно выражает два (и более) означаемых (семасиологический тип семантического синкретизма) и, соответственно, одно означаемое выражается двумя (и более) нерасчлененными означающими (ономасиологический тип семантического синкретизма) [7: 33–71].

Наиболее ранними являются проявления семантического синкретизма в двоичных противопоставлениях, которые выделены Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым как славянские языковые моделирующие системы [1]. Эти синкретичные оппозиции включают в себя абстрактный образ-символ («не локализованный в пространственном, временном и социальном планах»), оценочный компонент («различение положительного и отрицательного по отношению к коллективу и к человеку»), а также конкретное значение качества и / или количества, градуальности, possessивности, например: *свет — тьма, белый / красный — черный, правый — левый, нечетный — четный, жизнь — смерть, мужской — женский* и под. [1: 63–64, 85–98, 138–140, 175–178].

Синкретизм проявляется в семантической диффузности древнего слова, о чем ученые многократно писали, используя самую разнообразную терминологию, например: «первозданное слово», представляющее собой «зерно, из которого вырастает мифическое сказание» (А. Н. Афанасьев); первобытное имя, заключающее в себе «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений (А. А. Потебня); «синкретическое слово», обладающее единством «полярных значений», «для которого характерен комплекс единства противоположностей, отражающий более ранний, примитивный этап мышления» (Б. А. Ларин); «нерасчлененность древнего значения» (Л. С. Ковтун); синкретическое сосуществование двух значений в корне (О. Н. Трубачев); единое недифференцированное образное имя, отличающееся в древних языках полисемантизмом качественных и предметных значений (С. Д. Кацнельсон); «...исконный семантический синкретизм славянского слова»; словосинкрета, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» (В. В. Колесов) и др. К **словам-синкретам** исследователи относят «самые элементарные слова», «любое общее слово Писания или народной поэтики», в которых всего труднее заметить несовпадение «со значениями соответствующих слов современного языка» (таких, например, как рус. *душа, правда, добро, солнце, бог*, слав. *svoję, др.-инд. *ṛtá-* и под.) [3: 28]; [8: 7]; [9: 177–179]. В древнерусском языке синкретичными единицами являются, судя по наблюдениям лексикологов, слова, обозначающие положительную и отрицательную оценку [5: 9], например: *благыи, добрыи, лѣпыи, блаженныи, преподобныи, красныи, большыи, вящыи, изыщныи, лучши, нарочитыи, святыи, славныи, нарядныи, лагодныи, първыи, тунши, унии; злыи, лихыи, лютыи, бѣсовьскыи, вражши, лукавыи, чужши, худыи, тъмныи, чърныи, сквърныи, скарѣдныи, мързскыи, пакостныи, грубыи, жестокыи* и др. (а также производные с данными корневыми элементами).

В процессе предопределяющей эволюции языка смены концептуальных форм ментальности [4] происходит постепенная трансформация семантического синкретизма, проявляющаяся в сужении-конкретизации синкретичного значения (означаемого) параллельно с расширением его лексического выражения (означающего), в результате чего одно синкретичное значение (одна семема) начинает выражаться узуально закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами), представляющими собой минимальные лексиче-

ские единицы древнерусского текста (**синкретемы**). Например: парные именованья — *радость и веселье, суд да дело, стыд и срам, хлеб да соль, гуси-лебеди, путь-дорога*; этимологические фигуры — *светлый свет, красотой украсить, стрелой застрелить, трубы трубят, мосты мостить, думу думать*; словосочетания с постоянными эпитетами (или устойчивыми книжными атрибутами) — *красна девица, синее море, черный ворон; великий князь, святая церковь, крѣстное ѿблование*; описательные глагольно-именные обороты (ОГИО) — *възложити чьсть, взяти рать, въсѣсти на конь, отворити ворота, челомъ бити, судъ дати*; устойчивые сравнительные обороты — *свѣтяще ся яко сльньце, ако агнецъ, яко звери дивши, аки дѣница, яко свѣтила, аки тать в нощи* и др. Подобные устойчивые единицы функционируют и в современном русском языке, однако они чаще всего не фиксируются в фразеологических словарях, так как не отвечают одному из основных признаков современных фразеологизмов — **метафорической образности**. Например: парные именованья — *купля-продажа, молодо-зелено, худо-бедно*; этимологические фигуры — *варится варенье, капает капель, снится сон*; словосочетания с устойчивыми атрибутами — *зачетная книжка, детский сад, домовая книга*; ОГИО — *произвести посадку, дать совет, сделать перестановку* и под. Последовательно фиксируются в словарях, пожалуй, только устойчивые сравнения, поскольку данный вид сочетаний представляет собой «развернутую метафору», например: *как из-за угла мешком прибитый, как кровь с молоком, как по писаному, как в воду опущенный, как за каменной стеной, как на вулкане* и др. [6].

Следует отметить, что в синхронии проблема семантического синкретизма остается абсолютно неразработанной и даже в полной мере не поставленной в связи с априорным представлением о дискретности значений, имплицитно присутствующим в семасиологических исследованиях (а также в лексикографических изданиях), хотя многие ученые указывают на существование «переходных», «контаминационных», «недискретных» лексических явлений — Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, О. Есперсен, Б. А. Ларин, Л. А. Новиков, А. М. Пешковский, Г. Н. Склярская, В. Н. Телия, Е. Урысон, В. В. Химик и др. (например, синкретичное выражение двух значений одного слова, «двуплановость» метафоры, амальгамированность прагматического высказывания, «двоязначность» художественного текста, «диффузность» разговорной речи, «приближение» значений двух слов, зоны «пересечения» между лексико-семантическими группами слов и под.).

Литература

1. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.
2. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
3. Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1990.
4. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007.
5. Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв.: Нормативный аспект. М., 1980.
6. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.
7. Пименова М. Вас. Красотой украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
8. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. М., 1971.
9. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2003.

О роли выдающихся личностей в формировании литературных языков

М. Л. Ремнёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

dekan@philol.msu.ru

Старославянский язык, литературные языки

Summary. The role of outstanding personalities in creation and sustainability of literary languages.

Первый письменный литературный язык, явившийся результатом переводов греческих богослужебных книг для нужд христианского культа, — это старославянский язык. Он был создан на основе одного из славянских диалектов, но особенность его состояла в том, что, во-первых, создавая его, Первоучители и их ученики не могли не зависеть от источника — от норм греческого языка — и, во-вторых, ему было суждено стать литературным языком почти всего славянского мира.

Это был первый письменный, культовый язык славян, язык славянской культуры, для которого не было славянских письменных образцов, поэтому перед его создателями стояли трудные задачи поиска и использования славянских языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических) или использования грецизмов.

Уже в IX–X вв. создатели литературных языков, тщательно работая над каждой конструкцией, над каждым словом и

его фрагментом, не только заботились о точной передаче текстов одного из самых развитых литературных языков — греческого, но и стремились сделать свои славянские тексты стилистически выразительными, а каждое слово — «красивым», тщательно подбирая образующие слова суффиксы и нанизывая их друг на друга.

Первоучители понимали, что общеславянский нормированный литературный язык объединит христианское славянство, способствует осознанию им своего места в разноязычном и разноконфессиональном мире, определит существование славянства как особого (не похожего на другие) мира.

И язык, созданный Первоучителями, уже в IX–X вв., в период становления славянской государственности, оказался не только языком церкви, но и литературным языком, языком государства, права, науки. Созданный гениальными мастерами, он до XVIII в. был литературным языком Руси и России.

Польский язык как источник заимствованной лексики в русском языке Петровской эпохи

(на материале «Путешествия стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699 гг.»)

В. В. Ротарь

Московский государственный областной университет

torik_kit@mail.ru

Русский язык, полонизмы, лексические заимствования, авторский идиостиль, адаптация

Summary. In this report the main features of functioning in Russian language vocabulary (at the period of the end of XVIIth century) of the words borrowed from Polish language are examined. The material of the research is the text of “The Travel Diary by P. Tolstoy in 1697–1699”.

1. Предпосылки использования польских лексем в «Путешествии...» П. А. Толстого

Петровская эпоха — время активных преобразований в языке как важном аспекте существования человека в обществе. Процесс заимствования иноязычных слов в это время осуществлялся за счет контактов их носителей с русскими людьми как устным путем, так и через литературу.

Лексикографическая традиция XVIII века преимущественно указывает на французский, немецкий, итальянский, голландский языки как на источники новых слов, а также как на языки-посредники при освоении интернациональной лексики из латинского и греческого языков. Н. А. Смирнов же одним из первых отметил важную роль польского языка в оформлении западноевропейских по происхождению слов [1: 5, 8].

Характеристика автора «Путешествия...» как языковой личности исходит из положения, что для представителей высшего общества России XVIII века было характерно знание польского языка. П. А. Толстой если не знал язык в совершенстве, то имел возможность использовать его как вторичную систему в целях речевой деятельности. Польский язык — один из приоритетных источников заимствованной лексики в тексте путевых записок Толстого.

2. Особенности функционирования полонизмов в тексте «Путешествия...»

1. Высока степень воздействия польского языка в области фонетического оформления заимствований. Звуковой состав полонизмов в путевых записках Толстого предельно точен относительно произношения их в языке-источнике; способ их передачи в тексте — транскрипция. Характерная черта польского языка — наличие звука [ш] перед согласными (*кляштор*). В случаях оформления слов западноевропейского и латинского происхождения в «Путешествии...» подав-

ляющее большинство относятся к [ш]-вариантам (*гошти-таль*); наличие фонетических вариантов одной лексемы обнаруживается крайне редко (*наспорт / наипорт*). В путевых записках присутствуют слова, звуковой состав которых следует считать закрепившимся традиционно в системе русского языка XVIII века. Воздействие фонетических законов польского языка сказывается на звуковом оформлении лексем не польского происхождения: экзотической лексики, заимствованной из итальянского языка (*шкудо*), латинизмов с устойчивыми [с]-вариантами (*прешепективо*). Многие собственные имена латинского происхождения передаются при помощи другой характерной черты польского языка — [ш] в конце слова на месте латинского [s] (*Плиниус*).

2. Процесс морфологической адаптации заимствованной лексики, сложный по своей природе, также нашел закономерную для Петровской эпохи интерпретацию в тексте «Путешествия...». Влияние польского языка наиболее последовательно проявляется в характерной для Петровской эпохи тенденции к замене финалей слов латинского происхождения *-ia, -io, -tia, -tio* морфемами-субститутами *-ий(a), -ций(a)* (*провинция*). С другой стороны — наличие немногих вариантов, обусловленных передачей одной иноязычной лексемы с помощью разных морфем-субститутатов (*фортеца / фортеция*). Другой характерный способ передачи лексем польского происхождения: замена их финалей русскими морфемами-субститутами (*-ек* на *-ок, -у, -i* на *-ий* — *маршалок*).

3. Слова польского языка в значительной степени повлияли не только на формальную сторону заимствований в русском языке, но и на их содержание. Особенность структуры «Путешествия...» — ограниченность в использовании образных средств, что диктуется стилем и содержанием произведения. Следовательно, в тексте Толстого качественные имена прилагательные немногочисленны; еще меньше по-

добных слов относятся к заимствованной лексике. Как правило, такие прилагательные переходили в русский язык через посредство польского языка с помощью суффикса *-н* (*политичный, артифилиальный*).

Авторская интерпретация смысла новых слов и степень знакомства их носителям русского языка конца XVIII века проявляется через пояснение в тексте «Путешествия...» неизвестных слов с помощью русских по происхождению эквивалентов; для единиц экзотической лексики характерен описательный способ разъяснения смысла слова; иные неизвестные сегодня лексемы приводятся как привычные наименования известных реалий. Пример: тематическая группа заимствованных терминов религиозной сферы употребления (*плебаны, то есть белые поны*). Маршрут путешествия Толстого проходил через страны католического исповедания; в тексте его путевых записок много слов польского происхождения, обозначающих понятия католицизма, но нераспространенных в русском языке, так как в его словарном составе имелись соответствующие наименования, относящиеся к православной ветви христианства (*миа* — обедня). Автор путевых записок стремился развить у читателя восприятие окружающей действительности в познавательном аспекте, и одним из средств для получения новой информации он считает язык. Полонизмы, вступающие в дублетные отношения с эквивалентами русского языка, не только не препятствуют пониманию общего смысла произведения, но и выступают как носители новых оттенков значений, выражаемых данными понятиями. Большинство слов латинского и греческого происхождения приходили в русский язык из западноевропейских языков через посредство польского языка, что сказалось и на их первичном значении; для текста «Путешествия...» характерно применение в конкретизированном значении единиц интернациональной

лексики, которые позже перешли в лексико-грамматический ряд абстрактных имен существительных (*экономиа*).

Стремление автора к тому, чтобы сделать иноязычную лексику одним из главных средств выражения мысли, проявляется в использовании полонизмов в повествовании, не закрепленном за определенной темой, то есть — в бытовой речи. В тексте отражено то, в какой мере фонд общеупотребительной лексики языка Петровской эпохи нуждался в пополнении за счет новых элементов. Пример: для некоторых слов, применяемых у Толстого при имеющихся русских аналогах, преимущественно польского происхождения, характерно в дальнейшем употребление в русском языке в более узком значении, связанном с *военной тематикой* (*клеяноды*). Процесс заимствования Петровской эпохи, как известно, вызывал многочисленные синонимические отношения между словами разных языков, тождественных по семантике. На примере текста Толстого можно проследить обратную тенденцию отказа словарного состава языка от «лишних» лексем (*ганки, баясы* — «перила»).

Факты использования слов польского языка на страницах «Путешествия...» отражают характерные для начала XVIII века тенденции освоения их в словарном составе русского языка, а также своеобразие авторского способа применения новых единиц языка в качестве значимого компонента структуры произведения. В этом заключается одна из показательных черт, иллюстрирующих уникальность текста Толстого как лингвистического источника для изучения истории русского языка, и в особенности — истории заимствованной лексики.

Литература

1. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.

История формирования фазисных связок в русском языке

Д. В. Руднев

Санкт-Петербургский государственный университет

rudnevd@mail.ru

Русский язык; исторический синтаксис; связка; составное именное сказуемое

Summary. The object of the report is history of Russian linking verbs with meaning of rise. It is investigated causes that came to appearance of copular verbs *stat'*, *stanovii's'a*, *(s)delat's'a* in the Russian and some aspects of their use.

В системе связочных глаголов современного русского языка выделяется группа фазисных связок со значением приобретения признака. Оформление этой группы относится к сравнительно позднему времени и, по-видимому, было связано с втягиванием имен на позицию предиката.

К XVII веку среди связок этого типа уже были известны глаголы *(со)твориться* и *учиниться*. Например: *Поча миру ходити* (Исакий) *тако уродом ся творя* (Лавр. лет.); *Изяслав... передь вами не твориться правь* (Ип. лет.); *Не разумеша правды божья исправити Ростовци и Суждальци давнии ствараещя старешии* (Лавр. лет.) — примеры Т. П. Ломтева, см. [4: 101–102, 140–141]. Ни одна из них не сохранилась в современном русском языке, выйдя из употребления в течение XVIII века.

В современном русском языке наиболее распространенной связкой со значением приобретения признака является глагол *стать*. Обычно констатируется древность связочной функции этого глагола, однако те примеры, которые приводят в подтверждение, либо отражают его употребление в качестве знаменательной связки (*оумоленъ ста посреде цркве* (ГБ XIV, 77а), либо в качестве полнозначного глагола вместе с творительным падежом существительного со значением образа действия (*братъ своего же слепивъ а сам црсмь ста* (ЛН XIII — XIV, 66 об.) — примеры С. Ю. Камышевой, см. [2]. Примеры второго типа составляют большинство в древнерусских текстах, но глагол *стать* в них имеет значение «занять место, должность» [5: стлб. 506]; в пользу такой трактовки указывает и то, что в XVII в., когда начинается распространение связки *стать*, он сочетается почти исключительно с существительным в именительном падеже, что было бы невозможно, если бы творительный падеж распространился при связке *стать* в более раннее время.

Судя по всему, образование современной фазисной связки *стать* произошло не раньше, чем глагол *стать* распространился в составном глагольном сказуемом в качестве фазового глагола (последнее происходит во второй половине XVI в. [1]). Фазисная связка *стать* начинает распространяться в XVII в., причем поначалу только в текстах, отражающих разговорную речь. В текстах, ориентирующихся на высокую книжную традицию, значение приобретения признака отчасти передавалось глаголами *(со)твориться* и *учиниться*, отчасти сочетанием имени с формой аориста глагола *быть*; например: *И с того часа получи Савва себе здравие, и се [жена] невидима бысть* (П. о Сав. Гр.), отчасти сочетанием глаголов *начать* и *быть*; например: *И не даша ему королевны, он же начат быти смущен...* (П. о Брунцвике). Стилистическая нейтрализация связки *стать* происходит к середине XVIII в.

Особенностью глагола-связки *стать* в XVII в. была его способность употребляться с предложно-падежными формами существительных абстрактной семантики; например: *...и та церковь стала в забытии до сехъ мест* (Ж. арх. Дионисия); *Потом проведоа Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени...* (П. о Фр. Ск.); *И Аннушка на то стала в радости великой...* (там же). Для подобных конструкций характерен результирующий оттенок. Данная модель возникла и какое-то время сосуществовала с другими похожими моделями, использовавшимися для выражения приобретения признака: *прийти / впасть / вдавваться в + вин. пад. имени существительного*; например: *...и царь указалъ тотъ листъ пред собою чести, и в великое подивление пришелъ...* (П. о Петре златыхъ ключей); *Не по мнозехъ же днехъ Поликраса впаде в недугъ и в болезнь велию зело...* (П. о семи мудрецах). Эти модели широко рас-

пространились в XVIII в. (причем модель с глаголом *впасть* была активна уже в XVII в.) и продолжают существовать в современном языке — Н. Я. Козел отмечает ограничение сочетаемости глаголов *впасть* и *прийти* по мере приближения к современности, см. [3: 81]. В грамматиках они обычно относятся к осложненному варианту простого глагольного сказуемого, однако не меньше оснований считать их вариантом именного сказуемого, учитывая соотношенность моделей *прийти / впасть в уныние* — *быть в унынии*. В любом случае, распространение их в XVII–XVIII вв. является еще одним свидетельством втягивания имени в предикативную позицию.

Связка *стать* употребляется в современном русском языке в паре с глаголом *становиться*, распространение которого происходит лишь в XVIII в.: в XVII в. примеры связочных конструкций с этим глаголом единичны; например: *А видя что королевское ваше величество становиться мне другомъ и добрымъ приятелемъ, нелзе мне у тебя того утаить, только объявлю тебе единой* (П. о Петре златых ключей). Образование коррелятивной видовой пары *стать / становиться* привело к актуализации в глаголе *стать* семы «становление, изменение признака», следствием чего выилось расширение его употребления с компаративом: в XVII в. такие случаи единичны.

Фазисный глагол *делаться / сделаться* возникает в русском языке на рубеже первой и второй трети XVIII в. Один из первых примеров мы находим в произведении А. Кантемира: *Мне с тобой философом делаться столь кстати, / Сколько слепому в очках при свечке читати* (Кантемир, Сатира III). Очень активное распространение этой связки в текстах разной стилевой принадлежности происходит во

второй того же века, в результате чего он заметно потеснил глагол *стать*; например: *Когда б вода была пожисе и не сдобна, / То б сделалась она вся воздуху подобна* (Тредиаковский, Эпистола II); *... мать моя сделалась моею соперницею...* (И. Новиков); *...выдумал он [Ванька Каин] новый способ, чрез который в короткое время сделался сверх своего чаяния пресчастливейшем человеком* (М. Комаров). Причины возникновения связки *делаться / сделаться* не вполне ясны. Возможно, что этот глагол развил связочную функцию в русском языке самостоятельно. В пользу этого свидетельствуют некоторые примеры XVII в., в которых возможно усмотреть зачатки связочной функции: *Из Италианской земли пишут что у них негораздо делается...* (Вести-Куранты, май-июнь 1628). Но более вероятным представляется развитие связочной функции у этого глагола в результате калькирования связочного значения глагола *se faire* при переводах с французского языка.

Литература

1. Демиденко Л. П. Грамматическая и семантическая эволюция словосочетания типа «начать + инфинитив» и «стать + инфинитив» в русском языке // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. XXV. Вып. 1. С. 26–32.
2. Камышева С. Ю. Формирование семантической структуры модуляционно-связочных глаголов в древнерусском языке. Автореф. дисс. ... филол. наук. Волгоград, 1994.
3. Козел Н. Я. О синтаксической динамике статуйных моделей // Вопросы русского языкознания. Вып. XII. М., 2005.
4. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912.

Синтаксические связи и семантическое прошлое слова (на материале языка забайкальской деловой письменности XVIII в.)

С. В. Русанова

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

rusanowa_7@mail.ru

Региональная деловая письменность, семантика слова, синтаксические связи

Формирование в XVIII в. терминологического тезауруса канцелярского делопроизводства сопровождалось закономерной лексической вариативностью, обусловленной синтезом разных языковых стихий. В условиях унификации национальной языковой нормы актуальной оказывается проблема выбора одной языковой единицы из ряда возможных. Как свидетельствуют материалы деловых памятников, такой выбор может быть обусловлен как функционально-стилистическими причинами, так и семантическим прошлым слова.

Так, в деловой забайкальской письменности для наименования кражи имущества в ряду с другими используются два деривата *покража* и *воровство*.

Оба слова вошли в широкий языковой обиход в XVII веке в рамках приказной традиции. Однако если *покража* изначально не отличалась многозначностью семантики, то *воровство* к концу столетия характеризовалось спектром значений [3: 77]; [1: 55]. Многозначность слово сохраняет и в XVIII веке [4: 71]. В то же время, региональные памятники этого периода свидетельствуют о специализации семантики данного слова: на смену общеродовому значению «преступление», которое фиксируется прежде всего в деловой письменности первой половины века, приходит видовое — «кража» (Ср.: [5]; [6]). Данное значение является основным и в исследуемых нами памятниках, однако историческое прошлое слова, на наш взгляд, продолжает влиять на словопотребление, неявно его мотивируя.

Покража выступает в контекстах преимущественно как наименование конкретного, совершенного в определенных условиях преступления (с обязательным уточнением жертвы преступления, места и предметов, подвергшихся краже): *Рапортъ о покраже у канонира Петра Курба | това в Тресковской слободе в зимовье у посадского | Федора Фрышкина из саней суз денгами и товаромъ | на тридцать рублевъ* [2: ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 1, 1769].

Воровство употребляется прежде всего в суждениях общего характера, когда в фокусе внимания находится сам факт преступления, осуществленного против чужой собственности. Исследуемые словопотребления свидетельствуют об общефактическом значении данного имени действия, сохраняющем в преобразованном виде элементы исходной семантики. Это обуславливает употребление *воровства* либо без зависимых компонентов, либо с двумя синтаксическими валентностями: определительной (данная позиция является активной и обычно замещается дейктическими словами) или объектной. Позиции пациенса и места кражи оказываются нерегулярными, достаточно редко заполняемыми. Ср.: *иркуцкого баталиона с¹дату Тимофе^о Никитину за побегъ | и воровство наказание* [2: рапорт, ф. 88, оп. 1, д. 9, л. 359, 1766]; *услы | ша¹ то воровство выше¹ изъ юрты за-кряча¹ почто | воруемъ* [2: рапорт, ф. 88, оп. 1, д. 132, л. 435, 1774]; *и напредь сего | такого воровства нигде не им¹* [2: предложение, ф. 88, оп. 1, д. 130, л. 23, 1774]; *по приводе ево к нему капитану Ниротморцову со увецеования ево о вышеписанно^о воровстве повинную принесъ* [2: допрос, ф. 88, оп. 1, д. 282, л. 77 об., 1781]; *и за воровство будучи в побеге лошадеи гонень ипицрутенъ чрезъ полкъ три разъ* [2: допрос, ф. 88, оп. 1, д. 282, л. 1 об., 1781].

Все вышесказанное обнаруживает еще одну особенность использования слова: в большинстве случаев *воровство* употребляется анафорически, т. е. не для прямого указания на ситуацию, а для отсылки к ситуации, уже упомянутой в предшествующем тексте. Показательны в этом отношении конструкции, в которых встречаются обе лексемы. Первая номинация обычно указывает на конкретный факт совершения кражи с подробным перечислением обстоятельств преступления, второе наименование, будучи анафорическим по функции, выступает как общеизвестное по содержанию: *ездили в кабанской острогъ на ево | Федорова лошаде для по-*

кражи ис купеческой | лавки товаровъ но за помещательствомъ | в тое ночь | незнаемъ^x люди того воровства и^m | зделан^m не удалось [2: допрос, ф. 88, оп. 1, д. 282, л. 71 об., 1781]; за покражу у драгуна московского двадцати семи рублевъ наказанъ при эскадроне тростями и более онъ воровства никакого не чини^l и не за что не наказанъ [2: допрос, ф. 88, оп. 1, д. 282, л. 76, 1781]; при покраже у мещана | нина Зуева из дому пожитковъ по^oлинно не была и про то | и^x с Крюковымъ воровство совсем не знала [2: допрос, ф. 20, оп. 1, д. 813, л. 7 об., 1787].

Данную последовательность в употреблении синонимичных наименований вряд ли можно считать случайной. Сравните встречающуюся в аналогичном контексте пару кража-преступление: за кражу у мещанина ^{жк} Ивана | Зуева пожитко^o <...> наказание на месте | зделанного имъ преступления [2: рапорт, ф. 20, оп. 1, д. 813, л. 101–101 об., 1788].

Для воровства типичными являются контексты, в которых у отглагольного имени актуализируется значение повторности данного вида преступления. Основным средством выражения многократности действия оказывается форма множественного числа, легко образующаяся от слова воровство. Употребление покражи в данной форме нетипично. Ср.: оказавшагося в неоднократныхъ воровствахъ |

и пьянстве <...> отправить на нерчинскую границу [2: указ, ф. 88, оп. 1, д. 106, л. 384, 1773]; я не только во оно | но и некогда ни в каки^x воровства^x и ни по каки^m деламъ | <...> не бываль [2: ф. 20, оп. 1, д. 40, л. 10 об., 1784].

Как видим, в исследуемом региональном узусе употребление дериватов покража и воровство еще не отличаются идентичностью синтаксических связей. На фоне узуальной для региолекта покражи происходит постепенная перестройка актантной структуры воровства, свидетельствующей о продолжающемся преобразовании его семантики.

Литература

1. Благова Н. Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (На материале Уложения 1649 г.). СПб., 1998.
2. Национальный архив республики Бурятия (НАРБ).
3. Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII — начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь, 1979.
4. Словарь русского языка XVIII века. Т. IV. СПб., 1988.
5. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII вв. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
6. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг.: Кн. II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002.

Развитость языковой личности как необходимая черта князя в «Повести временных лет» (на примере анализа речевого поведения княгини Ольги)

В. С. Савельев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Alfertinbox@mail.ru

История русского языка, методы исследования современной лингвистики

Summary. Studying the Russian Primary Chronicle «Povest vremennykh let» (XII century), the author of the article analyzes the communicative behaviour of Saint Olga in her dialogs with different interlocutors, concluding, that the chronicler realizes his conception of the necessary abilities of the linguistic personality, and one of them is to be able to change the speech behavior according to the type of the communicative situation.

«Повесть временных лет» — памятник начала XII века — один из немногих древнерусских текстов, в котором подробно описывается речевое поведение его персонажей. Эта особенность летописи связана с ее дидактическим предназначением: одной из задач ее создателей являлось представить в тексте такие модели поведения, которые воспринимались бы потенциальным адресатом — нынешними и будущими князьями — как образцы, которым следует или не следует подражать. То же касается и речевого поведения: воспроизводя тот или иной диалог, летописец рассказывает князю (или его окружению, которое должно воспитать его как князя) о том, как должно говорить и как должно слушать.

В летописи слова руководят делами: восприимчивая и толкуя чужие слова, персонаж совершает правильные или неправильные поступки. Таким образом, речевое поведение персонажа — способность и неспособность, с одной стороны, воспринимать и правильно истолковывать речь собеседника, а с другой стороны, самому строить свою речь так, чтобы достигать желательного перлокутивного эффекта (воздействовать на собеседника) — является одной из важнейших его характеристик.

Одним из параметров положительной или отрицательной оценки речевого поведения для летописца является способность персонажа оценить собеседника и условия коммуникации, определить свои цели и избрать такую речевую стратегию, которая приведет к их достижению. Вступающий в общение князь должен проявить развитость своей языковой личности, состоящую в умении вести себя образно возникающей коммуникативной ситуации. Именно это свойство обнаруживает княгиня Ольга, которая абсолютно по-разному проявляет себя как коммуникант, общаясь с древлянами, с греческим царем и с патриархом.

Общим в этих коммуникативных событиях является то, что инициаторами общения становятся собеседники Ольги: именно они обращаются к ней в рамках прескриптивных диалогов. Поэтому первой задачей княгини становится понять коммуникативное намерение собеседника, чтобы правильно отреагировать на его предложение.

Древляне — враги, которым Ольга стремится отомстить, поэтому любые их предложения она в завуалированной форме отвергает, каждый раз выдвигая встречные требования, и при этом вводит собеседника в заблуждение, подталкивая его к гибели. Примечательно, что древлян губит отсутствие пронизательности, свойственной Ольге: они оказываются неспособными разгадать «загадки» коварного собеседника.

Иначе воспринимает княгиня греческого царя: тот для нее не враг, а скорее достойный уважения соперник, которого она стремится перехитрить. Характерно, что и в этом случае Ольга достигает своих целей за счет того, что ее собеседник оказался недостаточно пронизателен и не смог постичь ее тайный замысел. Ольга вдумывается в слова Константина «Подобна еси царствовати в городѣ семѣ с нами» и, разумѣвши, что сказанное предполагает невысказанное *Будь моей женой*, наносит «упреждающий удар»: «Азъ погана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крѣсти мя самъ. Аще ли — то не крещюся». И когда уже после крещения Ольга слышит то, что скрывалось за первоначальными словами цесаря, на этот раз говорящего напрямую: «Хоцю тѣ поняти женѣ», она имеет все основания отказать ему: «Како мя хоцещи поняти, а крѣститиъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А въ крестьянѣхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». В конечном итоге мудрая речевая стратегия княгини вызывает восхищение даже у ее оппонента: «Переклюка мя, Олга» (6463 / 955).

Совершенно по-другому княгиня ведет себя в беседах с патриархом: патриархъ поучи ю о вѣрѣ, а она, поклонивши главѣ, стояше, акн гѣба напаяема, внимающи ученью (6463 / 955). В беседах с патриархом княгиня Ольга становится христианином, что в дальнейшем отражается на ее речевом поведении. Так, на смертном одре, обращаясь к любимому, но непокорному сыну, она пытается вразумить его, надеясь на то, что он изменится. Как в притче о блудном сыне, она не удерживает его («Погрѣтъ мя, иди, аможѣ хоцещи»), но дает оценку его поступкам («Видиши ли мя болнѣ сѣцю, камо хоцещи отъ мене?» — не подобает сыну

покидать больную мать, не подобает князю покидать родную землю) и наставляет своим примером даже после своей земной кончины (**вѣ заповѣдала Олга не творити трызны над собою, вѣ бо имѣши прозвѣтера, и тѣ похорони, блаженѣ Олгѣ** (6477 / 969) — Святослав становится свидетелем ее христианского погребения). Таким образом, речь княгини перед смертью — это слова не только княгини, не только матери, но и христианина, тревожащегося за будущую жизнь родного человека.

Таким образом, речевое поведение Ольги варьируется в зависимости от того, кто является ее собеседником и какие цели она преследует: меняется степень ее активности, она ведет разговор в нужную ей сторону или сама стремится быть ведомой, она «отталкивает» собеседника или «принимает» его (об «отталкивающем» и «впитывающем» типах речевого поведения см. [1: 72–76]), она игнорирует слова собеседника или вслушивается в них, чтобы понять его истинные намерения и, соответственно, согласиться с ним или найти такой ответ, который позволит ей одержать победу в диалоге. Именно таким, по мысли летописца, должно быть речевое поведение князя: **он должен уметь слушать, что-**

бы принимать правильные решения. Ведь умение слушать необходимо не только для преодоления собеседника-соперника, но и для учения, умственного взросления внимающего. Поэтому отказ от мудрого наставления воспринимается летописцем так негативно: сын княгини Ольги Святослав **не внимаше... не послуша матери и творяше норовы поганьскыя**, а ведь **еще кто матери не слухаетъ, в вѣду впадае, якоже рече: «Аще кто отца или мать не слухаетъ, смертью да умретъ»** (6463 / 955). Это же относится и к летописи в целом: «Повесть временных лет» представляет собой произведение, требующее от читателя умения не просто читать или слушать, но, главное, понимать то, что стоит за словами, для того чтобы в дальнейшем правильно поступать.

Литература

1. *Винокур Т. Г.* Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов. М., 1988.
2. *Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова.* Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 2000.

Факторы развития систем предударного вокализма в южнорусских говорах

Д. М. Савинов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

crillon@yandex.ru

Диалектология, южнорусские говоры, вокализм, эволюция языка

Summary. The focus of this lecture is to show the capacity of multifactorial evaluation in the process of investigation of different types of Southern Russian vocalism. The usage of this methodology helps in revelation and interpretation of the specific features of pretonic vocalism and gives a chance to reflect to a full extent the diachronic aspect of the investigation.

Одной из важнейших и до конца не решенных проблем изучения южнорусских говоров является вопрос о причинах возникновения и развития различных систем вокализма первого предударного слога. В говорах представлено множество разновидностей аканья / яканья, отличающихся друг от друга типологически, то есть общей системой зависимостей и противопоставлений. Типологическое разнообразие моделей предударного вокализма как после мягких, так и после твердых согласных, а также сама возможность функционирования многих из этих типов обусловлены не только внешней контекстной зависимостью, но и внутренними причинами — качеством самих предударных гласных.

Обобщение данных различных диалектных систем предударного вокализма приводит к мысли, что существуют универсальные факторы их изменения и развития, которые можно разделить на три основных типа.

1. Фонетические факторы. Основным фонетическим фактором, обуславливающим развитие систем аканья и яканья, является регрессивная ассимиляция предударных гласных ударным гласным, связанная с универсальной тенденцией к облегчению произношения. Наибольшее сильное влияние на общую структуру предударного вокализма ассимилятивные процессы оказывают на системы с противопоставленным в первом предударном слоге [а] — не-[а], преимущественно в говорах с архаическим аканьем и яканьем задонской разновидности.

Разумеется, ассимилятивные процессы оказывают влияние и на многие другие системы предударного вокализма, однако их действие ограничено одним условием: наличием в первом предударном слоге корреляции [и] — не-[и], которая определяется фонологическими и морфонологическими закономерностями. В подобных диссимильятивных системах вокализма появление форм с [и] перед /и/ или [а] перед /а/ всегда несвободно от грамматических позиций, а также связано с произносительными особенностями отдельных лексем.

2. Фонологические факторы. Основным фонологическим фактором, влияющим на произношение гласных в первом предударном слоге, оказывается воздействие мягкости следующего за ним согласного. Условно тенденцию к произношению [и] перед мягкими согласными можно назвать **тенденцией к «умеренности»**, результаты этого процесса проявляются в системах умеренного, диссимильятивно-умеренного и суджанского диссимильятивного яканья. Очевид-

но, что на синхронном уровне произношение [и] перед мягким согласным — фонологическая закономерность. Это подтверждает, например, появление звука [и] перед сочетанием согласных с последним мягким: *м[и'мн']ѣть, н[и'кл']ѣ, кр[и'пл']ѣсь* — дистантное фонетическое влияние в данном случае сомнительно. Имеются также и другие доводы в пользу того, что чередование гласных при различных типах вокализма, реализующих тенденцию к умеренности, не обусловлено фонетикой.

3. Морфонологические факторы. К морфонологическим факторам, оказывающим воздействие на различные системы предударного вокализма, можно отнести **грамматические** (особенности звукового оформления различных форм существительных, прилагательных, местоимений, глаголов) и **лексические** (специфика произношения отдельных слов, имеющих постоянный ударный гласный основы). Этот фактор играет важную роль при формировании щигровского типа диссимильятивного яканья, кроме того тенденции к выравниванию звукового оформления парадигмы или к закреплению гласного основы слова действуют при обоянской и суджанской разновидностях диссимильятивного яканья, а также при новосёлковском ассимилятивно-диссимильятивном яканье.

Особенностью всех этих систем является наличие в говоре противопоставления [и] — не-[и], которое способствует сохранению гласного [и] в первом предударном слоге. Морфонологические факторы влияют на выбор гласного перед ударным *о* из *о и *ъ. Так, при щигровском и суджанском типах диссимильятивного яканья звук [а] распространяется в этой позиции благодаря морфонологическому обобщению основ слов с ударением на флексии, при этом в других формах, а также в лексемах с ударением на основе звук [и] может сохраняться: например *сл[а]нѣй* (м. р.), *н[а]мѣй* (м. р.), *гн[а]дѣм*, *р[а]дѣм*, *с[а]пѣм*, но *л[и]сѣк*, *м[и]дѣк*, *в[и]рѣм*, *св[и]крѣвь*. Гласный [а] может произноситься также и перед *о* (из *е и *ъ), что отмечается не только при щигровском или суджанском типах диссимильятивного яканья, но возможно и при обоянском диссимильятивном яканье и новосёлковском ассимилятивно-диссимильятивном яканье.

Анализ предударного вокализма свидетельствует о том, что в «первично акающих» говорах нет простых, линейных систем, образование и модификация которых были бы связаны только с действием одного из перечисленных факто-

ров. В истории их развития обычно действовало несколько тенденций, которые взаимодействовали друг с другом, пересекаясь в некоторых элементах системы. Объяснение конкретного типа предупредительного вокализма исключительно с позиций действия какого-то одного фактора развития не будет учитывать всей специфики системы, не отразит в должной мере диахронический аспект. Необходим много-

факторный анализ синхронных систем вокализма, который позволит учесть не только ведущую тенденцию развития, но всю совокупность взаимосвязанных элементов, отдельных отклонений, свидетельствующих о действии других тенденций, уже потерявших свою продуктивность. В докладе будет приведен пример подобного анализа системы суджанского диссимилятивного яканья.

Причины двойной рефлексии праиндоевропейских «слоговых сонорных» в праславянском

М. Н. Саенко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

veraetatis@yandex.ru

История русского языка, праславянский язык, фонетика

Summary. The article is dedicated to solving the problem of double reflecting of PIE syllable sonorants in Proto-Slavic language and the question, if those syllable sonorants existed or not.

Для праиндоевропейского и праславянского состояния лингвистами реконструируется разное количество слоговых сонорных фонем — от 4-х до 16-ти. Причем вразумительно-го объяснения отражению и.-е. «слоговых сонорных» в праславянском в виде uR / iR не найдено. Позиции дополнительного распределения между двумя типами рефлексов не существует, то есть следует исключить влияние соседних фонем. Бодуэн де Куртенэ, Педерсен и Бернштейн объясняют различие в рефлексах тем, что слоговые сонорные могли быть переднего и непереднего ряда, Ильинский — лабиализацией и палатализацией слоговых сонорных. Однако непонятно, как могли существовать такие противопоставления в системе слоговых сонорных, если соответствующие неслоговые сонорные таких противопоставлений были лишены. А неслоговые сонорные в протославянском и протоиндоевропейском знали лишь четыре основных типа: r, l, n, m. Пассаж В. К. Журавлёва о «нащупывании» [1: 104] представляет собой нонсенс.

Как нам кажется, решение можно найти, если предположить, что «слоговые сонорные» в праиндоевропейском не были самостоятельными фонемами, а представляли собой сочетания сверхкратких фонем («шва») с обычными неслоговыми согласными.

Возьмем корень структуры CVR и разложим по четырем ступеням чередования:

	Нулевая	Редуцир.	Норм.	Продленная
Передний ряд	**g ^{wh} ɾ-	**g ^{wh} ɾ ^h -	**g ^{wh} ɛɾ-	**g ^{wh} ɛɾ-
Непередн. ряд		**g ^{wh} ɾ ^h -	**g ^{wh} ɔɾ-	**g ^{wh} ɔɾ-

- **g^{wh}ɾ- ст.-слав. **гѣѣати**;
- **g^{wh}ɾ^h- ст.-слав. **жръти**, **жрътва**;
- **g^{wh}ɾ- русск. **горн** (< *гърънь);
- **g^{wh}ɛɾ- ст.-слав. **жеравъ** «раскалённый»;
- **g^{wh}ɔɾ- ст.-слав. **горѣти**;
- **g^{wh}ɛɾ- русск. **жар**; **g^{wh}ɔɾ- русск. **гарь**.

И сравним с ним аблаут корня структуры CVT:

	Нулевая	Редуцир.	Норм.	Продленная
Передний ряд	**st-	—	**sēt-	**sēt-
Непередн. ряд		—	**sōt-	**sōt-

- **st- ст.-слав. **гнѣздо**;
- **sēt- ст.-слав. **сѣдѣти** (где ē по закону Винтера);
- **sōt- лат. **solium** (< *sōdiōm);
- **sēt- лат. **sēdārē**;
- **sōt- ст.-слав. **сѣдѣ**.

И аблаут корня структуры CVH:

	Нулевая ступень	Редуцир.	Норм.	Продленная
	—	**təH-	**tōH-	—

- **təH- лат. **dātūs**;
- **tōH- лат. **dōnūm**.

Отсюда можно вывести схему аблаута для всех корней структуры CVC:

	Нулевая	Редуцир.	Норм.	Продленная
Передний ряд	CC	CəC	CēC	CēC
Непередн. ряд		CəC	CōC	CōC

Тогда схема аблаута корня **g^{wh}ɾ- примет следующий вид:

	Нулевая	Редуцир.	Норм.	Продленная
Передний ряд	**g ^{wh} ɾ-	**g ^{wh} əɾ-	**g ^{wh} ɛɾ-	**g ^{wh} ɛɾ-
Непередн. ряд		**g ^{wh} əɾ-	**g ^{wh} ɔɾ-	**g ^{wh} ɔɾ-

Противопоставление между ə₁ и ə₂, по-видимому, аналогично противопоставлению между ě и ō, то есть, является противопоставлением по ряду. Если же принять во внимание тройное отображение шва в греческом (ō, ē, ā), то следует предположить, что в праиндоевропейском существовало три сверхкратких — редуцированные ступени кратких гласных ō, ē, ā. То есть имела место ситуация отчасти параллельная ситуации в библейском иврите, где было четыре сверхкратких гласных: собственно шва (ə), хатеф-сегол (e), хатеф-патах (a), хатеф-камец (o). Параллель, конечно, не абсолютная, поскольку хатефы в библейском иврите — это шва, приобретшее определенное качество в соседстве с гортанными. Позже, уже в отдельных языках сверхкраткие вели себя по-разному: в большинстве языков совпали в одном звуке, тяготеющем к а (в латыни) или к i (в санскрите); в древнегреческом сохранились различия между всеми тремя; в протославянском сохранилось противопоставление между сверхкратким переднего ряда и сверхкратким заднего ряда, в котором совпали хатеф-патах и хатеф-камец (возможно, изменение, параллельное совпадению ā и ō).

Однако сверхкраткие в протославянском были представлены не только в соседстве с сонорными. Возьмем, например, такие праславянские пары, как: *rekq — *tс'і; *tekq — *tс'і.

Ничто другое, кроме сверхкраткого, не объясняет словоформы *tс'і (< *tкōj). Ведь, если бы здесь было **t^hk^hōj, то оно неминуемо дало бы в протославянском *k^hōj как **d^hg^h- дало *g^h-. Предполагать здесь выравнивание по аналогии сложно, ведь аналогия скорее бы дала tēkōj, нежели tьkōj. Следовательно, протославянской формой *tс'і было **t^hk^hōj.

Кроме того, сверхкраткий можно найти в праславянском слове *jъz (ср. лат. ex греч. ἔξ). Предположить здесь позднее, собственно праславянское сокращение сложно, поскольку литовский обнаруживает здесь iš.

Реконструируя для протославянского языка слоговые плавные, мы вынуждены признавать, что эти звуки могли находиться в положении перед гласным, не теряя слогового качества (ср. например санскр. сандхи ɾ + V > rV), причем, в довольно большом количестве лексем. Нельзя сказать, что это вовсе невозможно (ср. сербохрв. *гъоце*), но в сербохорватском р слоговое может находиться перед гласным из-за особенностей исторического изменения сербохорватской фонетики (*гъоце* < *гъръльце*). Закон, вследствие которого протославянское **z'jūs (?) могло получиться из ностратического ***kālU [2, т. 1: 295–296], мы сформулировать не можем. Другое дело, если предположить для данного слова редукцию первого гласного (**kālU > **g'ālūs) при позднейшем совпадении этого гласного сначала с ə, а потом с ě. Таким образом, непротиворечиво и не нагромождая боль-

шое количество маловероятных прафонем, мы выходим из двух затруднительных для компаративистики ситуаций.

Стоит особо подчеркнуть, что сверхкраткие имели фонемную значимость, они образовывали слог, а не были призвуками при плавных.

Орфографические варианты написания гласных после шипящих и *ц* (на материале «Жития Симеона Столпника» к. XV в.)

Е. А. Сивкова

Челябинский государственный педагогический университет

vesiv@mail.ru

История языка, формирование орфографического правила

Summary. In the end of 15 centuries almost all spelling spelling of vowels after hissing is special cases more the general rules of a writing of vowels.

Для выявления специфики написания гласных после шипящих и *ц* в церковнославянском языке XV в. взято «Житие Симеона Столпника» [1: 281–283], входящее «в состав «Сборника житий святых», составленного, отредактированного и собственноручно переписанного Нилом Сорским» [1: 277]. Материал «Жития» интересен и важен для исследования потому, что он рукописный, имеет автора и четкую временную отнесенность.

В «Житии Симеона Столпника» Нил Сорский использует 29 сочетаний шипящих и *ц* с гласными: *ча* — 7 употреблений, *че* — 72, *чи* — 12, *чї* — 2, *ча* — 23, *чо* — 7; *ца* — 23, *це* — 45, *ци* — 22, *цї* — 2, *цѣ* — 11, *цоу* — 2; *жа* — 38, *же* — 177, *жи* — 18, *жї* — 15, *жѣ* — 3, *жоу* — 1, *жь* — 2; *ша* — 89, *ше* — 66, *ши* — 28, *шѣ* — 7, *шоу* — 1; *ца* — 12, *це* — 11, *ци* — 18, *цї* — 1, *цѣ* — 23.

Среди выявленных сочетаний 14 являются графическими, 14 — орфографическими, одно можно назвать условно орфографическим. При разграничении орфографических и графических написаний первыми называются те, которые в исследуемом тексте имеют параллельные, варианты написания, например, для [ч'и] — *чи* и *чї* (*научї* — *точїю*). Графическими считаются такие сочетания, которые в данном материале не содержат вариантов написаний.

Условно орфографическим названо сочетание *ши*, которое должно иметь параллель *шї* (например: *лоучшїи*, ср.: *нощїю*, *бжїи*, на *очїю*), не представленную в данном небольшом по объему тексте.

Покажем выявленные орфографические сочетания парами: *ча* — *ча*, *чи* — *чї*, *ци* — *цї*, *же* — *жь*, *жи* — *жї*, *це* — *цѣ*, *ци* — *цї*. Гласные *и* — *ї* образуют наибольшее количество орфографических сочетаний с шипящими, т. е. положение шипящей или *ц* перед названными гласными для Нила Сорского всегда было орфограммой. Всегда орфографическим является и положение перед гласными *а*, *ѣ*, но только для двух согласных: *ча*, *цѣ*.

Абсолютно четко (без единой ошибки) Нил Сорский разграничивает сочетания *чи* — *чї*, *ци* — *цї*, *жи* — *жї*, *ци* — *цї*, записывая *и* перед согласной или в конце слова, а *ї* — перед гласной (*живота*, не *лжи* — *бжїю*, *мѣжїи*; *нищїи*, *нощїи* — *нощїю*, *миноующїи*; *пѣчина*, *научї* — *точїю*, на *очїю*; *срацини*, *иноци* — *нѣ цїи*). Гласная *и* после *ц* пишется в основном в окончании: на *стѣденци*, *черньци*, на *срдци*, *сциници*; но встречается и в суффиксе (*рци*), и в корне (*срацининь*).

В целом же написание сочетаний *чи* — *чї*, *ци* — *цї*, *жи* — *жї*, *ци* — *цї* не определяется отдельным правилом, а входит в состав более общего правила использования букв *и* — *ї* во всех позициях. В «Житии Симеона Столпника» Нила Сорского и преимущественно пишется перед согласной буквой в середине слова (*единоу*, *дивна*, *симеона*, *сихѣ*, *изволиса*), в конце слова (*скажи*, *ми*, *впроси*), в сочинительном союзе *и*; примеры исключений: с *прилежанцем*, *прицали*; *ї* в основном используется перед гласной буквой: *септєврїа*, *антонїю*, *третїи*, на *питїе*, *сїа*; исключения: *архїандрита* (в тексте есть и *архїандритѣ*), *прїде* (в тексте есть *прїде*, *прїдох*), *есї*.

Сочетания *же* — *жь*. Его выделение в качестве орфографического в тексте конца XV века выглядит спорным. Но, на наш взгляд, в словах *хѣдожьством*, *множьство* автор

1. Журавлёв В. К. Очерки по славянской компаративистике. М., 2005.
2. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь: В 3 т. / Под ред. В. А. Дыбо. М., 1971, 1976, 1984.

после шипящего все же произносил гласный звук. Это устаревшее употребление, и касается оно, скорее всего, только отдельных морфем, в данном случае *-ьств-*. Подобное явление наблюдается в тексте памятника в написании приставок: *сѣтвори*, *сѣблажнѣши*, *възмогоша*, *въздвїже*, *въшед. же* — *жь* — орфографические сочетания, но выбор гласной буквы в них не связан с шипящей, это частный случай орфографического выбора *е* — *ь*, связанного с происхождением гласного, его принадлежностью к определенной морфеме и положением по отношению к ударному гласному звуку в слове.

Сочетания *ча* — *ча*. В исследуемом «Житии» найдено 30 написаний с указанными сочетаниями: *ча* — 23 (76,6%), *ча* — 7 (23,3%). В корне гласные *а* — *а* после *ч* написаны в соответствии с этимологией, без ошибок и вариантов (*чадо*, *зачатѣ*, *началѣ*, *нача*, *начат* — *часть*); суффиксы глаголов имеют варианты написания (*скончѣши* — не *скончѣхъ*, *научахоуса*); написание *а* после *ч* в суффиксах причастий и окончаниях существительных поддерживается написанием *а* в этих формах после других мягких согласных (*плачѣса*, *молча*, *оуча* — *мола*, *живѣше*, *гла*; *врача* — *из монастыра*). Суффиксы существительных имеют вариантное написание (*обычѣи*, *по обычаю* — *по обычаю*).

На примере сочетаний *ча* — *ча* мы видим в тексте XV в. зарождение собственно орфографического правила написания гласных после шипящих, причем в корне написание указанных сочетаний выглядит устоявшимся, а в суффиксах и окончаниях — вариантным.

Сочетания *це* — *цѣ*. В анализируемом памятнике XV в. найдено 34 написания с этими сочетаниями: *цѣ* — 23 (67,6%), *це* — 11 (32,3%). Перед нами четкая картина использования букв *е* — *ѣ* после *ц*: этимологически верное написание *ѣ* в корне (*цѣль*, *исцѣленїа*, *исцѣли*, *исцѣльѣ*, *исцѣльѣше*, *безцѣнный*, *многочѣнныи*, *исцѣльѣвыи*) и распределенное грамматически — в окончании (*лице*, *слнце*; *срцемѣ*, *лицемѣ*; *черньцель* — *въ роу цѣ*, на *роу цѣ*, на *рѣцѣ*; *тацѣхъ*; (*въ*) *велицѣи* (*церкви*); *сѣвѣцѣте*, *тецѣте*). Нельзя сказать, что выделенные позиции касаются написания гласных только после *ц* (сущ. ср. р. в в. п. ед. ч. — *варенїе*, *привидѣнїе*; сущ. ж. р. в м. п. ед. ч. — на *странѣ*, на *горѣ*, на *носѣ*; сущ. м. р. в м. п. мн. ч. — на *столѣхъ*, *въ грѣсѣхъ*). Таким образом, написание *е* — *ѣ* после *ц* в окончании — частный случай выбора этих гласных в данной морфеме.

Проанализировав орфографические написания *ча* — *ча*, *чи* — *чї*, *ци* — *цї*, *же* — *жь*, *жи* — *жї*, *це* — *цѣ*, *ци* — *цї* в «Житии Симеона Столпника», видим, что в конце XV в. почти все они являются частными случаями более общих правил написания гласных. Положение гласной после шипящей и *ц* еще не воспринимается носителями языка как особое.

Исключением из этого может служить только написание сочетаний *ча* — *ча*, показывающее начальный этап формирования собственно орфографического правила написания гласных после шипящих.

Литература

1. Лёнигрен Т. П. Житие Симеона Столпника в автографе Нила Сорского // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: Сб. статей. М., 2000. С. 277–290.

Отражение отвердения и смягчения согласных разных типов в восточнорусских скорописных памятниках первой половины XVII в.

Ю. В. Смирнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ju_sm@mail.ru

Восточные среднерусские говоры XVII в., отвердение и смягчение согласных звуков

Summary. The handwritten cursive documents of the XVIIth century give an opportunity to draw some conclusions about hardening and softening of consonants in the eastern part of the Central Russian dialect area.

В русских скорописных памятниках XVII в. можно выделить несколько типов употребления букв ъ и ь. Так, многими писцами используется единый «немаркированный» знак на их месте. Наличие совпадающих графически вариантов этих букв повышает вероятность их неразличения [6: 219–220]. Последовательная же дифференциация ъ и ь, при которой они употребляются в том числе для обозначения твердости или мягкости предшествующего согласного, считается достаточно редким для скорописи этого времени явлением [2: 130]. При этом целый ряд документов с таким различием присутствует в отказных книгах по Суздальскому, Владимирскому и Муромскому уездам ([РГАДА, ф. 1209, оп. 2, №№ 11332, 11333, 11845, 12616, 12617, 12618]; датированы первой половиной XVII в.), отражающих фонетические особенности восточных среднерусских говоров.

Многочисленные написания ъ и ь, встречающиеся в этих текстах не только в конце, но и в середине слова (последнее бывает в скорописи редко), дают сведения о таких процессах, как смягчение и отвердение согласных звуков различных типов в соответствующих говорах. Исследователям далеко не всегда представляется возможность реконструировать этот участок фонетической системы применительно к диалектам XVII в. ввиду упомянутого выше частотного совпадения ъ и ь в одном знаке. Поэтому выводы, которые следуют из приводимого ниже материала, расширяют наши представления о позиционных изменениях согласных в диалектном языке этого периода.

Прежде всего отметим свидетельства отвердения губных согласных перед суффиксами *ьск и *ьн: *три копыны, губной, деревня*^н, *земьскои, к муромьскому, села Юрьевского, Кошовьскова, на путо*^н *Щебаковьскою* и др. (ъ здесь пишется в подавляющем большинстве случаев). Имеются также указания на отвердение [н']: *благовѣщеньскои, крѣтяньскиѣ, иѣиньско*^н, хотя мягкость могла и сохраняться, ср. *крестьяньские, Елинская* (деревня). Обычны написания ь после *р*: *к мѣтрьски*^н, *црьскихъ, боярьски*^н. Сходная закономерность уже отмечалась для памятников русского языка. Так, в духовной грамоте Дмитрия Донского написания *Ориньское, Фоминьское, Устьмерьско* соседствуют с отражениями отвердения губных (*Малаховьское, Островьское, московскихъ*) [5: 115]. Таким образом, губные перед суффиксом *ьск, очевидно, отвердевали раньше [н'] и [р'] (что касается [н'], то его смягчение до сих пор часто встречается в русских говорах, в том числе восточных среднерусских [3: карта 78]). Но и губные согласные могли в некоторых говорах долго сохранять мягкость — ср. формы *Куземьски, Касимьскава*, отмеченные Е. Будде в говорах севера Рязанской области [1: 340–341, 363].

Кроме этого, ряд написаний свидетельствует о наличии ассимилятивного смягчения зубных согласных перед смягченными зубными и губными: *ездятъ; четвьевѣтямъ, четвьевѣтеи, по дьвена*^н *цети, дьве*. При этом губные перед палатализованными зубными могли не смягчаться: *въ неи, въ земьскои, въ десятины, со въсеми*.

Представляется интересным отражение ассимиляции по мягкости в сочетании «согласный + <j>» на стыке приставки и корня или же предлога и знаменательного слова. В текстах часто встречаются примеры на данную позицию, при этом ъ и ь здесь выполняют две функции — указывают на наличие [j] (или же неслогового [и]) и на твердость / мягкость предшествующего согласного.

Зубной [с] в данном случае последовательно смягчался: *в съѣже*^н; *съ Елиза*^н *ко*^н, *съ Еме*^н *кою*, *съ Якунькою*, *съ Еремькою* и под. Что касается губного [в], то он тоже мог смягчаться: *въ Еропольческую, въ ево, въ Юрьевско*^н. Однако у некоторых авторов отражение мягкости зубного звука сочетается с отражением твердости губного: *съ Еремькою, съ Яково*^н, но — *въ Юрьевьскую; съ Яку*^н *ко*^н, *съѣжаи и*^н *бы*, *съ Еремькою*, но — *въ его; съ Еме*^н *кою*, *съ Е*^н *кою*, *съ Яку*^н *кою*; но — *въ ево, въ его, въ и*^н (по-видимому, данная форма местоимения произносилась с начальным [j]). Заднеязычный же [к], по всей вероятности, не подвергался ассимилятивному смягчению: *къ Ярославьскому, къ ямьскимъ, къ ели* и др.

Как видно, в данной позиции губные звуки также отвердевают раньше зубных. Подобное явление наблюдается и в современном русском литературном языке — зубные обычно смягчаются перед <j> внутри корня, в то время как губные в этом положении могут произноситься твердо (в конце приставки уже распространено твердое произношение как губных, так и зубных согласных) [4: 215, 220].

Наконец, следует отметить отражение отвердения губных в позиции конца слова. Это явление в целом не свойственно современным говорам рассматриваемой территории (исключая случаи типа *столом, ем*) [3: карты 70, 71]. Однако в исследованных текстах встретились примеры *семь дворо*^н, *восмь, во*^н *мь, по рѣчку Ко*^н *пъ* (река *Колпь*), *цркъвъ* и др.

Итак, тексты с функциональным различием знаков ъ и ь свидетельствуют о том, что уже в первой половине XVII в. для ряда говоров восточнорусской территории было характерно несмягчение определенных типов согласных перед <j>. Данные памятников указывают на раннее отвердение губных как в этой позиции, так и перед суффиксом *ьск. Кроме того, тенденция к отвердению губных согласных проявлялась и в положении конца слова.

Литература

1. Будде Е. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
2. Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
3. Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.
4. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
5. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 2005.
6. Тарабасова Н. И. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.

Влияние латинского языка на русский в XVII–XVIII вв.

А. И. Солопов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

scatebr@mail.ru

Summary. The present paper deals with the influence of Latin upon Russian in the 17th and 18th centuries.

В качестве предистории рассматриваются первые контакты славян с латиноязычными территориями, которые были ничуть не менее древними, чем русско-греческие связи.

О влиянии древнегреческого языка говорят чаще. В частности, это объясняется тем, что Россия конфессионально православная страна, а Православная Церковь использует для

своих нужд в основном греческий. Тем не менее первые славяне на Дунае столкнулись не с греками, а с латинским населением Верхней и Нижней Мёзии. К этому периоду относятся древнейшие заимствования, такие, как *капуста* (по всей видимости, от *сарит* или протороманской формы *сарус*), *пена* (из *garum* в форме мн. ч.), *баня* (из *balneum*). О бытовании латинского языка в России более позднего времени известно мало, как и о механизмах изучения латинского и причинах появления образованных людей. Увеличение числа людей, владеющих латинским языком, засвидетельствовано со времени появления в Московской Руси приказной системы. Посольский приказ обязан был содержать хотя бы одного латиноязычного человека (редко когда их было больше трех). Некоторые из них были довольно высокой квалификации, к примеру Антонио Поссевино (*Posseuinus*), ссылаясь на Павла Иовия, хвалит латинский язык русского дипломата Дмитрия Герасимова, который ездил в Рим (ок. 1491 г.), но это единичный случай: на самом деле неясно, откуда Дмитрий знал латынь. Школ не было вплоть до XVII в. Сейчас Б. Л. Фонкичем готовится к изданию книга, обобщающая результат его исследований по преподаванию в России греческого языка, но латинский и греческий, как правило, изучались совместно. До XVII в. никаких школ в России не обнаружено.

Что касается соотношения греческого и латыни в образовании, то с этой точки зрения показательна Геннадиевская Библия, созданная в Новгороде. В ней встречаются формы, переведенные с греческого явно с учетом латинской формы, е. г., ολόκαυστον переведено как *олокаустум*, т. е. в латинизированной форме.

Следует упомянуть о таких деятелях, как Симеон Полоцкий, и о многочисленных попытках создать в России высшую школу (в частности, это пытался сделать Сильвестр Медведев). Наконец, была основана Славяно-греко-латинская академия.

Эта предыстория важна для демонстрации того, что реформы в области образования, проведенные в XVIII в. Петром, не были чем-то из ряда вон выходящим, но основывались на политике, проводимой ранее. Начиная с Петра наблюдается резкое увеличение роли латинского языка почти во всех сферах. Выпускаются книги, как переводные, так и первые латинские книги в России. Первая гимназия — гимназия пастора Глюка — была основана в Москве в 1701 г., но скоро закрылась. Была создана Академия наук — один из важнейших центров образования и просвещения. Важно, что Петр I пытался ввести латинский язык в государственные сферы. Традиционно считается, что показателем госу-

дарственного языка являются надписи на монетах; при Петре появилось несколько монет с латинскими надписями. Впрочем, исключая дипломатию, документов на латинском языке было не так много. Вообще в XVIII в. не сложилась традиция создания документов на латинском языке для внутреннего пользования, только «Наказ» Екатерины II среди прочих был переведен и на латынь. Также в начале XIX в. уставы четырех русских университетов имели латинскую версию, перевод на латынь был осуществлен профессором Московского университета Маттеи.

Однако в целом объем текстов, написанных по-латыни, очень велик. До сих пор мало внимания уделялось такой сфере, как деятельность Русской Православной Церкви в XVIII в. В середине XVIII в. официальным языком преподавания в Славяно-греко-латинской академии стал латинский, следовательно, во всех богословских сочинениях и диспутах использовался латинский язык, что было полезно в полемике с западными конфессиями. В особенности своими латинскими сочинениями известен Феофан Прокопович — ср. е. г. его многотомный труд в защиту православия, никогда не переведенный на русский язык. Кроме того, существует огромное число латинских диссертаций XVIII — начала XIX в. К 1833 г. относится переход преподавания в духовных учебных заведениях на русский язык, в связи с чем русские богословы не могли пользоваться достижениями своих предшественников. Вообще, половину всех созданных в XVIII в. латинских текстов составляют сочинения богословов, поэтому многие труды в области классической филологии написаны семинаристами.

Влияние латинского языка на русский наблюдается в самых разных сферах, начиная с фонетики и кончая синтаксисом. В фонетике это появление новых согласных, например, так называемого «третьего л» (по Е. Д. Поливанову) — [л'], возникшего в результате массового появления в речи латинских слов в немецком произношении. Влияние синтаксиса особенно заметно, начиная с асс. *cum inf.* Распространенным явлением были латино-немецкие конструкции с глаголом, стремящимся к концу (ср. прозу А. Н. Радищева). Ломоносов — один из самых ярких представителей этого стиля, пример русско-латинской диглоссии. Ломоносов сам перевел свои сочинения с русского на латынь или наоборот (ср. «Похвальное слово Елизавете Петровне», написанное по-русски, но впоследствии переведенное на латынь).

В XVIII в. была осуществлена попытка сделать латинский язык вторым языком Российской империи, что идеологически было связано с притязаниями на наследование Римской империи, которая служила образцом для подражания.

Вторичное смягчение согласных в свете исторической интерпретации изоглосс

С. М. Треблер

Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Астана, Казахстан)

gendel@gmail.com

Лингвогеография, историческая фонетика, категория твердости-мягкости согласных

Summary. In the report, it is considered the problem of consonants secondary palatalization in reference to Russian and Belarusian dialects in the light of linguistic geography data. Author proceeds from supposition that incomplete palatalized consonants in Ukraine, Russian, and Belarusian languages are facts of the same nature, and they are evidences of inconsistency of semisoft palatalization in some dialects of East Slavic language area.

Общепризнанным является мнение о том, что условия для формирования функционального противопоставления согласных по ДП «палатализованность / непалатализованность» создал процесс вторичного смягчения согласных — изменение полумягких согласных перед гласными переднего ряда в мягкие. Однако и по сей день дискутируется вопрос о том, все ли восточнославянские говоры в равной степени были охвачены этим процессом.

Характерной чертой современной украинской фонетики является так называемая диспалатализация согласных — наличие твердого произношения перед гласными переднего ряда [e], [i]. Твердые и полумягкие согласные в этой фонетической позиции свойственны юго-западу Белоруссии. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего ряда [e], [i] отмечены и в русских говорах, как в южных, так и в севернорусских. Из этого, очевидно, следует, что становление категории твердости / мягкости согласных, которому предшествовало вторичное смягчение, протекало

по-разному не только в разных славянских языках, но и в говорах одного и того же языка. И, как представляется, древнерусский язык не был единым в отношении явлений, связанных с вторичным смягчением согласных (ВСС).

Уже в классической славистике наметились противоречия во взглядах ученых на ВСС, как в плане хронологии, так и в плане последовательности развертывания отдельных фаз процесса. А. А. Шахматов отстаивал мнение о том, что ВСС произошло в восточнославянском языке-основе в доисторическую эпоху и охватило все восточнославянские диалекты, но позднее мягкость согласных перед [e], [i] южными диалектами была утрачена [8: 127]. Существует и другая традиция в понимании процесса ВСС. Так, еще В. А. Богородицкий допуская, что непереходное смягчение согласных перед [e], [i] пережили не все восточнославянские диалекты древнего периода, в то время как перед другими гласными переднего ряда ([ĕ], [ĭ]) непереходное смягчение было общим для всей восточнославянской языковой территории [2:

287–288]. Каждая из традиционных точек зрения на процесс ВСС имела своих сторонников. За А. А. Шахматовым в этом вопросе следовали А. Е. Крымский, Н. Н. Дурново, Т. Лер-Сплавинский, Л. Э. Калнынь, С. Б. Бернштейн, в настоящее время мысль о том, что в некоторых русских диалектах и в украинском языке осуществилось позднейшее отверждение изначально палатализованных согласных, поддерживает Е. А. Галинская [4: 81]. Многочисленных последователей имеет и предположение о том, что ВСС перед [е], [и] не пережили протоукраинские диалекты и что украинские твердые согласные перед [е], [и] естественнее вывести из общеславянских полумягких, нежели предполагать, вслед за А. А. Шахматовым, переходную стадию их смягчения. Эту гипотезу признают и развивают Е. К. Тимченко, П. О. Бузук, А. Н. Савченко, Н. Ф. Наконечный, Ф. П. Филин, М. А. Жовтобрюх, из современных исследователей — Л. Л. Касаткин [7: 29–32].

К выводу об отсутствии единства процесса вторичного смягчения согласных в разных областях восточнославянской территории исследователи приходят в результате анализа орфографии древних памятников русской письменности, в процессе монографического описания современных русских говоров, сохраняющих согласные неполного смягчения. Все разрозненные сведения о качестве согласных перед гласными переднего ряда [е], [и] в говорах русского, белорусского и украинского языков обобщены и приведены в систему в процессе создания лингвистических атласов этих языков [1], [5], [6]. Основной принцип лингвистического картографирования, разработанный в трудах Р. И. Аванесова, лингвогеографов, принадлежащих его школе, и заключающийся в картографировании явлений всех языковых уровней не изолированно, а как элементов системы диалекта, широко допускает «системное в лингвогеографическом смысле истолкование разнообразной информации, заложенной в территориальном варьировании лингвистических явлений, в том числе и возможность исторической реконструкции» [3: 3–4].

В докладе в свете данных лингвистической географии рассматривается проблема вторичного смягчения согласных применительно к русским и белорусским говорам. Мы исходим из предположения, что согласные неполного смягчения в украинском и в говорах белорусского и русского языков — факты одного порядка, и являются они свидетельством непоследовательности смягчения полумягких в отдельных диалектах восточнославянской языковой области. Предполагается также, что непоследовательность процесса вторичного смягчения согласных должна была самым су-

щественным образом сказаться на продуктивности развивающейся в восточнославянских языках корреляции согласных по ДП «палатализованность / непалатализованность».

При анализе использовалась такая методика интерпретации изоглосс, в основе которой лежат наблюдения над фактами расхождения одних изоглосс и сближения других, с чем связано полное или частичное совмещение ряда ареалов явлений друг с другом. Предполагаем, что ареал в своем картографическом отображении моделирует определенную лингвистическую ситуацию, предоставляя возможность для реконструкции ее предшествующего состояния. Зная закономерности ареального распространения явлений и учитывая, что типологическое единство создается как результат единой тенденции развития на уровне системных отношений в языке, предпримем попытку исторической интерпретации изоглосс.

При рассмотрении вопроса о вторичном смягчении согласных было важно выделить такие комплексы изоглосс, которые в своей совокупности связаны с говорами одних и тех же территорий. Наблюдения такого рода могут дать основание для предположения о едином генезисе либо тесной обусловленности нескольких языковых явлений, несмотря на различия в характере и интенсивности их современного распространения.

Под таким углом зрения были рассмотрены два ареала, образованные наложением изоглосс: Вологодский ареал и ареал юго-запада Белоруссии, характеризующиеся наличием твердых и полумягких согласных перед гласными переднего ряда [е], [и]. Отраженной в лингвистических картах сочетаемости фонетических признаков на территориях Вологодского ареала и ареала юго-запада Белоруссии будет предложена историческая интерпретация.

Литература

1. Атлас української мови. Т. I. Київ, 1984.
2. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. 5-е изд., М.; Л., 1935.
3. *Бромлей С. В.* Русский диалектологический атлас как источник изучения истории русского языка // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
4. *Галинская Е. А.* Историческая фонетика русского языка. М., 2004.
5. Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. I. Фонетика (БСТ). М., 1986.
6. Дзялекталагічны атлас беларускай мовы (ДАБМ). Мінск, 1963.
7. *Касаткин Л. Л.* Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. М., 1984.
8. *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. II, 1. Пг., 1915.

Лингвистическое исследование топографических описаний Западной Сибири XVIII века

О. В. Трофимова

Тюменский государственный университет

otrofim@rambler.ru

История русского языка, историческая стилистика, административный и научный дискурс

Summary. This report dedicated to aspect of linguistic investigation of one of type of Russian writing text, which stands on the interception of administrative and scientific discourses. Questions of historical stylistics and questions of Russian language history are raising on the published and archival source material.

Известные на сегодняшний день опубликованные и хранящиеся в столичных и местных архивах топографические описания Западной Сибири и материалы к ним («Общее географическое описание всея Сибири» и «Предложение о сочинении русской истории и географии» В. Татищева 1734 и 1737 г., ответы сибирских воеводских канцелярий на анкеты Г. Ф. Миллера 1734–1743 г., на Ломоносовскую анкету и анкету Шляхетского корпуса 1759–1761 г., «Топографическое описание Тобольской губернии» 1784 г., «Топографическое описание Тобольского наместничества» 1790 г. и др.) являют собой результат многолетней коллективной работы ученых, геодезистов и канцелярских служителей — как столичных, так и провинциальных. Топографическое описание как цельный и связный текст, таким образом, представляет собой феномен:

1) во-первых, взаимодействия административного и научного дискурсов XVIII века в процессе их становления;

2) во-вторых, конкуренции в структуре итогового текста речевой нормы столицы и регионального (в том числе диалектного) ее варианта (на всех языковых уровнях), отличающегося от столичного, в частности, датировкой вхождения заимствований из восточных языков;

3) в-третьих, это образец многоэтапной целенаправленной работы по созданию вторичного текста на основе разрозненных первичных источников (так, в воеводских канцеляриях шла редакторская обработка местных материалов — ответов на вопросы правительственной или академической анкеты, полученных, среди прочих, и в результате перевода сведений с татарского языка и языков малых народов Севера, как об этом можно судить, например, по набору разных почерков, исправлениям и вычеркиваниям, характеризующим «Ведомость, учиненную на вопросные пункты геодезии прапорщика Павлуцкого по силе присланного указа из Сибирской губернской канцелярии о состоянии Тюмени и о

протчем», которая находится в Тюменском госархиве [ГУ-ТО ГАТО. Д. 4993. Л. 2–47]).

Российские научные программы, предпринимавшиеся на протяжении всего XVIII века (начиная с распоряжения Петра I, признавшего негодной переведенную на русский язык главу о Русском государстве из трактата И. Гибнера) в целях комплексного географического и экономического описания страны, отличались комплексным характером — единством физико-географического, экономического, исторического и в определенных аспектах культурологического описания российских регионов, том числе Сибири, которая в XVIII веке воспринималась отдельно от России. Поэтому топографические описания ценны прежде всего в когнитивном и номинативном аспектах — как источник нового (для

адресата XXI века) «экстралингвистического» знания о мире и о том, что в этом мире было важным для российского государственного человека XVIII века. Представляющие одно из проявлений административного дискурса (со всем иерархически организованным его гипертекстом), топографические описания интересны для лингвиста как реализации конститутивной и интерлингвистической (А. К. Киклевич) функций языка. В прагматико-речеведческом и формулярно-жанровом аспектах тексты описаний (особенно при возможности сопоставления их окончательных версий с материалами, подвергшимися редакторской правке), датированные началом, серединой и концом века, могут дать паспортизированную информацию о становлении одного из типов русских письменных текстов.

Лексика деловой сферы общения в аспекте исследования региональных источников*

Н. А. Тупикова, С. А. Преферансов

ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

iryas@volsu.ru, tupismatic@mail.ru

Русский язык, лексика устной и письменной речи, региональная деловая письменность

Summary. Work is devoted to the comparative analysis of the lexical units, fixed in the regional business writing and oral speech of the Volgograd region habitants. In the research the use of different language means is considered, what is conditioned by the designated purpose of written or oral communication of the native speakers on the territory of this region.

Исследование региональных особенностей функционирования русского языка дает возможность существенно дополнить сведения об особенностях становления общерусских норм общения, проследить судьбу различных пластов лексики в процессе формирования письменной и устной разновидностей речи.

Особую ценность при этом имеют документы, выступающие в качестве средств регулирования официальных отношений, в частности, памятники прошлых лет [2: 175], сохранившиеся в различных архивных и библиотечных фондах, а также записи, сделанные во время диалектологических экспедиций, позволяющие рассмотреть принципы взаимодействия книжных и народно-разговорных, старых и новых элементов, сопоставить особенности региональной речи в различных сферах функционирования русского языка [3: 156].

В качестве письменных источников для отбора фактического материала в данном исследовании избраны документы Царицынского городского магистрата [ДЦГМ — ГАВО. Ф. 233], наиболее ранние из которых датированы второй половиной XVIII столетия. В деловой сфере в это время использование большинства языковых элементов подвергается упорядочению [1: 9–12], однако границы различных рядов лексики еще являются неопределенными, что, в частности, находит отражение в системе словарных помет [САР, т. III, 20–21]. В своей деятельности штат служащих магистрата не мог не соблюдать общепринятые образцы языкового выражения, чем объясняется частотность слов, принадлежащих преимущественно канцелярскому слогу. В рассматриваемых текстах это наименования бумаг, известные еще из приказной традиции: *приговор*, *допрос* и др.; заимствования: *рапорт* (или вышедшее впоследствии из употребления *репорт*), *реестр* и др., лексика, не отмеченная до XVIII века в делопроизводстве: *сообщение*, *прошение*, *доношение* и др.; активно используются слова, указывающие на предметы и лица, которые названы выше или будут упоминаются в содержании: *вышеписанныи*, *сеи*, *означенныи*, *нижеименованныи*, *нижеподписавшиися* и др.; глаголы, причастия, выражающие факт принятия решений: *приказали*, *определено*, *заклучено* (т. е. принято решение — [СлРЯ XVIII, т. 7: 241] и др. Анализ толковых и специальных словарей свидетельствует о том, что многие из используемых слов прочно вошли в деловой лексикон современного носителя русского языка с тем же значением, которое зафиксировано в рассматриваемых текстах. В официальных бумагах зарегистрированы также устойчивые формулы речевого этикета, принятые в XVIII веке для завершения текстов: *покорнейше извещаю*, *в покорности рапортует*, *покорнейше обяв-*

ляю и др., выражения подлинности документа: *руку приложилъ*, *на подлинной подписался* и др., придающие бумаге юридическую силу. Эти и другие формы претерпели изменения в современной деловой речи. Однако следует заметить, что многие языковые единицы, зафиксированные в источниках XVIII века, сохраняют свою функциональную активность в современном письменном и устном общении. В ряде случаев они используются не только в общепринятых литературных, но и диалектных значениях. Например, глагол *приказать* употребляется носителями донских говоров на территории Волгоградской области для выражения совета, рекомендации [СРНГ, т. 31: 236].

В текстах XVIII века отмечены архаичные для современного русского языка языковые средства, обозначающие принадлежность к какому-либо сословию: *мецанинь*, *купецъ*, *посадской* и др.; военный чин: *подпаручикъ*, *генерал-поручикъ* и др.; занимаемую должность: *бургомистръ* и *ратмонъ* (служащие городских магистратов) [СлРЯ XVIII, т. 2: 168], *комендантъ* и т. д.; функционируют сочетания, выступающие в роли способов титулования: *ваше высокоблагородие*, *ваше благородие*, *ваше превосходительство* и др., этикетные слова *высокоблагородный*, *высокопочтенный* для обращения к чиновникам 8-х — 6-х классов по Табели о рангах [СлРЯ XVIII, т. 5: 34, 37], приложения: *господин*, *кавалер* [СлРЯ XVIII, т. 5: 191; т. 9: 185] и др., этикетные эпитеты: *державнейшии*, *вспресветлейшии*, *всемилоствившии* и т. д. Частотны юридические термины. Среди них представлены те, которые являются частью сегодняшнего лексикона и обозначают субъектов судебного процесса: *подсудимый*, *беглый* и др., атрибуты следственного разбирательства: *показание*, *свидетельство* и др., следственные мероприятия: *дело*, *взыскание*, *очная ставка* и т. д.; слова, утратившие прежние значения или вышедшие из состава русского языка: *разноречия*, *пристанодержатель* [СУ, т. 2: 599], *выправка* [СлРЯ XVIII, т. 5: 9]. Ряд наименований из имущественной и торговой сфер также сохранились в русском языке, например, обязательства и свидетельства о денежных и иных операциях: *кредитъ*, *квитанция* и др. В то же время архаичными в настоящее время стали некоторые названия налогов: *подати* и *подушной оклад* и др.

Проведенное исследование показывает, что деловая лексика, обеспечивавшая в XVIII веке потребности определенных отраслей государственной сферы применения русского языка и отражавшая специфику деловой речи, активно использовалась различными слоями и социальными группами населения, что способствовало ее закреплению в современном употреблении.

* Исследование проводится в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 09–06 90401 — Укр_ф_а).

Источники и словари

- ДЦГМ — ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 10; 12; 21; 41; 42; 59; 85; 101; 156; 204.
- САР — Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. / Гл. ред. Г. А. Богатова. М., 2001–2006.
- СЛРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991; Вып. 7–14. СПб., 1992–2004.
- СУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 2001.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–2. М.; Л., 1965–1966; Вып. 3–26. Л., 1968–1991; Вып. 27–41. СПб., 1992–2007 (в тексте в скобках указывается номер тома или выпуска и страницы).

Литература

1. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.
2. Туникова Н. А. Старопольские документы начала XVII века как свидетельство литературно-языкового наследия прошлого // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М., 2009. С. 175–176.
3. Туникова Н. А., Рудыкина Е. С. Речь коренных жителей Калачевского района Волгоградской области (к проблеме взаимодействия литературной и книжной лексики) // Проблемы современной русской диалектологии: Тезисы докладов международной конференции. М., 2004. С. 156–158.

Никоновская «книжная справа» и проблема юго-западного влияния

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Украина)

ustyugova_l_m@mail.ru

Е. В. Шимко

Ужгородская украинская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Украина)

lenashimko@mail.ru

Книжное исправление, старопечатные книги, «проста мова»

Summary. In the lecture is spoken about the necessity of comprehensive research of language of oldprinting books for the decision of question about the degree of the south-west influencing in the process of Moscow book reform of middle XVII in.

Несмотря на то что научное изучение церковного раскола, спровоцированного реформами патриарха Никона, в том числе и исправлением богослужебных книг, началось еще в XIX в., ряд вопросов, касающихся языковых аспектов никоновской и послениконовской «книжной справа», еще нуждаются в дополнительных размышлениях. К таким вопросам относятся и проблема юго-западного (украинского) влияния на церковно-славянский язык московского извода. Исследователи, признающие это влияние (Н. С. Трубецкой, Б. А. Успенский и др.) считают, что киевская традиция одолела московскую и «воцарилась в Москве, сделавшись общерусской» [3: 173–174]. Цель данного доклада — на материале нескольких старопечатных текстов, изданных в Москве и в Юго-Западной Руси до и в период «книжной справа», показать, что для решения вопроса о юго-западном влиянии в процессе московского книжного исправления необходимо более глубокое исследование лингвистического аспекта этого процесса.

Поскольку началом официального раскола принято считать выход Псалтыри 1653 г., мы сравнили текст рукописной Киевской псалтыри 1397 г. и тексты печатных Псалтырей 1632 г. и 1653 г. (ввиду заданного объема тезисов мы не можем привести список источников, но их основные выходные данные указываются). Названные тексты, особенно печатные, почти полностью сопоставимы. Выявленные нами различия касаются прежде всего орфографии, хотя в Псалтыри 1653 г. принципиально новых явлений не зафиксировано. Орфография Псалтыри 1653 и, например, Евангелия Учительного [ЕУ] 1652 г. почти идентичны. Многие из выявленных нами орфографических признаков в ЕУ 1681 г. представлены уже как унифицированные правила. Различия в употреблении временных форм глагола, форм повелительного наклонения, причастий, флексий существительных, прилагательных и т. д. весьма неоднородны с точки зрения установления их возможных причин, что не позволяет такие различия однозначно квалифицировать как следствие никоновской или послениконовской «книжной справа».

Сторонники гипотезы о юго-западном влиянии считают, что никоновская справа продолжала справа киево-могилянскую, когда при Петре Могиле производилась сверка киевских книг с греческими образцами. Мы сравнили фрагменты из Евангелия от Луки по 3-м юго-западным источникам — Переспоннику Евангелию 1556–1561 гг. [ПЕ], ЕУ 1619 г. Кирилла Транквилиона-Ставровецкого и ЕУ 1638 г. Киево-Печерской лавры и обнаружили большое количество лексических и грамматических различий между ПЕ, с одной стороны, и Евангелиями Учительными, с другой: ПЕ на рынок / ЕУ-1619 на распутья / ЕУ-1638 на распутья; на оулицѣ мѣстѣцкыи / и стогны града /

истогны града; и многие другие. Это объясняется тем, что ПЕ представляет собой попытку перевода канонического текста на «простую мову». Характерно, что язык ЕУ 1637 г. (Кир 1002), напечатанного в типографии Киево-Печерской лавры при непосредственном участии Петра Могилы (им написано предисловие, с. 1–8), близок к языку ПЕ. Фрагменты из канонического Евангелия, которые обычно даются на церковно-славянском языке, здесь переведены на «простую мову». Ср.: **зрэдывыгѣ, завше, волаючи, недолѣжности, в зацной Речи посподитой, зычимо** и т. д. Если тексты московских ЕУ-1652 и ЕУ-1581 в большинстве случаев сопоставимы, то в юго-западных ЕУ можно сопоставлять только фрагменты из канонических Евангелий, да и то не всегда. Толкования этих фрагментов полностью различаются. Даже в языке Литургии Петра Могилы 1629 г. (Кир 31) черты т. н. «второго южнославянского влияния» последовательно не соблюдаются, т. е. нет закрепившихся норм церковно-славянского языка. Ср.: **жрътвѣ - Ѡвершѣ, повергъ; всакаа - твоа**. Все это заставляет усомниться в том, что книги именно киевской печати служили образцами в процессе московского книжного исправления, тем более в условиях, когда с конца XVI в. церковно-славянский язык в Юго-Западной Руси был уже в запущенном состоянии, а украинская политическая, религиозная и культурно-просветительская жизнь в XVII в. складывалась под влиянием Брестской унии (1596 г.), спровоцировавшей большие распри между униатскими и православными епископами [2: 77–78].

В Московской Руси, где первоначально был только один Печатный двор — в Москве, книгопечатание находилось в ведении патриарха, поэтому верховная духовная власть осуществляла строгую цензуру. К немосковским изданиям (украинским, белорусским, польским) относились с большим подозрением: московские издания в Юго-Западной Руси могли воспроизводиться буквально, но не наоборот. Например, в 1627 г. К. Транквилион-Ставровецкий хотел издать свое ЕУ в Москве, но к книге украинского проповедника отнеслись резко отрицательно. Ее слог был признан еретическим, и поэтому книгу сожгли [4: 337–338]. Справедливости ради следует отметить, что толкования К. Транквилиона-Ставровецкого в ряде случаев кажутся полнее, логичнее и убедительнее, чем соответствующие толкования в московских ЕУ. После присоединения Украины (1654 г.) в Москву хлынули книги юго-западной печати, но они часто запрещались. При патриархе Иоакиме на книги юго-западной печати началось открытое гонение. Только в 1673 г. изыли 14 изданий. С 1674 г. каждая новоизданная книга перед выходом ее в свет прочитывалась в Крестовой палате в присутствии патриарха [1: 31, 35].

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что, несмотря на значительное количество специальной

литературы, посвященной «книжной справе» и связанному с ней церковному расколу второй половины XVII в., лингвистический аспект этой проблемы нуждается в дальнейшем изучении. Языкового материала, наглядно подтверждающего значительность юго-западного влияния в московском книжном исправлении, в научном обороте очень мало. Большинство лингвистов, рассматривающих проблему книжного исправления, ограничиваются содержанием полемики между противоборствующими сторонами и лишь в отдельных случаях обращаются к памятникам, напечатанным в этот период. Между тем, материалы текстов, изданных до и в период «книжной справы», свидетельствуют о том, что во второй половине XVII в. продолжалось становле-

ние новых норм церковно-славянского языка, обусловленных его закономерным «обрусением». Тексты, напечатанные в этот период, отражают процесс дальнейшей унификации этих норм.

Литература

1. Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970.
2. Русанівський В. М. Історія української літературної мови. Київ., 2001.
3. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живов. М., 1995. С. 162–210.
4. Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 2. С. 333–367.

Категория одушевленности / неодушевленности существительных и норма древнерусского языка

Д. С. Шантаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

pigmalion-87@mail.ru

Категория одушевленности / неодушевленности существительных, норма древнерусского языка, варианты форм

Summary. This report devoted to research of the norm of Old Russian language on the material of variant forms of animate / inanimate category of the noun.

Современная категория одушевленности / неодушевленности существительных берет свои истоки в индоевропейской категории лица / не-лица, заключающейся в противопоставлении личного и неличного (вещественного) родов. Необходимость различать субъект (действующее лицо, человека, активное начало) и объект побудила использовать с этой целью формы винительного-родительного падежа (вин.-род.). Потребность привести в соответствие позиции субъекта, объекта и класса слов, способных занимать эти позиции, имела следствием формирование категории одушевленности / неодушевленности существительных. Для исследования нормы древнерусского языка эффективным является изучение различий форм существительных в разных списках «Повести временных лет».

«Повесть временных лет» представляет собой летописный свод, описывающий события русской истории с 852 г. до второго десятилетия XII века. Мы проанализировали следующие списки «Повести временных лет»: Лаврентьевский (Л.), Троицкий (Т.), Радзивилловский (Р.), Московско-Академический (А.), Ипатьевский (И.), Хлебниковский (Х.), Воскресенский (Воскр.).

Сравним следующее предложение: *Ярославъ иде на Мазовъшаны, и побѣди я, и князя* (В. п = Р. п. — одуш.) *ихъ уби Моислава* (В. п = Р. п. — одуш.), *и покори я Казимиру* — такой вариант предложения мы встречаем в Р. и А. списках. В Лаврентьевской же летописи: *Ярославъ иде на Мазовъшаны, и побѣди я, и князя* (В. п = Р. п. — одуш.) *ихъ уби Моиславъ* (В. п. = И. п. — неодуш.), *и покори я Казимиру*.

По словам Л. П. Якубинского, распространение винительного-родительного падежа на все названия лиц мужского пола происходило постепенно, так как в отдельных случаях контекст давал возможность безошибочно определить, где объект, а где субъект. Первоначально винительный-родительный падеж существительных выступает как синтаксическая форма выражения объекта в зависимости от контекстных условий. В дальнейшем он (вин.-род. падеж) морфологизируется, становясь падежным окончанием определенного типа слов вне зависимости от контекста [3: 184].

Поскольку Лаврентьевская летопись (1377 г.) является более ранним памятником, то, возможно, здесь винительный-родительный падеж еще выступает в качестве синтаксической формы выражения объекта в зависимости от контекста. В Радзивилловской (вторая половина XV в.) и Московско-Академической (вторая половина XV в.) летописях винительный-родительный падеж уже успел морфологизоваться и стал падежным окончанием одушевленных существительных вне зависимости от контекста.

К такому же типу примеров относится предложение: *И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира (Перуна кумиръ — И.) надъ рькою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу*. Две формы выражения категории

одушевленности / неодушевленности существительных: *кумира, или Перуна кумиръ*.

Рассмотрим еще один пример: *Се прислася ко мнѣ Словѣнска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могъ имъ протолковати святаыя книги*. В данном предложении существительное *учитель* выступает как одушевленное (в форме винительного-родительного падежа). Этот вариант существительного отмечается в Лаврентьевском списке, но в Воскресенском летописном списке в соответствующем предложении мы имеем форму *учитель* ср.: *Се прислася ко мнѣ Словѣнска земля, просящи учитель собѣ, иже бы могъ имъ протолковати святаыя*. В данном предложении существительное *учитель* является грамматически неодушевленным (в форме винительного-именительного падежа).

Категория одушевленности / неодушевленности существительного складывается в русском языке к XV в. В древнерусский период не было грамматического противопоставления живого, «одушевленного» существа неодушевленному, как в современном русском языке, а именно противопоставление лица и не-лица, социально активного человека всему остальному [3: 182]. Слово *учитель* обозначало социально полноправного члена древнерусского общества. Однако в Воскресенском списке это имя выступает в качестве неодушевленного. В данном случае существительное *учитель* грамматически неодушевлено, так как в тексте не указывается конкретное лицо, имеется в виду любой учитель.

Разночтения в списках «Повести временных лет» мы связываем с нормой древнерусского языка, колебания которой связаны с процессом формирования категории одушевленности / неодушевленности существительных в древнерусском языке. Под нормой в применении к древнейшему периоду А. Едличка понимает: «совокупность соответствующим образом реализованных языковых средств, принятых в данном языковом обществе как обязательные, и те закономерности, которыми определяется употребление языковых средств» [1: 18].

М. Л. Ремнева на материале памятников XI–XVII вв. выделяет строгую норму и норму сниженного типа. «Строгая норма церковнославянского языка, которая в определенном отношении была „равна“ самому церковнославянскому языку, его грамматической системе». «Грамматическая норма сниженного типа характеризуется наличием языковых явлений, выходящих за пределы системно-языковых потенций церковнославянского языка. Характерной чертой этого типа нормы является набор вариантных средств для определенных грамматических отношений» [2: 31].

В «Повести временных лет» реализуется грамматическая норма сниженного типа. Приведенный нами выше пример является тому доказательством: *и князя ихъ уби Моиславъ* (Л.) — *и князя ихъ уби Моислава* (Р., А.). Эти разночтения являются вариантами выражения значения одушевленности /

неодушевленности существительного. В Лаврентьевском списке категория одушевленности / неодушевленности существительных выражается с помощью окончания нарицательного *князя* (вин.-род), существительное *Моиславъ* имеет окончание винительного-именительного падежа. В поздних списках эта категория выражается через окончание винительного-родительного падежа и нарицательного существительного *Моислава*. Наличие таких вариантов отражает динамичность нормы древнерусского периода.

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что разночтения в списках «Повести временных лет»

связаны с древнерусской нормой сниженного типа, которая реализуется в «Повести временных лет» и характеризуется относительной подвижностью и динамичностью, что допускает наличие вариантов.

Литература

1. *Едличка А.* Проблематика нормы и кодификация литературного языка в отношении к типу литературного языка // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976. С. 16–39.
2. *Ремнёва М. Л.* История литературного языка. М., 1995.
3. *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

К истории вторичных имперфективов с суффиксом *-ыва- / -ива-* в русском языке

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mnsheveleva@mail.ru

Вторичные имперфективы, древнерусская модель имперфективации

Summary. As the Old Russian chronicles show, the Russian suffix of imperfectivization *-ыва- / -ива-* was quite productive in the 12-th century already, but it was not appropriate to standard literary texts. In the 16-th century the currency of some *-ыва-* verbs increased, but not the number of such verbs.

1. Как известно, суффикс *-ыва- / -ывај-* (*-ива- / -ивај-*) является специфически вост.-слав. средством имперфективации, сложившимся в др.-рус. в результате самостоятельного развития ([4: 244]; [3: 262]; см. также [1: 148]). Ранние примеры имперфективов на *-ыва- / -ива-* отмечаются в памятниках XII в., при этом традиционно считается, что первоначально они очень редки и на протяжении XII–XVI вв. продуктивность этого суффикса растет [3: 262]; [6: 198–199]. Интересные данные относительно истории имперфективов на *-ыва- / -ива-* дают летописи XII–XVI вв.

2. Киевская летопись XII в. [2] известна широким отражением особенностей живого языка. В [2] вторичные имперфективы с суфф. *-ыва- / -ива-* представлены очень широко: *воскладывати, востаживати, вырѣзывать, докоучивати, замысливати, наравживати, оправливатися, оставливати, отомьщиватися, повабливати, поноуживати* и др. — всего 39 глаголов в 60 употреблениях. Имперфективы на *-ыва- / -ива-* свободно образуются от разных основ, в том числе и тех, которые в совр. литературном языке представлены с суфф. *-а-*, ср.: *Се ва оставливаю Къстажжа мужа своего* 1146 г., 121; *чѣрныѣ оутѣшиваю и всѣ игоумены оутѣшиваю* 1179 г., 215; *рѣкы са смерзываютъ* 1150 г., 147 об.; *Рюрикъ же почя слати ко Стѣславу поноуживаю его...* 1187 г., 227 об. и др. Встречаются варианты образования на *-ыва-* и *-а-* от тех же основ (ср.: *много ти лиха замысливати* 1150 г., 144 об. — *бѣ почаль замыслити* 1155 г., 172 об., *нача рать замыслиати* 1158 г., 175 об.). Изредка отмечаются колебания по спискам моделей на *-ыва- / -ива-* и на *-а-* (*складывае*^м 1155 г., Х. П. — *съкладаемъ* Ипат.), в абсолютном же большинстве случаев образование на *-ыва-* (*-ива-*) читается во всех списках КЛ.

Явно [2] отражает живую модель имперфективации, очевидно вполне продуктивную в др.-рус. языке XII в. (ср. показательное соседство с парным глаголом СВ: *ходи Романъ Мьстиславичъ на атвагы отомьщиватьса... и отомьщиватьса возвратиса* 1196 г., 241 и др.).

3. Суздальская летопись XII — нач. XIV в. [7] отличается более книжным характером, чем [2]. Имперфективов с суфф. *-ыва- / -ива-* в [7] меньше: всего 7 глаголов в 9-ти употреблениях, при этом большая часть случаев относится к записям XII в., восходящих к общему с [2] источнику, — большинство из них совпадает с [2]. Только 2 случая обнаруживается в части [7] за XIII–XIV вв., один из которых — в Приписке Лаврентия (*исправливаю* 1377 г., 173). В варианте продолжения [2] за XIII в., представленном в Ак. (= Новг. IV, Соф. I) списках имперфективов с суфф. *-ыва- / -ива-* нет совсем.

«Снижение» употребительности имперфективов на *-ыва- / -ива-* от XII в. к XIII в., обнаруживающееся при сравнении [2] и [7], никак не связано с изменением продуктивности этой модели в живом языке — это усиливающиеся ограничения со стороны книжной традиции. В [7] образования на *-ыва- / -ива-* в основном сохраняются в чтениях, восходя-

щих к общему с [2] источнику XII в.; такая форма появляется и в Приписке, где нормативная установка была более свободной.

4. В заключительной части [4] за XV–XVI вв. (1425–1558 гг.) употребительность имперфективов с суфф. *-ыва- / -ива-* существенно возрастает, однако растет именно их частотность, а не количество: зафиксировано 40 глаголов в 135 употреблениях (ср. в [2] 39 глаголов в 60 употреблениях), причем 60 употреблений приходится на глагол *сказывати* и 20 — на *приказывати*. Идет процесс закрепления суфф. *-ыва- / -ива-* за определенными основами, уменьшается вариативность. Круг образований на *-ыва- / -ива-* вряд ли существенно расширяется сравнительно с XII в.: сопоставление списка таких основ в [4] и [2] показывает совпадение примерно на 1/5 (*оставливати, подьмолвливати, покладывати, приказывати, прикладывати, припрашивати, сказывати, оуправливати*), однако именно в [2] зафиксирована большая часть глаголов, отсутствующих в совр. литературном языке, но известных в северных говорах (*докучивать, наравживать, оправливаться, смерзывать, укаривать, утешивать* и др. (см.: [5]) — состав имперфективов на *-ыва- / -ива-* в [4] ближе совр. литературному.

5. Специфически вост.-слав. модель имперфективации была продуктивной уже в XII в., но книжной традиции она была несвойственна. Дальнейшее развитие связано с распределением моделей на *-ыва- / -ива-* и на *-а-*, характерным для говоров Центра и впоследствии литературной нормы нового времени. Закреплено суфф. *-а-* у ряда основ в литературном языке могло способствовать и второе южнославянское влияние XV — нач. XVI в., поскольку модель на *-а-* соответствовала болгарской. Сложившееся представление о существенном росте продуктивности суфф. *-ыва- / -ива-* на протяжении XII–XVI вв. обусловлено в действительности значительным увеличением объема не книжных источников.

Литература, источники

1. *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
2. Киевская летопись XII в. // Полн. собр. русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
3. *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
4. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
5. Никоновская летопись XVI в. // Полн. собр. русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. XII. СПб., 1901; Т. XIII. СПб., 1904.
5. Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецов. М., 2006.
6. *Силина В. Б.* Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.
7. Суздальская летопись // Полное собр. русских летописей. Т. 1. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927; Вып. 3: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л., 1928.

У истоков русского языка исторических трудов нового времени: языковое оформление «Истории Российской» В. Н. Татищева

О. Н. Шевцова

Южный федеральный университет (Ростов-на Дону)

oksana_shevtsova@bk.ru

Язык исторического повествования, летописная традиция, эпитет, архаичные формы

Summary. The language of scientific historical text of V. N. Tatischev based on the annalistic tradition, but the culture and linguistic standards of XVIII century influenced appreciably on it.

В истории формирования и развития исторической науки в России особое место принято отводить историку второй четверти XVIII в. В. Н. Татищеву. Его труд «История Российская», создававшийся, по оценке современного исследователя трудов Татищева А. П. Толочко, с 1727 г. по существу до конца его жизни в 1750 г., является одним из наиболее цитируемых в исторической науке вплоть до наших дней.

Вместе с тем отмечается, что труд Татищева в значительной мере не утратил связи с летописной формой изложения исторического материала. Это не случайно. Типичная для летописного периода в развитии исторических знаний событийно-повествовательная форма изложения материала сохранялась при распространении взгляда на историю не столько как на выражение высшей воли, сколько как на результат деятельности выдающихся личностей прошлого. Фактический материал, свидетельствующий об этой роли исторических личностей, о становлении и развитии государства на Руси как главного объекта исторического познания также черпался главным образом из летописного материала.

На этой почве возникало противоречие между потребностями отечественной культуры нового времени в накоплении и распространении исторических знаний, в развитии интереса к прошлому и пережитками в трудах историков летописной традиции. Вместе с тем в еще более значительной степени влияние этой традиции было заметно на языке татищевского исторического повествования. Такое влияние оказывалось заметно в целом ряде его фрагментов. Так, это сказалось на записи о событии, которому российские историки середины XVIII в. уделяли особое внимание и связывали с ним начала государства на Руси. Татищев так писал об этом событии:

«Лето 862. В Ладоге престол. Синеус в Белоозере. Трувор в Изборске. Рюрик со братиею и со своими домами, собравшись и взяв русь с собою, пришли к славянам и утвердили старый город Ладогу. И сел старший из них Рюрик в Ладоге, другой Синеус сел у нас на Белоозере, а третий Трувор в Изборске. И от тех варяг прозвалась страна сия Русь, что потом Новгородская страна именовалась; ибо прежде были князи по родам их, ныне владеют бывшие от рода варяжского».

По содержанию данная запись Татищева построена на летописном тексте. Так, ее фрагмент: «Рюрик со братиею и со своими домами, собравшись и взяв русь с собою», соответствует записи в летописи: «изобрашася 3 братья с роды своими и пояша по себе всю Русь». У Татищева продолжение этой записи выглядит таким образом: «пришли к славянам и утвердили старый город Ладогу. И сел старший из них Рюрик в Ладоге, другой Синеус сел у нас на Белоозере», а третий Трувор в Изборске. И от тех варяг прозвалась страна сия Русь» также соответствует тексту летописи: «и придоша старейшии Рюрикъ седее Новеороде, а другии Синеушь на Белоозере, а третии Изборьсте Труворъ, и от тех варягъ прозвася Руская земля».

До продолжения текст Татищева и летописный текст в целом совпадают. По-иному даны у Татищева лишь деепричастия. Архаичные для XVIII в. формы «изобрашася» и «пояша», содержащиеся в летописи, заменены историком более современными формами деепричастий: «собравшись» и «взяв». Также летописному тексту соответствовало продолжение с заменой архаичных форм глаголов на более соответствовавшие языку своего времени: вместо «придоша» — «пришли», а вместо «прозвася» — «прозвалась». Прямое влияние языка летописного текста на язык текста «Истории Российской» Татищева несомненно.

Приведенный пример относится к тексту весьма краткого летописного сообщения, которое воспроизведено Татищевым не только по смыслу, но и по вербальному оформлению. Еще один пример связи летописного текста с текстом Татищева относится к значительно более сложному сообщению летописи, посвященному убийству в 1174 г. князя Андрея Боголюбского. По структуре текст Татищева, как и текст летописи, начинается с панегирика князю. Однако по конструкции летописный и татищевский панегирики различались. Так, у Татищева содержится фраза: «сей благоверный и христолюбивый государь от младости возлюбил Бога и душу свою всеми добродетелями украсил, подобен был Соломону». В данном отрывке содержатся две мысли. Одна из них относится к его качественной характеристике и содержит эпитеты: «благоверный» и «христолюбивый». Эти эпитеты подтверждаются фразами, в которых имеется указание на действие: «возлюбил Бога» и «душу свою всеми добродетелями украсил». Вторая мысль состоит в том, что Андрей Боголюбский сравнивался с царем Соломоном. В летописном тексте эти две мысли также содержатся, но разведены. В летописи сначала говорится: «Се благоверный и христолюбивый велики князь Андрей от млады версты Христа возлюбил и всепречистую его матерь». Сравнение князя с царем Соломоном также имеется. В летописи говорится, что князь Андрей «вторый мудрыи Соломон бывъ». Но оно содержится не напрямую, после указания на любовь Андрея Боголюбского к Богу, но значительно ниже по тексту. Татищеву удалось сохранить и донести главную мысль летописного повествования. Вместе с тем ему как рационалистически мыслящему историку XVIII в. удалось выделить основную идею той части летописного повествования, к которой относится приведенный фрагмент текста и, очистив от дополнений, продемонстрировать читателю высокую оценку князя, которую давал летописец, сравнивая его с царем Соломоном. Подчеркивая содержание в летописи этой мысли, Татищев отметил наличие тем самым в летописной оценке Андрея Боголюбского характерного для русской средневековой литературной традиции сравнения мудрого князя с ветхозаветным царем, известным своей мудростью. Сравнение историком князя с царем Соломоном, выразительно данное Татищевым и стилистически сконцентрированное, подчеркивало для читателя средневековые основы авторской характеристики Андрея Боголюбского. Оно представляло собой своеобразную переключку культур времени создания летописного рассказа о гибели князя и исторического труда эпохи Просвещения. В последнем при всем единстве тематики повествования и образного ряда языковое и стилистическое оформление мысли очень существенно изменилось. Такая переключка состоялась благодаря потребности русского общества XVIII в. в поисках своих исторических корней и своей исторической идентичности. Язык труда Татищева был средством понимания русским обществом того времени культуры ушедшей в прошлое эпохи русской истории и, в частности, времени княжения и гибели князя Андрея Боголюбского. Язык Татищева делал это время и это событие понятным для русского читателя XVIII в.

Приведенные фрагменты труда В. Н. Татищева свидетельствуют о том, что его язык в значительной мере строился на материале источника, которым пользовался историк — языка летописи. В то же время в нем проявлялись следы существенной переработки этого языка в свете потребностей и норм культуры своего времени. С такой переработки начал формироваться нормативный язык исторических трудов

нового времени, или зарождавшейся российской научной историографии. Вместе с тем, очевидно, что такая переработка только начиналась. Не случайно поэтому выдающийся труд этого историка стал объектом пристального внимания исследователей русского прошлого, однако не стал объ-

ектом более широкого общественного внимания. Для того чтобы представить исторический труд более широким слоям читательской публики, потребовались общие сдвиги в русском языке, которые произошли не ранее начала XIX в., и литературный гений Н. М. Карамзина.

Последний всплеск высокого стиля на Украине в контексте проблемы формирования общего культурного языка славянства

Е. В. Шимко

Ужгородская украинская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Украина)

lenashimko@mail.ru

Книжно-письменная традиция, церковно-славянский язык, юго-западная книжная традиция

Summary. Communication of «high style» of literary Russian with the attempts of creation of «common» cultural language of Slavs is analyzed in the lecture.

«Сознание движется по миру на повозке языка и возвращается обогащенным к самому себе» [5: 8] — это не только остроумная метафора, но и программа научного исследования многих языковых реформ и изменений. Связь языка с внеязыковой (социальной) действительностью всегда казалась бесспорной и ясной настолько, что практически любое изменение в языке объяснялось экстралингвистическими факторами. Между тем соотношение языка к различным областям и сферами человеческого бытия нередко зависит от чисто теоретических установок и кодификаторской деятельности реформаторов.

Изучение эволюции лингвистических взглядов, направленность реформ и «рефлексий», начиная с древнейших периодов и вплоть до середины XVIII века, свидетельствует о том, что языковое творчество кодификаторов было направлено на формирование единой, обще-восточнославянской редакции церковно-славянского языка — литургического и литературного языка в едином культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa*. Именно такая трактовка многих тенденций в эволюции книжно-письменной традиции у восточных славян — в частности, никоновской «книжной справы», «второго южнославянского влияния» — появилась в последнее десятилетие в современной научной литературе.

В этом контексте особого внимания заслуживает «высокий стиль», выделенный М. В. Ломоносовым, так как требования, ранее предъявляемые ученым к данному стилю, становятся отличительными характеристиками «общего культурного» языка славян. Это проявляется в отборе лексических средств, жанровой и стилистической принадлежности произведений, сфер их функционирования, тематической направленности. Именно этими факторами объясняется языковая близость подавляющего большинства произведений, написанных высоким стилем, независимо от национальной принадлежности автора. Нередко весьма тяжело квалифицировать язык того или иного литературного произведения.

Сказанное в полной мере касается языка философских произведений Г. Сковороды, относительно которого у исследователей нет однозначного мнения.

В научной литературе можно встретить весьма разные характеристики языка писателя: «Г. Сковорода писал свои произведения сложным языком, который характеризуется смещением традиционного церковно-славянского, старокнижного украинского и русского языков того времени с живым разговорным...» — отмечается в предисловии к двухтомнику собрания сочинений автора [2: 31, 35]. «Длинная цепочка писателей пишет лишь... славенороссийским языком „высокого“ стиля: этим же языком пишет и наш философ Г. Сковорода» — писал И. Огиенко [4: 118]. «Язык Г. Сковороды — выдающийся образец русско-украинского единения» — отмечал И. К. Белодед [1: 73].

На морфологических и синтаксических конструкциях «лежит отпечаток традиционной книжной выучки, ... которая была присуща в это время и русскому языку» — отмечается в учебнике «Курс истории украинского литературного языка», Исследователи безоговорочно признают, что с одной стороны, Г. Сковорода, будучи высокообразованным человеком своего времени, в совершенстве владел украинским книжным и разговорным языком того времени, а с дру-

гой — что, странствуя не только по Украине, но и Курской, Орловской и др. областях России, должен был использовать язык понятный всем и с первую очередь, местному населению, т. е. «общий» культурный язык.

Наиболее показательным в этом плане оказывается употребление причастных форм, особенности, функционирования которых отличны в русском и украинском языке, а также в книжной и разговорной традициях. Позволим себе отметить, что особенности употребления именных глагольных форм в философских произведениях Г. Сковороды, сохраняя традиции церковно-славянских аппозитивных причастий, отражают характерные для юго-западной книжности традиции:

1. Аппозитивным причастным формам философских произведений Г. Сковороды присуща определенная семантика качественности, которая была весьма развита в украинской «простой мове» и развитие которой у русских причастий связывают с влиянием французского языка;

2. Аппозитивным причастным формам философских произведений Г. Сковороды присуща значительная синтаксическая независимость, и поэтому обороты типа, *единожды солгавше, кто тебе поверит*, определенным образом можно связывать и с литературным языком Юго-Западной Руси, а не только с влиянием западноевропейских языков.

3. Синтаксическая независимость причастных форм, возможность обозначать не дополнительное, а основное действие, обуславливает наличие у аппозитивных причастий категории абсолютного, соотнесенного с моментом речи, времени. Поэтому формы типа *гадав, гадавше, читав, читавше, произойдуче, выйдя, пройдя* и подобные можно рассматривать как такие, у которых по образцу юго-западного книжного языка сохраняется способность форманта обозначать настоящее или прошедшее время.

4. Вариативность окончаний — *e / u* аппозитивных причастий именительного падежа мужского рода, как правило, объясняют влиянием разговорного языка. Однако, тот факт, что в русском «простом языке» последовательно используется исконное *-e* в отличие от украинской «простой мовы», в которой преобладает *-u*, разрешает связать это явление с юго-западной редакцией церковно-славянского языка, в частности, и с попытками создания «общего» культурного языка славян, в общем.

Таким образом «общий» литературный язык в силу разных причин не стал орудием культурного, политического и делового общения славян, несмотря на то, что в разные эпохи актуализировалась идея «единства славянского самосознания», «славянского христианства».

Литература

1. Білодід І. К. Києво-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов (нариси з історії української літературної мови). Київ, 1979.
2. Видатний український філософ і письменник // Григорій Сковорода: Твори в двох томах. Т. 1. Київ.
3. Курс історії української літературної мови / За ред. академіка І. К. Білодіда. Т. 1. Київ, 1958.
4. Огієнко І. Історія української літературної мови. Київ, 1995.
5. Степанов Г. В. Типологія мовних состоянь і ситуацій в стра-нах романської речі. М., 1976.

Стандартизация: узус или норма в деловой письменности XVIII века?

И. А. Шушарина

Курганский государственный университет

venedy@mail.ru

Деловая письменность XVIII века, стандартизация, узус, норма

Summary. The paper deals with problems of standardization in the language of a regional (Southern Trans-Urals) business writing XVIII century. It is concluded that usual savings in the texts of the local offices before the end of the century is not so much as in the texts of central offices.

В последнее десятилетие большинство исследователей деловой письменности XVIII века говорит о стандартизации языка документов, выработавшейся во второй половине столетия. Стандартизацию видят в формуляре, в этикетных наименованиях, в грамматике, однако при всем том ученые обращают внимание и на широкую вариативность, отражающуюся в исследуемых текстах. При этом многие полагают, что «вариативность как свойство языковой системы не исключает обязательности и не противопоставлена норме» [2: 17], и тем самым ставят вопрос о существовании в русском языке XVIII века нормированной письменной речи. Однако следует заметить, что в грамматиках В. Е. Адодурова (1738–1740), М. В. Ломоносова (1757), Н. Г. Курганова (1769), А. А. Барсова (1783–1788) современное им состояние языка лишь описывается, фиксируется, но строгие рекомендации правильного использования вариантных форм отсутствуют.

Чтобы понять, что есть **стандартизация** делового письма в XVIII веке, нужно проанализировать, в чем она выражается, а также еще раз определить, что считать нормой, а что — узусом.

Обычно под нормой понимают «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [3: 337]. Закрепление, или кодификация нормы происходит в грамматиках, справочниках, словарях. По сравнению с узусом («общепринятого употребления языковой единицы <...> в отличие от его окказионального (временного и индивидуального) употребления» [3: 532]) норма обязательна для использования в рамках литературного языка. Узус же может отражать более или менее последовательное употребление языковой единицы в той или иной функциональной сфере наряду с нерегулируемым или лишь отчасти регулируемым существованием других возможных вариантов этой единицы. Узус не кодифицирован, норма кодифицирована. Узус динамичен, он отражает то новое, что закрепляется в языке хотя бы на какое-то время; норма консервативна, она стремится надолго зафиксировать общепринятое, отсеять невыразительное, препятствующее успешной коммуникации, при этом норма иногда насильно задерживает в языке уже отжившее или отживающее.

В XVIII столетии, ориентируясь на западные образцы, где государственная жизнь была подчинена строгой логике, российское правительство не раз предпринимает попытки стандартизировать и официальную сторону жизни россиян, в том числе ее неотъемлемую часть — делопроизводство. Радикальные преобразования прошли не только в структуре самого аппарата, но и в способах оформления документации. Частичное упорядочение коснулось в основном графики, структуры документа, а также создания довольно большого корпуса трафаретов — готовых языковых формул, традиционно употребляющихся в данной сфере и механически включающихся в текст документа.

Стандартизация в графике, обусловленная введением в 1708 году гражданского алфавита, ведет к постепенному сокращению общего количества начерков одних и тех же букв, однако до самого конца столетия она окончательно не упорядочена. Наши наблюдения показывают, что в пределах одного документа может быть представлено от одного до пяти — семи вариантов начерков одной и той же литеры. В особенности это касается документов, составленных опытными писцами.

Во второй половине столетия попытки стандартизировать делопроизводство, создать своеобразную кодификацию выражаются через присылаемые из вышестоящих канцелярий формы ведения некоторых дел, например духовных книг

или ведения церковных служб по случаю каких-либо событий в императорской семье. В формах фиксируются основные блоки, которые должен содержать тот или иной документ, и трафаретные выражения. При этом строго стандартными являются только начальный и конечный блоки документов, составленных в центральных ведомствах. Они разнятся в зависимости от жанра документа, но внутри жанра отклонений практически не наблюдается. В текстах, составленных в местных канцеляриях, допускаются отклонения от стандарта. Так, в рапортах, составленных одним и тем же писцом, находим следующие конечные блоки: *ишимскому бховному / правлению о получении указа репортуем* [5: 30] (подпись отсутствует, дата получения указа и составления рапорта перемещены в начальный блок документа); *о чемь курганскому бхов. / правлению сим покорнѣйше и репортуемь. / мар. 30 дня / 1796 года* [5: 58] (подпись отсутствует); *о чемь сим покорнѣйше / и репортуемь / мая 25 дня 1797 года* [5: 71] (подпись отсутствует), *о чемь сим и сообщается* [5: 145] (подпись и дата отсутствуют).

Оформление срединной части документов более или менее свободно независимо от места составления текста. Стандартизация здесь проявляется в основном через обязательное включение в текст документа трафаретных оборотов, к которым относятся названия учреждений, должностей, дат, а также устойчивые формулировки (*Ея императорскаго величества указ, строжайше велено, сим сообщается, сообщенье под №... и т. п.*). Вместе с тем в срединной части документа нередко можно обнаружить элементы разговорной (*ворваться, сколько говорено было*) и диалектной речи (*страм, страмить, в строкъ «срок», на улисе, оболкнувшись «одевшись»*), просторечия (*амбонь, крылось «клирос», промотать казну*), бранную лексику, в документах, составленных ссыльными поляками, нередко обнаруживаются элементы польской речи (*вымывя «говоря», ктуры «котрый», в термине исполнено «в срок», безь сенсу «без смысла», серце «сердце»*).

Опуская вопрос о стандартизации в орфографии, слишком часто отражающей особенности живой разговорной речи, обратимся к грамматике.

Анализ документов, составленных и в центральных, и в местных канцеляриях показывает, что грамматическая вариативность — «неизбежное следствие языковой эволюции» [1: 26] — широко представлена в деловой письменности XVIII века. Нельзя сказать, что она совершенно не упорядочена, однако упорядоченность эта стихийна, не регулируется специальными правилами употребления, а опирается лишь на узус.

Несмотря на существование в XVIII веке школ, а также главных и малых народных училищ [4: 91], обучение в них давало лишь элементарные знания по арифметике и письму, наука делопроизводства осваивалась уже непосредственно в канцелярии, где обучение происходило от писца к писцу, при этом канцеляристы ориентируются в основном не на правила, а на свою речь и на устоявшиеся в формы.

Грамматическая вариативность в текстах XVIII века наблюдается и в именном, и в местоименном склонении, и, изредка, в использовании старых глагольных форм. Так, в сказках, духовных росписях, метрических книгах традиционно используется аористная форма глагола *умереть* — *умре: щценникъ александръ ивановъ Колугинъ / Умре 1791 года* [5: 208], *Дьячекъ андрей филиповъ одинцовъ холост / Умре 786 года* [5: 213], *в послѣднюю пред симъ ревизию при той церкви написана была вдова умершаго до ревизиі щценника тимофея неклюдова жена екатерина стпанова / умре 793 года* [5: 217]. Безусловно, форма эта для XVIII века архаична и узואльно функционирует только в текстах обозначен-

ных жанров, в остальных обычной является бессвязочный перфект — умер, умерла.

Таким образом, проанализированный нами материал свидетельствует о том, что стандартизация, обнаруживающаяся в деловой письменности XVIII века, отражает первые попытки нормализации письменной речи. При этом узувальные накопления в текстах, составленных в центральных канцеляриях, к концу столетия очень велики. Грамматическая вариативность в этих текстах постепенно перестает быть спонтанной и в XIX веке кодифицируется. В текстах местных канцелярий узувальных накоплений не так много, до конца столетия они ориентированы на традицию, а не на правило.

К происхождению диал. сущ. *егол* ‘черепок’

О. Г. Ягинцева

Тартуский университет (Эстония)

helga5@inbox.ru

Этимология, диалекты, посуда, глѣк

Summary. *The etymology of the russian dialectal word egol ‘a broken clay jug’.* The article makes an attempt to reconstruct the original internal form of the “non-transparent” dialectal word *egol*, found in some Russian dialects. The author argues for a connection between the noun *egol*, *glyok* ‘a clay jug’ and the verb *gudet* ‘to drone’ and claims that *egol* is derived from the following lexical group of words: lit. *gaudžiū, gaišti* ‘to sound, to drone,’ *gaudonē* ‘a gadfly,’ lith. *gáudas* ‘weeping, a complaint.’

В настоящем докладе предполагается осуществить реконструкцию и установить этимологию диал. сущ. *егол* ‘черепок’. В русских говорах встречаются также фонетические варианты *ягол*, *еголь* и суффиксальные производные *егольник*, *ягольник* ‘глиняный печной горшок’ [5, т. I: 8].

Сущ. *егол* представляет несомненный интерес с точки зрения своего происхождения. В самом авторитетном этимологическом словаре М. Фасмера данное слово дано с пометой «неясно» [5, т. I: 8]. Это обстоятельство обуславливает исследовательский интерес к его происхождению.

В. И. Даль, основываясь на значениях производных существительных (ряз. *егольник*, *ягольник* ‘горшок шаной или кашник’; тамб. ‘малый кашничек’: *Ягольник яряя, двухвостка, возьми-ка цупызник, да цупызни яго!* — *Горшок перекипает, невестка, возьми-ка уполовник, да уполовни яго* [1, т. I: 845]), неуверенно предполагает родство данной темы с польск. *яглы* ‘пшено’. У М. Фасмера почему-то для польского слова приводится форма ед. ч. *jaḡla* [5, т. I: 8], ср. мн. ч. у А. Брюкнера [6: 197]. Основное внимание этот последний уделяет проблематичному происхождению русского слова *яглый* ‘быстрый’ [6: 197], а П. Скок весьма неопределенно намечает сближение с.-х. *јагла* ‘просо’, с одной стороны, со словом *ягода*, с другой стороны, со словом *игла* [7, т. I: 745]. Такой подход характеризуется расплывчатостью, и весь богатый материал, представленный в данной статье его словаря, не дает однозначных перспектив для решения интересующего нас вопроса.

Значение исходного, бессуффиксного слова никак не свидетельствует в пользу гипотезы В. Даля: *еголь*, *егол*, *егольник* ‘черепок от битой посуды, иверень¹, верешок’ [1, т. I: 845]. В рязанских говорах *егол*, *еголь* ‘черепок от глиняной посуды’, 1858; в тамбовских, томских, тульских, самарских и др. *егольник* ‘небольшой горшок для каши’, ‘малый кашничек’ [4, т. VIII: 316]. К сожалению, в других словарях данной лексемы не обнаруживается.

«По форме глиняная посуда восточных славян делится на три основных типа. Она может иметь форму овала, цилиндра или усеченного конуса, повернутого основанием вверх. Овальные горшки делают главным образом для варки пицци, причем белорусы иногда оплетают их провололочной сеткой. Другая группа особых названий связана с назначением данной посуды: *кашник* используют для варки каши, укр. *золинник* — для кипячения воды при стирке, *штеник* — для

Литература

1. Горбачевич К. С. Номы современного литературного языка: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.
2. Кортова Т. М. Памятники делопроизводства как объект лингвистического исследования // Вопросы истории и источниковедения русского языка. Рязань, 1998. С. 16–20.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
4. Наш край в документах и иллюстрациях. Тюмень, 1966.
5. Шушарина И. А., Сысуева Р. П. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Выпуск 2. Курган, 2003.

варки шей. Очевидно, в эту же группу входит и русский *е(я)гольник* — маленький горшок для каши» [2: 138]. В свете вышесказанного уверенность Д. И. Зеленина выглядит необоснованной. Ведь производящее *е(я)гол(ь)* в значении ‘каша’ ни в одном славянском языке не зафиксировано.

Анализируемое слово по своей семантике напоминает *глѣк* ‘глиняный горшок’. Отличия во внешней форме заключаются в том, что

1) у сущ. *егол* имеется корневой гласный *о*. Однако он может происходить из *ь* в сильной позиции;

2) в *егол*, *ягол* имеются начальные гласные *е* и *я*. Если это слова родственные, то они (гласные) должны иметь префиксальный статус². Действительно, в русском и славянских языках отмечается префикс *я-* в качестве приставки с ослабляющим или приблизительным оттенком значения. Такая же приставка обоснованно выделяется в анализируемых словах при предлагаемом нами этимологическом решении: **gьль* → *я-гол* > *е-гол*;

3) в сущ. *глѣк* наличествует отрезок *-ѣк*. При сравнении с **gьль* понятна функция данного отрезка как первоначально уменьшительного суффикса.

Имеющаяся в словаре И. И. Срезневского форма *гольк* ‘рукомойник’ (*гольк* ‘сосуд, кувшин’) [3, т. I: 612] свидетельствует о том, что между *г* и *л* некогда был гласный, который в сильной позиции проявился. Причем он мог быть даже вторичным, а не органичным. Т. о., *егол*, *ягол* понимаются как однокоренные слова с лексемой *глѣк*, в составе которой мы вычленим уменьшительно-ласкательный суффикс. Тогда как *егол*, *ягол* представляют собой бессуффиксальные образования, но имеющие приставку приблизительного сходства.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 2003.
2. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
3. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л.; СПб., 1965–.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
6. Brückner A. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1957.
7. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb, 1971.

¹ Это малоупотребительное ныне слово означает ‘щепа, ошепок; черепок, осколок’ [1, т. I: 6].

² Форма *ягол*, по всей вероятности, является первичной по отношению к *егол*. Мы это утверждаем потому, что безударное *е* может отражать редукцию безударных гласных.